

СВЕТЛАНА ВЯТКИНА

Ковчег (ИД Городец)

Светлана Вяткина

Возвращение

ИД «Городец»

2020

УДК 821.161.1-31
ББК 84(2Рос=Рус)6

Вяткина С.

Возвращение / С. Вяткина — ИД «Городец», 2020 — (Ковчег
(ИД Городец))

ISBN 978-5-907085-63-3

Действие романа «Возвращение» начинается в 1910 году, в поволжском имении Благодатное. В центре повествования судьба русского дворянина, студента, затем офицера Юрия Назарова, волею рока оказавшегося в Европе в качестве бездомного мигранта. В 1916 году из патриотических побуждений Юрий бросает учебу в университете и уходит добровольцем на фронт. После революции, не желая участвовать в гражданском кровопролитии, он покидает Отечество. «И пусть наша одиссея начнется с мечты о возвращении, потому что, когда уезжают, зная, что больше никогда не вернутся, – это бегство», – говорит своему товарищу по оружию Назаров. Он еще не знает, что его скитания по Евразийскому континенту затянутся на долгие годы, полные лишений и потерь. Но, шаг за шагом отнимая у Юрия практически все, судьба не в силах забрать главное – возвращение в «объятия Отча».

УДК 821.161.1-31
ББК 84(2Рос=Рус)6

ISBN 978-5-907085-63-3

© Вяткина С., 2020
© ИД «Городец», 2020

Содержание

Часть I	6
Часть II	79
Конец ознакомительного фрагмента.	105

Светлана Вяткина

Возвращение

*Памяти Георгия Сергеевича Масленникова, бывшего поручика
Донской армии*

© Вяткина С., 2020

© ИД «Городец», 2020

Часть I

– Если в детстве ты ни разу не ощутил себя отщепенцем, бесконечно несчастным и пред всеми виноватым, то впоследствии не поймешь главного: зачем явился на свет. Казалось бы, что плохого в упитанном счастье ребенка? В общем-то ничего. А все же такой «счастливчик» заслуживает лишь корыта, вскормившего его, но Истины с большой буквы сей баловень вряд ли удостоится, – донесся из темноты бас, по которому легко узнавался Петр Ильич Мальцев, инженер, снимавший на лето флигель в доме лодочника.

– Это почему же? – ответил ему незнакомый голос.

– Душа останется неразбуженной. Мы недооцениваем воспитательную роль страданий.

– Неужели?

– Конечно. Ведь и зерно перед посадкой следует «разбудить», иначе оно не взойдет. Хоть простую луковицу возьмите: подранишь ей темечко, глядь – и проклюнутся перышки.

– Насчет лука не спорю, да и насчет детей не буду. Я ведь холост, опыта не имею и вообще... – незнакомца мучила одышка, – ужас, как парит сегодня, только у реки еще и можно жить.

– Представляю, какая духота в городе, – поддакнул Мальцев, но тут же вернулся к прежней теме: – Истина дороже благополучия, вот в чем дело. Подобное стремится к подобному, и человек, как существо духовное...

Дальнейших слов было не разобрать из-за шороха прибоя, играющего речной галькой, да и мужчины изрядно удалились от дерева, в ветвях которого прятался шестнадцатилетний гимназист Юрий Назаров.

Он не узнал голоса второго собеседника, Впрочем, это неважно. Тезис инженера показался ему нелепым, как и выражение «упитанное счастье», но, подумав, он решил, что, пожалуй, в этом что-то есть. Сколько раз он чувствовал себя несчастным и виноватым. Например, еще до гимназии, когда стащил у няньки полтинник и был уличен. Из-за позора, но больше от испуга, вызванного воплями отца, похожими на японский боевой клич «мой-сын-вор», был пролит океан слез. Плакали все: нянька, мама, сам Юрий, а громче всех трехлетняя Марика, которая, не понимая смысла происходящего, выла просто за компанию. Зато каким искренним было раскаяние! Все давно забыли об этом скандале, но Юрий-то помнил. Еще ужасней было, когда мама тяжело заболела и отец возил к ней докторов. Юрий так боялся, что она умрет, так плакал, страдал, молился, что и сам слег. На метавшегося между ними отца больно было смотреть. К счастью, обошлось – все выздоровели, и жизнь вошла в норму.

В общем-то нечего Бога гневить, Юрий рос в неге и любви. Его баловали, ублажали, лелеяли. Он был первенцем, а знак первородства бесценен. И все же в потаенных уголках его детской души всегда жило предчувствие чего-то мучительного, тревожного, чему он не умел дать названия, даже когда подрос. Всем ли детям вообще или только его поколению было свойственно это подспудное предчувствие беды, сказать трудно, но в Юрином сердце невесть откуда возникшая печаль сидела глубокой занозой, и не оставалось ничего другого, как научиться с нею сосуществовать. Ольга Александровна давно заметила, что, даже если сын смеялся, его глаза оставались грустными. Она решила, что мальчик чересчур впечатлителен, и с беспокойством спрашивала мужа, отразится ли это на его судьбе. Николай Николаевич отмахивался, мол, «это возрастное и пройдет».

В мае Юрий оконфузился на экзамене по математике и теперь готовился к осенней переэкзаменовке. Его это мало огорчало, так как существовали другие «великие» вопросы, над которыми он любил размышлять. Например, о своем предназначении, то есть о своей роли в судьбе страны и даже мира. Еще он мечтал познать такую любовь, ради которой можно пожертвовать всем, в том числе и миром с его вечными, неразрешимыми проблемами. Он знал, что

настоящему чувству сопутствуют неслыханные страдания, и заранее соглашался все претерпеть ради любви, ибо жизнь без великих испытаний пуста и ничтожна. Впрочем, в шестнадцать лет романтизм еще извинителен. К тому же время и место для философических мудрований были соответствующими: томный июльский вечер, мягкое шуршание волны в галишнике, торжественный и протяжный, как коровье мычание, закат... Юрий намеренно затаился под грузной ветлой, чтобы подкараулить наглеца, опустошавшего его ловушки. И ведь достает, шельма, самую крупную рыбу! Ничего, сегодня попадется. В имении его вряд ли хватятся, там полным ходом идет подготовка к завтрашнему празднику.

Когда темнота стала осязаемо-волнующей, как ткань женского вечернего платья, наступило состояние особенно приятного душевного расслабления, которое больше всего ценят поднадзорные дети. Юрий твердо знал, что в данную минуту ни одна пара глаз не посягает на его свободу. Вспомнив, что утром не дописал стихотворение, он принялся бубнить:

*Эта ночь ниоткуда
Унесла, как вода,
Мою тайну-причину
В белый день, в никуда.
Этой ночью случайной
Не пригрезились ли
Золотыми свечами
По реке корабли...
Ни мечты, ни надежды...
Только там-тара... дым...*

Там-тара-дым... нам молодым. Там-тара-той... – тебе молодой, волной, голубой, золотой... Впрочем, уже есть золотые свечи – достаточно. Ни мечты, ни надежды, только... запах речной... Неплохо! Ду-ду-ду, ду-ду-ду-ду – только шорох речной... И само собой прибило наверх: «Хорошо без одежды плыть с тобой, молодой!»

А что, пожалуй...

*Ни мечты, ни надежды...
Только шорох речной.
Хорошо без одежды
Плыть с тобой, молодой.*

Без одежды он еще ни с одной женщиной не «плавал», поэтому сам удивился столь смелому образу. Когда он прочтет эти стихи гимназическим витиям, все обзавидуются: во-первых, его гениальности; во-вторых, любовному опыту. Кто посмеет усомниться, что метафора приплыла из личной практики? Убаюканный этими грезами, Юрий не заметил, как заснул.

Его разбудили раскаты грома. Сообразив, что небеса вот-вот разверзнутся, он припустил к дому. Первые тяжелые капли догнали его на подступах к террасе, так что промокнуть он не успел. До «маминога утра» еще вполне можно было выспаться.

Одиннадцатого июля¹ у хозяйки имения Ольги Александровны был день ангела. В Благодатном его справляли пышно: нанимали музыкантов, со всей округи съезжались гости, за праздничным столом провозглашались велеречивые тосты, а после устраивали танцы и фейерверк в саду. «Ольгины именины» были неотъемлемой традицией здешнего общества.

¹ По новому стилю 24 июля.

Почти все мужчины округи, от гимназистов до старичков, испытывали влечение к милейшей Ольге Александровне. Их пленяли не только ее вишневые очи, шелковистые локоны и плавные линии фигуры. Более всего мужчинам нравились ее легкость и жизнерадостность. Эти качества во все времена ценятся выше добропорядочности и хороших манер. Веселый нрав и приветливость хозяйки Благодатного смиряли даже злословие дам.

Господский дом располагался на берегу Оки и был окружен старинным садом. Имение было обширно, слегка запущено, подобно необъятной и безалаберной матушке-России.

Летом ставни на ночь не закрывали. Ольга Александровна проснулась на заре. Утренний воздух приятно бодрил мятной прохладой. Она сидела еще в пеньюаре, когда в спальню постучались муж и дети.

Это была семейная традиция – «мамино утро».

Николай Николаевич преподнес ей бриллиантовое кольцо работы Фаберже, а Юрий и Марика – миниатюрный фотоальбом из мягкой кожи цвета слоновой кости, с тиснением и серебряными застежками.

Ольга Александровна ласково прижала к себе детей. Умиленный этой сценой Николай Николаевич самодовольно шурился.

Примеряя кольцо, Ольга Александровна все же попеняла ему:

– Спасибо, друг мой, твоя щедрость говорит о многом. И все же к чему такие траты в нашем положении?

– Пусть все думают, что наши дела в полном порядке, это важно для получения кредита. Впрочем, я хотел сделать тебе приятное.

Ольга Александровна поцеловала мужа, потом еще раз детей, после чего все разошлись по своим делам. Душа Николая Николаевича потянулась к роялю, он прошел в залу. Марика, которой было всего тринадцать, побежала примерять новое платье, купленное специально к сегодняшнему вечеру, а Юрий улизнул к реке. Еще раньше он стянул из буфета початый штоф водки и в своей комнате перелил ее в пузырек из-под микстуры. За косушку «беленькой» сторож просмолит днище лодки и починит уключину.

Ольга Александровна оделась, прошла на террасу и по длинным закругленным ступеням спустилась в сад. Любуясь цветником, обнимавшим дом по всему периметру, она счастливо улыбалась: неужели в раю будет слаще? – и панибратски подмигивала небу.

Солнце еще не раскалилось и не успело никого утомить, напротив, после ночной грозы природа благоухала.

Пока она гуляла, служанка накрыла на стол. На террасе пахло самоварным угольком и кондитерскими пряностями. Вскоре к чаю собралась вся многочисленная родня. После шумных поздравлений, объятий, поцелуев Ольгу Александровну усадили в большое кресло, украшенное цветочными гирляндами. В центре стола на специальном подносе возвышался пышный именинный крендель.

К десяти часам прибыл батюшка с певчими. В большой зале был отслужен молебен в честь благоверной княгини Ольги – небесной покровительницы хозяйки имения. Ради этого в залу принесли аналой, зажгли лампаду и на место картины с морским пейзажем повесили образ Вседержителя, который в другие дни висел в спальне. Молебен закончился общим целованием креста и провозглашением «многая лета» имениннице со сродниками и домочадцами.

К обеду начали съезжаться гости: окрестные помещики с семьями, офицерские чины, а также высшее губернское начальство во главе с губернатором, прибалтийским бароном фон Вурменталем, прибывшим с супругой – сухопарой чопорной немкой по прозвищу Фрау Варума, или просто Варума. Так ее окрестили за часто повторяемое «warum?»².

² Почему? (нем.)

При губернаторе, как всегда, его тень – полицмейстер Наливайко, бравый полковник в усах и бакенбардах, большой любитель скабрёзных анекдотов. Наливайко прибыл с кавалькадой полицейских, которых расставил там и сям для безопасности. Он был особенно бдителен, так как прозевал предыдущего губернатора, застреленного из револьвера террористом. В ту роковую ночь бедняга под утро возвращался от любовницы, а полицмейстер, выходит, не обеспечил его охрану, за что едва не поплатился должностью.

В последние годы в губернии было неспокойно. Вслед за неудачами в японской войне по стране диким вепрем пронеслась революция. Повсюду пылали помещичьи усадьбы, а вот имение Назаровых уцелело, и многие недоумевали: почему же лихо одноглазое обошло стороной Благодатное?

Торжество началось в пять часов пополудни. Сначала гости толпились у закусочного стола, накрытого по-французски *a la fourchette*, но с русской водкой. Подкрепившись и повеселев, многие хоть сейчас готовы были приступить к танцам, но тут всех пригласили к ужину и рассадил согласно рангу. Предусмотрительные хозяева позаботились о кувертных карточках.

Кухня и вина были французские, к каждому блюду подавали соответствующие напитки. Кавалеры не скупились на комплименты, ухаживая за дамами, дамы вовсю кокетничали, в общем, царила празднично-приподнятая атмосфера, соответствующая началу любого застолья.

Слово взял губернатор Вурменталь, говоривший с немецким акцентом:

– Господа! Разрешите мне, как представителю государственной власти, поднять бокал за здоровье уважаемой Ольги Александровны, нашей именинницы! Поскольку муж и жена – единая плоть, то поздравляю и Николая Николаевича с днем ангела жены! Желаю супругам долгой и счастливой жизни. – Чокнувшись с хозяевами, он продолжил: – Пользуюсь случаем, господа, чтобы сообщить: революция в нашей губернии окончательно ликвидирована, корни сорняков безжалостно вырваны! (Раздались аплодисменты.) Я знаю, что многие из вас пострадали от бунтовщиков, но уверяю: больше такого не повторится. Законность восстановлена! (Аплодисменты.) Невольно напрашивается вопрос: почему большинство помещиков так или иначе пострадали, а Николай Николаич Назаров, наш любезный хозяин, никоим образом? Я вам отвечаю: Николай Николаич знает свои обязанности по отношению к крестьянам и добросовестно их выполняет, а крестьяне знают свои обязанности по отношению к барину и тоже их выполняют. Между ними – гармония! Желаю вам всем, господа, достичь в ваших имениях подобной гармонической атмосферы, и тогда она гармония разольется по всей России. Спрашивается, кому в этом случае будет нужна революция? Никому! Вспоминайте чаще слова нашего уважаемого премьер-министра Петра Аркадьевича Столыпина, произнесенные им в адрес так называемой «прогрессивной оппозиции»: «Вам нужны великие потрясения, а нам нужна великая Россия!» За ваши будущие успехи, господа!

Последовали щедрые аплодисменты.

Встал Николай Николаевич и произнес тост за благоденствие высшего начальства, а затем еще несколько тостов за своих гостей. Потом другие ораторы подымали бокалы и возносили здравницы.

Застолье явно удалось.

После обеда старшие по возрасту и чину перешли к ломберным столам, чтобы отжаться висту и преферансу, а молодежь разбрелась по тенистым уголкам вечернего сада, где можно было вволю флиртовать. На берегу, возле деревянных мостков, покачивались несколько лодок, ими не замедлили воспользоваться. На террасе барского дома до поздней ночи веселились и танцевали.

Вся усадьба была иллюминирована разноцветными фонариками.

В конце бала округу озарили огни фейерверка, причем последние залпы выписали на темном небе инициалы именинницы – *О. Н.*

К рассвету гости разъехались. На столах остались горы грязной посуды и пустых бутылок. Сомлевшая прислуга принялась за уборку. Вскоре дом погрузился в сон. Даже охрипшая от усердия собака уgomонилась.

– Пир во время чумы, – устало говорила Ольга Александровна, раскладывая по шкатулкам свои драгоценности.

– Ничего не поделаешь, – пожал плечами Николай Николаевич, любуясь тем, как в про-светы между портьерами пробиваются лучи восходящего солнца.

По линии матери Николай Николаевич Назаров происходил из купцов – богатых рыбо-промышленников, а по отцу – из столбовых дворян. История брака его родителей была рас-пространенной в XIX веке: обедневшая аристократия рoднилась с амбициозным капиталом. Не сказать чтобы родители Назарова были счастливы, но все же умудрились не испортить жизнь – ни себе, ни единственному сыну. Приданое жены в виде рыбного промысла на Волге надежно обеспечивало жизнь семьи, но отец вел дела неохотно. Он был увлечен юриспруден-цией и вечно писал какие-то статьи с предложениями по усовершенствованию законодатель-ства. А мать с упоением занималась музыкой и передала эту любовь сыну. К несчастью, она рано умерла.

Николенька Назаров по настоянию отца получил юридическое образование в Казанском университете. Он учился долго и неохотно, а в будущем вообще не собирался использовать свой диплом. Государственная служба претила однообразием, адвокатура и вовсе казалась ему нечестным занятием, поэтому после смерти отца он с легким сердцем и большими убытками для себя продал фамильный бизнес. Что делать, если рыбный запах вызывал у него что-то типа душевной аллергии. Не торчать же месяцами ради севрюги-стерляди на окраине России. Его страстью была музыка, только игра на рояле никогда ему не надоедала. Николай Николаевич хотел от жизни наслаждений, красоты и покоя, а материальный достаток позволял ему все это иметь.

Вскоре после получения наследства он уехал за границу. Изрядно поездив по Европе, Назаров неожиданно для себя затосковал по родине и так же легко, как уезжал, вернулся в родной город, где прямо с корабля попал на бал в Дворянском собрании. Здесь он встретил свой идеал – Оленьку Немеровскую, которая очаровала его своей красотой. Почти не раздумывая, он сделал ей предложение.

Ольге Александровне едва исполнилось шестнадцать. Она еще не умела разбираться в тонкостях душевных переживаний. Смелые и восхищенные взоры мужчин ее скорее пугали, чем окрыляли. Николая Назарова ее неопытность умиляла в той же степени, в какой ослепляла ее красота, и он решил, что эта девушка – совершенство.

Нельзя сказать, что Назаров не нравился Ольге Александровне, нет, она находила его приятным и милым. Их отношения довольно точно описаны классиком: «В то время был еще жених ее супруг, но по неволе она вздыхала о другом, который сердцем и умом ей нравился гораздо боле»³. Гораздо боле юной Оле нравился бывший сокурсник Назарова Анатолий Алек-сандрович Шумский, считавшийся в городе самым завидным женихом, quia⁴ – знатен, статен, богат.

Шумский элегантно ухаживал, присылал по утрам букеты, но с предложением почему-то медлил.

Ольга Александровна происходила из старинной дворянской семьи. Ее отец служил ула-ном при дворе Его Величества, но промотал состояние и умер, оставив жену и трех доче-

³ А. С. Пушкин, «Евгений Онегин», гл. III.

⁴ Ибо (лат.).

рей без средств. Вдова получала небольшую пенсию и была в полной зависимости от богатой тетки, которая приютила осиротевших родственников. Ольга понимала, что ее замужество желательно для всех, поэтому, погрузив о невозможности идеальной любви, приняла предложение Назарова, тем более что богатая тетюшка жениха одобрила. Вскоре состоялась свадьба.

Состояние Назарова позволило купить большое имение с подходящим названием Благодатное, где для счастья молодых имелось все: традиционный дом в колониальном стиле, огромный парк на берегу реки, плюс живописное озеро с мельницей, конюшня и винокурня. Прочие хозяйственные постройки молодого помещика не интересовали. Николай Николаевич был убежденным западником. Ему нравилось все британское, и он старался соответствовать избранному стилю: всегда был чисто выбрит, носил, как говаривали крестьяне, «агличские» костюмы, короткие усики и неизменный монокль. Дамы считали его джентльменом и ставили в пример мужьям. Свой народ он снисходительно жалел за невежество, нищету и... умственную неполноценность, считая лень, воровство и пьянство генетическими чертами русских крестьян. На этих убеждениях строились его отношения с ними. Не имея ни малейшего понятия о сельском хозяйстве, он купил Благодатное, поверив бывшему владельцу и посреднику-комиссионеру, что имение – «поистине золотое дно», которое надежно обеспечит семью.

Вскоре он убедился, что приобрел не «дно», а прорву, и в придачу – долги, убытки и головную боль. Теперь он все время думал о сроках платежей по векселям и жил в постоянном страхе перед неминуемым разорением. Ведением хозяйства он не интересовался, считая это обязанностью управляющего – иначе для чего же его наняли?

Управляющий происходил из обедневших татарских князей. Он действительно знал, что надо делать, чтобы ускорить окончательное разорение барина. Отчасти в насмешку, отчасти по старому чину, все его называли Князь, на что татарин не обижался.

– Мне кажется, нас кругом обкрадывают, начиная с твоего Князя и кончая коровницей, – жаловалась Ольга Александровна мужу.

– Не будешь же ты сама доить коров и выбирать из-под кур яйца, – урезонивал ее супруг. – Все закономерно, в России испокон воруют: царь крадет у народа права, министры и чиновники разбазаривают народное добро и берут взятки, ну а мелкие людишки довольствуются яйцами, курами, поросятами. Таковы наша Русь и народ-богоносец. Вот в Англии все иначе...

На все случаи жизни у него была неизменная присказка «ничего не поделаешь», говорившая не столько о смирении, сколько о равнодушии к внешним обстоятельствам. Не то чтобы Назаров был фаталистом, просто ему не хотелось ни во что вникать. Он не философствовал, он жил. Зато его супругу эта фраза со временем стала раздражать, ведь только неземная любовь способна обращать слабости ближних в милые индивидуальные особенности. Чувство Ольги Александровны было вполне земным, поэтому всякий раз, когда муж произносил «ничего не поделаешь», она морщилась, словно собиралась чихнуть.

Мало было Назаровым хозяйственных трудностей с имением, так начался еще и революционный угар, последствия которого до сих пор ощущали все помещики. Усадьба уцелела, но вовсе не потому, что крестьяне любили своего барина, просто не было резона сжигать поместье. Винокуренный завод плюс испольная система хозяйства их вполне устраивали. Благодатские мужики решили, что лучше терпеть барина-олуха, раз все равно появится другой, а каким он будет, еще вопрос. Назарова они презирали уже за то, что он не отличал рожь от пшеницы.

Старшее поколение крестьян верило, что земля вот-вот перейдет народу и отдаст ее сам Государь, не считаясь с волей помещиков, как сделал Александр Второй, даровавший свободу, пусть пока и без земли. Никто не знал, когда это случится, уповали на высший промысл: Бог поможет, царь прикажет, а наше дело мужицкое. Лишь крестьянская молодежь была вовлечена в революционное движение через пропагандистские листовки, которые распространяли «лихие люди», ходившие по деревням и селам, да некоторые молодые мужики на словах извляли готовность взяться за вилы, «если что». Деревня жила надеждой, несмотря на предчув-

ствие новой революции, особенно после знаменитого «Крестьянского съезда» 1905 года, когда выборные деревенские депутаты ничтоже сумняшеся заявили в ответ на упреки в бесчинствах: «Никого мы не силовали, а тока чуток поучили помещиков и управляющих, да и то тех тока, кто ерепенился...»

У хозяев Благодатного, по сути, был единственный выход: продать имение. Но попробуй найти покупателя в столь смутное время.

Летом все свободное время Юрий проводил на реке – купался, рыбачил, катался на лодке, а по вечерам приохотился сидеть с бурлаками у костра и слушать их ядренные разговоры. При- сутствие барчука никого не смущало, ему наливали из общего котла, ну и он старался внести «малую лепту»: угощал мужиков яблоками, малиной, смородиной и краденной у отца водкой.

Когда он провалился на экзамене и ему назначили осеннюю переэкзаменовку по мате- матике, родители наняли репетитора – Ивана Егоровича Маркова, студента медицинского факультета.

Сегодня Юрий уговорил Маркова посидеть с удочками у реки, потому что в такую жару никакая математика в голову не шла. Они устроились в тени, под ветлами, близ водокачки, закинули удочки и вяло наблюдали за поплавками. Стайки рыб сновали на поверхности теплой воды, и даже крючок с дрожащим червяком их не соблазнял. На водокачке пастушок Федька гонял по кругу пару кавказских осликов.

– Довольно! Не клюет, слишком жарко, – сказал Иван Егорович, вытирая замусоленным платком вспотевший лоб. – Займемся лучше алгеброй. Вот опять провалитесь на экзамене, что тогда?

– Ай-й... – вяло отмахнулся Юрий.

– И вам не стыдно будет сидеть второй год? Целый час ловим каких-то лягушек.

– Жа-а-арко, Иван Егорыч. Айда купаться!

– Но сейчас купаются женщины – их час.

– А мы здесь поплаваем.

– Не стану я нарушать порядка.

– Как хотите, а я окунусь. – Юрий скинул штаны. – Сейчас увидите женский переполох, они решат, что я водяной.

Две молоденькие кузины Юрия – Вера и Надя – сидели нагишом на пороге купальни. Свесив ноги в воду, они старательно мылились. Покрыв себя радужной пенкой, девочки прыгнули в реку, окрасив воду в молочный цвет. Вынырнули у противоположного берега – там, где можно достать ногами дно. Вдруг барышни испуганно взвизгнули: кто-то схватил их под водой за ноги.

– Юрка! Нахал! – закричали они, увидев возле себя довольное лицо брата. Схватив его за голову, они принялись топить своего кузена.

Вырвавшись, Юрий обхватил девушек за шеи и нырнул вместе с ними. Бурлила вода, летели во все стороны брызги, берег оглашался девичьим визгом. На помощь девочкам, размахивая полотенцами, спешили Ольга Александровна и ее младшая сестра Любовь Алексан- дровна – мать Веры и Нади.

– Мы пожалуемся тете Саше! – притворно возмущались девушки.

– Сами виноваты! Зачем меня топили? Воблы вяленые! – фыркал Юрий, уплывая восво- яси.

– Ой-ей, карась драный! – летело ему вслед.

Марков тоже принялся ему выговаривать:

– Э-э, ну как вам не стыдно, Юра.

– Сами виноваты, мокрицы, топить меня вздумали.

– Довольно глупостей, идем решать задачи!

– Дайте же прийти в себя, я выдохся. Расскажите лучше что-нибудь из вашей жизни, а то я про вас почти ничего не знаю.

– Что вас интересует?

– Например, кто ваши родители?

– Они уже умерли. Отец служил камердинером, а мать – горничной у помещика Новосельцева.

– И вы попали в гимназию? И окончили ее?

– Даже с золотой медалью.

– И через год будете доктором?

– Вас это удивляет? Ну еще бы. Мне тяжело было пробиться, не то что вам. Мои родители всю жизнь трудились и все заработанные рубли откладывали на мою учебу. С пятнадцати лет я репетирую, зарабатываю на пропитание. Ничего, окончу университет, будет легче. Настоящая жизнь начнется, когда я стану земским врачом. А вы хоть раз задумались о том, как будете жить?

– Пока мои родители об этом думают.

– Но должны же вы и сами чего-то добиться. Вам мешает лень, да только не вы в этом виноваты.

– Кто ж еще?

– Среда, в которой вы живете.

– Что такое среда?

– Помещичий класс, к которому вы принадлежите, беззаботная, праздная жизнь...

– О, да вы завидуете, Иван Егорыч? – прищурился Юрий, довольный тем, что уличил репетитора.

– Нисколько! Я горд тем, что я труженик. У меня есть будущее.

– А у меня, по-вашему, нет?

– У вас, как у помещика, будущего нет. Новая революция отымет все.

– Вот те раз!

– Это закон истории. Посмотрите, сколько бедных вокруг! Разве это справедливо?

– Так Бог устроил!

– Чепуха! Это создали сами люди. Надо, чтобы все имели одинаковую долю и жили без нужды.

– Бог всех людей создал разными, Иван Егорыч, поэтому одинаково для всех не будет никогда. А если таким, как я, не будет места, то что же мне делать?

– Пока только одно: побороть свою лень и учиться. Если из вас выйдет образованный и сильный человек, то революция вам не будет страшна, напротив, вы будете ей нужны.

– Да, я часто думаю о том, что никому не нужен, – вздохнул Юрий о своем, о юношеском, но Марков его не понял.

– Хорошо, что у вас появляются трезвые мысли. Труд обязателен для каждого человека. Не то ваша судьба будет такая же, как у пастушка Федьки: гонять всю жизнь ослов на водокачке – куда как весело!

Юрий не ответил. Ему надоели нотации придурковатого репетитора. Он смотрел в небо и думал, как трудно быть вежливым с тем, кто вызывает раздражение лишь одним своим видом. Спихнуть бы этого зануду в воду – всем на потеху...

– Я должна серьезно поговорить с вами, Иван Егорыч, – сказала Ольга Александровна Маркову после утреннего завтрака.

Они присели на скамейку под старой липой.

– Довольны ли вы Юрой? Только говорите правду!

– Надеюсь на его способности.

– Но выдержит ли он переэкзаменовку?

– Думаю, выдержит.

– Ну, слава Богу!

– Так Бога ж нет.

– Бог есть, просто вы от Него отреклись. Но не будем спорить. У меня к вам другой вопрос. Вы человек из народа, всех знаете. Скажите, что говорят наши мужички в деревне?

Марков, нехорошо ухмыльнувшись, пожал плечами:

– Костерят помещиков, которые ничего не делают для народа. Сами знаете, деревня погрязла в нищете, болезнях, невежестве. Конечно, все мечтают о земле.

– И нам жаль свой народ, но как всем помочь...

– Ольга Санна, я вас очень прошу: никогда не говорите со мной о жалости к народу. Это обидное для народа чувство, а значит, и для меня. Я сам мужик, и все мои близкие – тоже мужики. Надо не жалеть, а отдать крестьянам землю.

Ольга Александровна была ошеломлена.

– Продать? – переспросила она.

– Нет, даром отдать. Откуда у мужиков деньги?

– У некоторых крестьян есть средства. Кто посмекалистей – извозом занялись, даже разбогатели. А даром, по-моему, несправедливо. Ведь и помещикам надо чем-то жить.

– Им лучше всего переселиться в город.

– Без средств?

– Средства пусть зарабатывают своим трудом.

– Легко сказать.

– А как же я, как же миллионы других?

– Вы были с детства приучены, а нас воспитывали иначе.

– Смешной аргумент, не находите?

– Не нахожу. А помещиков, которые идут крестьянам навстречу, их-то за что обижать?

– Покажите мне таких помещиков, Ольга Санна!

– Вот те раз! А мы?

– Вы? – насмешливо переспросил Марков. – Да разве вы знаете свой народ, разве уважаете и понимаете его? Земля должна принадлежать тем, кто ее обрабатывает. Помещики ничего не смыслят в сельском хозяйстве, они только губят землю. И сами разоряются, и земля уплывает в руки купцов да кулаков, а крестьяне бедствуют на своих скудных наделах. Разрешите дать вам совет от чистого сердца, Ольга Санна. Продайте как можно скорее имение, пока его у вас не отняли силой.

– Но что же потом? Что должен делать мой муж?

– На вырученные деньги купите себе дом в городе. Ваш супруг может стать адвокатом, даже передовым адвокатом, защитником интересов народа. Хотя, по правде сказать, я сильно сомневаюсь...

– Да вы революционер, Иван Егорыч! Я давно догадалась.

– Терять-то нечего.

– Не зря управляющий доложил мужу, что вы часто бываете в деревне, подстрекаете людей, читаете им недозволенные книжки.

Марков усмехнулся:

– Я же говорил вам, что я – мужик, вот меня и тянет к своим. С кем же еще разговаривать? А что книжки читаю крестьянам, так ведь они неграмотные, а я – мужик образованный.

– Иван Егорыч, пока мы закрываем глаза на ваши дела, но не можем ручаться, что Князь не донесет на вас. Она встала, показывая, что разговор окончен. Марков тоже встал. Чуть кивнув ему, она пошла по направлению к дому.

– Благодарствую за предупреждение, Ольга Санна, буду осторожнее! – крикнул Марков ей вслед.

– Куда идете, девочки? – спросил Юрий, догоняя рано утром Веру и Надю.

Обе кузины были с корзинками и в простеньких косынках.

– Мы за грибами, айда с нами!

Юра обрадовался приглашению. Он считал себя влюбленным, только еще не решил, кого предпочесть. Обе девушки мерещились ему днем и ночью в том виде, в каком он увидел их недавно в реке. Он чувствовал, что становится мужчиной, и злился, что никто не принимает его всерьез.

В лесу было тихо и прохладно. Меж деревьями бликовало солнце, пахло травой, разогретой смолянистой корой и грибами. После дождя земля осела, обнажив нежные грибные шляпки.

– Сегодня грибы просто сами лезут в корзину, – радовались девочки.

Уже через полчаса обе корзинки были полны.

– Остальные соберем в подолы, а то придут девки из деревни, все выберут. Теперь отдохнем, – предложила Надя.

Втроем они растянулись на траве и закрыли глаза. Юрий лежал между кузинами, смотрел то на одну, то на другую. Обе казались ему прехорошенькими.

– Если хочешь, Юрочка, можешь нас целовать. Строго по очереди, только не в губы – это неприлично. Ты разрешаешь, Вера?

Юрия не пришлось уговаривать. Сначала он целовал девушек скромно, потом поцелуи стали более смелыми и пылкими, за что он получил от обеих девиц по оплеухе.

– Довольно! – сказала Вера, вставая. – А ты нахальный, Юрка. Что будет, когда ты вырастешь?

– Я уж вырос!

– Ой, вырос!

– Мужчина!

– А мы и не заметили! Но можем указать тебе адрес...

– Какой еще адрес? – вкрадчиво спросил Юрий.

– А горничная Дуняша? С ней можешь не стесняться, – сказала Надя. – Ты разве не заметил, какая она пухленькая? Подкати-ка к ней.

Сестры снова засмеялись.

– Как же, добьешься от нее, – буркнул Юрий.

– Ага, пробовал уже! Не удалось!

Вера полушепотом, как бы выдавая страшную тайну, сказала:

– Дуняша путается с Володькой. Все его карманные деньги уплывают к ней за пазуху. Она собирает себе на приданое. А Володька даже курить перестал.

– С вами, нахалами, так и надо, – одобрила Надя Дуняшу. – Юрочка, а ты попробуй подкатить к Мари-Роз. Может, клюнет?

– Что ты болтаешь! Перестань! – одернула сестру Вера.

Но Надя не смутилась:

– Отчего ж? Француженки – опытные женщины, чему-нибудь да научат.

– Пошли лучше собирать грибы в подолы!

Девушки вновь принялись опустошать грибную поляну. Юрий дразнил их, подбрасывая поганки. Набрав полные подолы и нагрузив брата своими корзинами, все вместе пошли домой.

Потерпев фиаско с кузинами, Юрий решил прислушаться к их совету и закинуть удочку к гувернантке своей сестры. «Как же я раньше не замечал мадемуазель Мари-Роз! Между тем

она мила, привлекательна, у нее тонкая талия, длинная шея и легкая походка...» – перечислял он в уме достоинства девушки. Осталось придумать, как к ней подступиться.

Он начал следить за гувернанткой и однажды заметил, что, уложив Марику, она, опасливо оглядываясь, пошла по большой аллее к старой беседке над обрывом. Юрий крался следом, прячась за кустами акаций. Было уже темно, лишь луна, точно сводня, подсвечивала тропинку, да звезды насмешливо перемигивались, словно намекали на что-то нечистое.

Мари-Роз вошла в беседку. Юрий прильнул глазом к дырке в дощатой стене, которую сам же когда-то проковырял гвоздем. Послышался мужской голос. Юрий с ужасом узнал голос дяди Поля, который говорил по-французски. Он был мужем тети Лены, третьей сестры Ольги Александровны. Дядя явно о чем-то просил, даже умолял. Вскоре послышались ахи-вздохи-поцелуи... По всему было понятно, что дядя Поль и Мари-Роз – любовники.

Юрий был потрясен и уязвлен этим, считая, что задета честь семьи. В ту же ночь он придумал план мести.

Утром он нашел француженку возле качелей. Марика с маленькой кузиной качались, а Мари-Роз на скамейке листала журнал. Хорошенько раскачав малышню, он подсел к француженке и развязно сказал:

– Мадемуазель Мари-Роз, я знаю все!

– Что же вы знаете, м'сье Юра?

– Вечером я был возле беседки, все видел, все слышал.

Француженка покраснела.

– И что теперь?

– Я не хочу вас губить. Никто не будет знать: ни мои родители, ни тетя Лена, ни дядя Поль, если вы только согласитесь...

– О, вы хотите награду за молчание? Извольте, я готова. Когда получу жалованье, сделаю вам хороший подарок. Что бы вы хотели?

– Никаких подарков от вас мне не надо.

– Что же тогда? – она улыбнулась ему вполне дружелюбно.

– Догадайтесь. Я тоже мужчина...

– Вы еще мальчик!

– Не беспокойтесь, я – мужчина.

– Это подло с вашей стороны, м'сье Юра!

– Я безумно влюблен в вас, мадемуазель Мари-Роз.

– Вы – сумасшедший!

– Да, я без ума от вас. – Он смотрел в упор.

Француженка молчала. В ней происходила внутренняя борьба. Она мечтала выгодно выйти замуж, надеялась заставить дядю Поля развестись с женой и жениться на ней, бедной гувернантке. В общем-то, ради этой цели она и приехала в Россию. И теперь все, на что было потрачено столько сил и времени, по милости наглого мальчишки могло рассыпаться.

– Мадемуазель... – торопил Юрий.

– Хорошо! – Мари-Роз выпрямила спину. – Но это будет только один раз. Я вам заплачу за мою неосторожность. Надеюсь, вы – джентльмен?

– Ночью оставьте дверь открытой! – твердо приказал он, вставая.

Когда весь дом погрузился в сон, Юрий прокрался в спальню Мари-Роз, повернул ключ в замке, бесшумно подошел к постели.

Гувернантка притворилась спящей. «Вот змея!» – подумал он и лег рядом.

Через час он уходил от нее с чувством победителя.

Но в комнате его ждал сюрприз: на кровати в ночном капоте и с убитым лицом сидела мать.

– Не ожидала от тебя, Юра...

- Мама, уверяю тебя... я гулял в саду.
- От тебя пахнет духами.
- Это из-за цветов, пахнет нашими флоксами или жасмином...
- Не смей врать! – Не поцеловав его, она вышла из комнаты.

Торжество Юрия было несколько омрачено, тем не менее победа есть победа. К досаде из-за встречи с матерью примешивалось и чувство разочарования: его не так уж потряс процесс овладения женщиной – ничего волшебного, всего-то будто расчесанный комариный укус перестал зудеть, больше разговоров.

Утром Ольга Александровна сообщила о ночном происшествии мужу. Оно его лишь расмешило:

– Хорошо, что это произошло в нашем доме, а не в публичном. Все мужчины нашего круга проходят через объятия горничных и гувернанток.

- А если она забеременеет?
- Дать денег и рассчитать. Не женить же нашего бонвивана.

Но Ольга Александровна не могла успокоиться и решительно вошла в комнату Мари-Роз:

– Я считала вас порядочной девушкой, мадемуазель. Я верила вам! А вы так отплатили за мое отношение к вам? Соблазнить мальчика! Какая низость! Вот вам за amour и за службу в нашем доме, – она положила на стол конверт с деньгами.

– Вы оскорбляете меня, мадам! – Мари-Роз залилась слезами. – И даже не желаете выслушать...

– Да, не желаю, – уже тише сказала Ольга Александровна. – Тем не менее я подумала о вас. Я не выброшу вас на улицу, а устрою на новую работу, где вы сможете загладить свою вину. Все, что произошло сегодняшней ночью, останется между нами. Укладывайте вещи.

Ольга Александровна отвезла Мари-Роз в город к купцу Брюханову, жена которого искала гувернантку для своих дочерей.

Через несколько месяцев спокойной жизни в семье Брюхановых все неприятности были забыты. Жизнь катилась своим чередом, пока не произошло событие, коренным образом изменившее судьбу Мари-Роз.

Брюханов, страстный картежник, проиграл свою гувернантку в «железку» купцу Петушкову, владельцу кафешантана Moulin Rouge.

– Зачем тебе эта француженка, ведь у вас нет детей? – наутро, придя в себя, спросил Брюханов.

- Для дела, – подмигнул Петушков.
- Неужто для «Мулен Руж»?
- Точно! Мне нужна звезда – для нового ревю. Ваша гувернантка – самая подходящая кандидатура.

– Откуда ты знаешь?

– Женщин я вижу насквозь. Оповещу местное население, что пригласил в кафешантан известную парижскую «л'этуаль», назову ее мадемуазель... Нана или Жужу. Отличная мысль, не так ли?

– Тебе виднее, – пожал плечами Брюханов.

– Здешние певички и цыганки всем надоели. Нужно что-нибудь новое, экстравагантное. Понимаешь?

– Да шут с тобой! Но как ты это сделаешь?

– Просто. Сначала ты привезешь ее ко мне под предлогом... ну якобы мне нужны уроки французского, а там уж мое дело.

Брюханов привез Мари-Роз в кафешантан, помещавшийся в большом деревянном здании при городском парке. Над фронтоном высилась большая вывеска с изображением крас-

ной ветряной мельницы на фоне деревенского пейзажа. К мельнице были приделаны большие вращающиеся ветрила, украшенные разноцветными электрическими лампочками. За пятак в час их вращал сын дворника Петька. Свой кафешантан Петушков создал по образу парижского Moulin Rouge. Он даже перевел на французский язык свое имя и превратился в Поль де Кока. Маленький, юркий Петушков имел артистическую шевелюру, закрученные вверх тонкие рыжие усики, клетчатый костюм с неизменной бабочкой и хорошо подвешенный язык.

– Разрешите представиться, мадемуазель, – расшаркивался Петушков перед француженкой. – По-русски я Павел Иванович Петушков, а по-французски Поль де Кок.

– Очень приятно, м'сье. Во Франции был такой писатель, – Мари-Роз протянула руку, которую Петушков галантно поцеловал.

– Как же, читал. Известный классик. Ну да и шут с ним. Мадемуазель, поговорим лучше о парижском чуде.

– О каком чуде, м'сье?

– Я имею в виду Moulin Rouge!

– Кафешантан?

– Да! Я детально изучил его в свое время и по его же образцу создал здесь свой Moulin Rouge. Полезное заведение.

– Полезное? Вы считаете? – в голосе девушки прозвучало недоверие, но она тут же спохватилась, ведь возражать невежливо, и заговорила о деле: – Вы хотите совершенствоваться во французском языке, м'сье Поль? Так сказал мне м'сье Брюханов.

– Я хочу совершенствоваться во всем, мадемуазель! У меня имеется грандиозный план, для вас очень выгодный.

– Слушаю вас, м'сье.

– Прошу вас принять участие в новом ревю Folie deux nuit – «Ночные безумства».

– В качестве кого?

– Вы будете звезда – Les étoiles!

– Но я никогда не выступала на сцене, я не пою и не танцую.

– О, это очень просто, мадемуазель. Я научу вас. Надо лишь как можно выше поднимать юбки и ножки, соблазнительно улыбаться и строить глазки. У вас это получится. Я сразу угадал в вас темперамент и то, что французы называют «quelque chose du chien»⁵. Вот смотрите.

С медвежьей грацией Петушков принялся показывать, как надо поднимать юбки и ножки. Когда он «делал глазки», нельзя было удержаться от смеха. Мари-Роз и Брюханов хохотали чуть не до слез.

– Но как быть с пением? У меня нет голоса, – сквозь смех спросила она.

– Это неважно. Парижский шансон интимен и не требует особых вокальных данных.

Петушков пропел по-французски несколько скабрёзных куплетов.

– Это неприлично! – обиделась Мари-Роз.

– Мадам, вы ханжа? – Петушков изобразил смесь разочарования и изумления. – О, я уверен, когда придет успех, вы измените свое отношение к кафешантану. Вы познаете творческое вдохновение, ваша жизнь станет содержательной и яркой. Верьте мне, вы созданы не для того, чтобы утирать сопливые носы купеческим озорникам.

– Может, вы и правы, м'сье, но что скажет моя бедная мать?

– Оля-ля, мадемуазель, что за детские отговорки! Вы взрослая барышня, и вашей матушке не обязательно все знать. Думайте о себе и своем блестящем будущем: вы станете звездой нашего города, потом всей России, сам Государь будет любоваться вами, когда мы приедем в Санкт-Петербург. После этого мы покорим Париж, я сам вас туда отвезу. Ну, согласны?

⁵ Что-то собачье (фр.) – идиоматическое выражение. В переносном смысле – страстное, даже хищное.

– Согласна! – вырвалось у Мари-Роз, которая была как под гипнозом. – Но только ничего такого, я – строгая католичка. Наш кюре...

– Кюре не узнает, мадемуазель!

– А как же моя служба в доме м'сье Брюханова? Ведь я ангажирована...

Брюханов развел руками:

– Если такая карьера вас устраивает, мадемуазель, то мы с женой препятствовать не станем. Мы любим искусство. Ежели вы решились...

– Решилась с помощью Божией! – по-католически мелко, будто застегивала пуговицы на блузке, стала креститься Мари-Роз.

Через две недели по всему городу были расклеены броские афиши, а местная газета опубликовала рекламную статью о «парижском чуде», «звезде первой величины» – мадемуазель Нана. Вскоре состоялось ее дебютное выступление в ревю Folie deux nuit.

Петушков не пожалел денег на оформление сцены и увеличил оркестр на три скрипки. Музыка была сборная: Штраус, Оффенбах, Зуппе, Легар. На заднике сцены художник изобразил панораму Парижа с Эйфелевой башней в центре. Поль де Кок выступал в роли конференсье. Изюминкой программы должна стать парижская «л'этуаль». В смело декольтированных платьях с блестками Мари-Роз пела двусмысленные песенки и лихо задирала ноги, воплощая хореографические фантазии Петушкова. Зрителей поначалу это шокировало, однако мужчины остались довольны и наградили новоявленную «звезду» горячими аплодисментами и криками «браво».

Через месяц Петушков решил пойти еще дальше: показать всему городу грудь мадемуазель Нана. Для этого ей заказали новый костюм. Когда танцовщица появилась в нем на сцене и начала выделять сногшибательные антраша, зал стонал. Крики и аплодисменты перекрывали оркестр. Мужчины повскакивали со своих мест, еще немного, и они бросились бы на сцену, но расторопный Петушков успел опустить занавес.

Дамы были оскорблены.

Ольга Александровна, посетившая ревю господина Петушкова вместе с мужем, была в шоке:

– Боже мой! До чего может дойти женщина в своем падении!

– Она нашла свое призвание, – усмехнулся Назаров.

На другой день после оглушительной премьеры ревю «Ночные безумства» несколько почтенных дам, считавшихся оплотом нравственности, отправились в консисторию – к епископу.

Владыка Серафим, в миру князь Путята, был красивым мужчиной лет пятидесяти с кавалергардской выправкой. Он носил курчавую, как у ассирийских царей, бороду, отлично держался в седле, любил охоту, умел обращаться с прекрасным полом и делать изящные комплименты. Все женщины в городе к нему благоволили, прозвав его «таинственным владыкой», а мужчины за глаза называли его «князь Мутята». Известно было, что архиерей «не без греха», но на это махали рукой – свят только Бог. Духовным лицом он стал по роковому стечению обстоятельств: будучи кавалергардом, в короткий срок прокутил и проиграл в карты свое состояние, без которого дальнейшая служба в гвардии была невозможна. После трудных размышлений князь пришел к выводу, что ему ничего не остается, как постричься в монахи, принять сан и попытаться сделать карьеру на церковном поприще.

– Мы пришли к вам, владыко, – начала одна из делегатов, – просить вас, как высшего духовного наставника, обличить современный Вавилон.

– Какой такой Вавилон? – удивился епископ.

– Наш город, – ответила та же дама. – Он превратился в Вавилон с тех пор, как у нас закружилась эта сатанинская мельница.

– Вы хотите сказать «Мулен Руж»? Чем же провинилась эта скоморошная мельница?

– От нее исходит ужасный соблазн...

– Для вас, мои благородные дамы?

– Для наших мужей, владыко.

– Мы вынуждены жить среди соблазнов мира сего, – пророкотал архиерей бархатным баритоном, – чтобы учиться им противостоять и совершенствоваться. Христос тоже жил среди людей, посещал пиры, сидел за одним столом с грешниками, разговаривал с блудницами, отечески наставляя их. Пусть и ваши мужья поступают так же, *mes dames*...

– Что и говорить, владыко, они каждую ночь беседуют в этом кафешантане с блудницами...

– Каков результат?

Дамы заговорили, перебивая друг друга.

– Известно какой – растление нравов!

– Деньги текут как вода, семейные устои рушатся.

– Мы терпели, пока француженка просто задирала свои юбочки, но ведь этим она не ограничилась. Теперь она стала показывать...

– Что? – бровь епископа изогнулась как знак вопроса.

– Она показывает грудь в натуральном виде!

– Гм... да... – задумался архиерей, оглаживая бороду.

– Судьба наших семей, особенно мужей и сыновей, в ваших руках, владыко. Попросите губернатора от имени Церкви.

– О чем же?

– Чтобы он изгнал бесстыжую француженку из нашей губернии.

– Губернатор не сможет этого сделать, *mes dames*, – задумчиво произнес епископ. – Франция – наша союзница, может получиться международный конфуз. Я могу лишь просить губернатора от лица Церкви, чтобы он приказал закрыть француженке грудь. Удовлетворит вас это, *mes dames*?

– Что ж, хотя бы так, владыко.

– Я тотчас же поеду к его превосходительству, – пообещал епископ, прощаясь с дамами. Через час архиерейская коляска подъезжала к губернаторскому дому.

Губернатор фон Вурменталь, как и преосвященный Серафим, был из кавалергардов, с таким же, как посмеивались острословы, «лошадиным образованием». За умение выкрутиться из любой ситуации его прозвали «русским Толейрантом». Следуя традициям шедринских помпадуров, Вурменталь умело управлял губернией, разделив общество на два сегмента. Один – для избранных – состоял из дворянских семей и местной бюрократии. Для них он устраивал балы и собрания, на которых произносил высокопарные речи, приводившие слушателей в восторг. «Он наш, – говорили о губернаторе помещики, – все будет по-старому, чинно и благородно». Другой сегмент объединял купечество и так называемую «передовую интеллигенцию». Перед ними произносились иные, весьма вольные, речи. «Губернатор-то либерал, – говорили левые, – не то что прежний пентюх».

Когда прибыл архиерей, барон был занят: полицмейстер Наливайко докладывал ему о последних городских происшествиях.

– Сегодня, ваше превосходительство, меня с утра осаждали бандерши с вопросами...

– Морального плана? – усмехнулся губернатор.

– Так точно, ваше превосходительство. Они спрашивали, можно ли у «девочек» с мягкой части тела смыть казенную печать? – полицмейстер хлопнул себя по задку, показывая, где именно стоят печати.

– Какую еще печать?

– Пьяные господа офицеры драгунского полка развлекались, ваше превосходительство. Представились медицинской комиссией, поставили печати на... в общем, велели не смывать до особого распоряжения.

– Безобразие! – возмутился губернатор. – Хороши господа офицеры! Сегодня же вызову командира полка, пусть найдет и строго накажет озорников. Печать со срамных мест немедленно смыть!

– Будет исполнено, ваше превосходительство!

Доложили о приезде архиерея. Губернатор велел просить.

– Ваше высокопреосвященство, благословите, – почтительно встал навстречу визитеру барон. – С чем пожаловали?

– По важному делу, ваше превосходительство, от имени Церкви.

Владыка обстоятельно изложил суть дела, не преминув рассказать о визите и просьбе знатных дам.

– Для меня это новость, – сказал губернатор. – Я видел только ножки мадемуазель Нана. Ничего другого она не показывала.

– Не на что и смотреть, ваше превосходительство, – вставил слово полицмейстер, – у наших барышень достоинства куда богаче...

– Гм... гм... – напомнил о себе архиерей.

– Владыка, в чем Церковь усматривает состав преступления?

– Как! А соблазн? А порочная жажда показывать, – да еще за деньги! – интимные места. А задиранье подола блудницей в общественном месте? Не довольно ли срама?

– Тут вы правы, владыка. Полностью разделяю ваше мнение.

– Это прежде всего мнение отцов Церкви. Когда святитель Иоанн Златоуст стал Патриархом Константинопольским, то, увидев, как развращен мир, заплакал. Обличая византийскую императрицу Евдоксию за развод с мужем, он говорил: «Опять беснуется Иродиада и главу Иоанна просит!» Из Священного Писания мы знаем, что Господь неизменно наказывал людей за падение нравов. Там, где распущенность начинала зашкаливать, Бог отступал от погрязших в пороке народов, и силы зла поражали грешников.

– Приятно поговорить с образованным человеком. Жаль, ваше преосвященство, что служебная суэта отнимает массу времени, не то мы бы могли чаще беседовать. Право, эти французы всегда были источником пороков.

– Не всегда, – возразил архиерей. – Франция была вполне добропорядочной страной. Вы читали роман Гюго «Отверженные»?

– Представьте, читал, – соврал губернатор.

– Помните, как влюбленный Мариус был оскорблен тем, что ветер слишком высоко поднял подол платья его возлюбленной, обнажив ножку. Девушка была не виновата, но герой негодовал: в его глазах целомудрие было попрано.

Припертый к стенке губернатор решил не обострять отношений с Церковью. Он обратился к полицмейстеру:

– Полковник, распорядитесь, чтобы грудь танцовщицы была прикрыта!

– Перед началом ревью или после, ваше превосходительство?

– М-м... После. Я сегодня приеду и лично разберусь. Организуйте охрану.

Полицмейстер звякнул шпорами.

– Вот какими делами приходится заниматься губернатору, ваше преосвященство, – развел он руками.

– Не лучше ли вообще закрыть заведение, Карл Карлович?

– Закрывать «Мулен Руж» невозможно. По сути, этот Поль де Кок делает большое дело. Русский шантан – это же в своем роде прогресс. Довольно вывозить российский золотой рубль за границу, а оттуда импортировать табак да сифилис. Вы меня извините, ваше преосвящен-

ство, но раз уж зашла речь... В парижских шантанах все танцовщицы голые, я видел, да вы и сами знаете... И ничего ужасного в этом нет. Пусть старухи молятся и ставят свечи – это их дело. Не вводить же в городе монастырский устав. А этим вашим дамочкам, жалобщицам, ни к чему посещать подобные представления. Но меры моральной безопасности будут приняты, обещаю.

В полночь, по окончании ревью, грудь Мари-Роз была официально прикрыта. Полицмейстер составил протокол. Поль де Кок рвал и метал:

– Вы хотите меня разорить! Ревю не будет иметь успеха!

Губернатор пожалел было о своем решении, но изменить его уже не мог. Церковь протестовала, связываться – себе дороже.

Николай Николаевич долго при закрытых дверях беседовал с Князем в своем кабинете. Затем с нахмуренным лицом пошел к жене.

– Черт бы побрал этого Маркова! – выпалил он сходу. – Мне начинает надоедать эта канитель.

– Какая канитель? – встревожилась Ольга Александровна.

– Князь опять принес мне листовку, найденную на винокуренном заводе. Вот полюбуйся! – он положил перед женой смятый лист.

Она пробежала глазами текст, отпечатанный на гектографе.

– Почему Князь считает, что ее подбросил Марков? Листовки находили и в прошлые годы, когда его не было.

– Князь собрал улики. Хотел сегодня же передать их в жандармерию, но я сказал, что сам покажу листовку губернатору. Конечно, я не собираюсь ябедничать, так как не хочу, чтобы жандармы совали нос в наши дела, но согласись, дорогая, со стороны Маркова это свинство. Даже вор не ворует там, где живет, а этот пользуется всеми благами и тут же пакостит. Если бы не Юрка с его переэкзаменовкой, я бы ни минуты не потерпел этого прохвоста в своем доме.

– Не волнуйся, друг мой, – сказала Ольга Александровна, – я поговорю с Иван Егорычем. Он порядочный человек и больше нас не подведет.

– Ладно, ладно, слышал уже, – поморщился Николай Николаевич, – идейный революционер, интеллигент из народа и прочая. Передай ему, что я требую прекратить подобную деятельность в моем имении. А вот и он, – Назаров указал на фигуру за окном.

– Сейчас же поговорю с ним, – Ольга Александровна отложила вышивание и, взяв листовку, вышла из комнаты.

Обогнув цветник, она пошла по аллее навстречу учителю.

– Мне необходимо поговорить с вами, Иван Егорыч.

– К вашим услугам, Ольга Санна, – с несколько деланной вежливостью поклонился Марков.

Они сели на скамейку. Ольга Александровна замешкалась, подыскивая слова. Марков ждал с напускным спокойствием, хотя на самом деле чувствовал робость и даже растерянность. Он злился на себя за это и потому разговаривал подчеркнуто холодно, даже дерзко.

– Вам знакомо это? – она протянула ему листовку.

Он взял ее и, быстро просмотрев, вернул.

– Понятия не имею! Как она к вам попала?

– Принес управляющий, говорит, нашел на заводе. Мужу стоило большого труда уговорить его не обращаться в жандармерию. Все, ну абсолютно все уверены, что это вы подбрасываете листовки. У Князя есть какие-то улики против вас. А ведь вы и нас подставляете, Иван Егорыч.

Марков пожал плечами.

– Отчего ж вы так уверены, что это я?

– В листовке высказаны те же мысли и, главное, теми же словами, которые я слышала от вас во время наших бесед. Я, конечно, не сказала об этом мужу, иначе он бы принял меры.

Марков рассмеялся.

– У вас хорошая память, могли бы стать следователем. Что ж, сознаюсь, моя работа, – он вызывающе смотрел ей в глаза.

– Николай Николаич возмущен тем, что вы проводите антиправительственную агитацию у нас в имении, и требует, чтобы вы прекратили это.

– Сдрейфил барин. Вот пусть задумается теперь.

Ольга Александровна рассердилась:

– Как вы нехорошо ответили. За что вы так ненавидите нас? Марков опомнился.

– К вам лично у меня нет претензий, Ольга Санна. Еще раз повторяю: продавайте имение, бегите в город. Надвигается страшная гроза, попадет всем без исключения. Вам тоже несдобровать.

Она была оскорблена столь откровенными угрозами. Марков это понял, и ему стало стыдно за то, что он пугает женщину.

– Оль Санна, – сказал он как можно мягче, – я очень ценю вас, верю вам... и вообще... Вы – первая барыня, которую я уважаю. Я прочел по вашим глазам, что вы добры и справедливы, но вы – жена Николай Николаича, помещица, значит, мы стоим по разные стороны баррикад. Лично вам я желаю только добра, поэтому заклинаю: продавайте скорее свое имение! А Николай Николаичу скажите, что впредь у него не будет повода обижаться на меня.

Резко встав, он быстрыми шагами пошел вглубь сада.

На краю крутого обрыва над рекой стояла ветхая беседка – немой свидетель жизни нескольких поколений. Отсюда открывался прекрасный вид на Оку, а за рекой – широкая даль: поля, луга, синеющий на горизонте лес.

Ольга Александровна пришла сюда с книжкой, чтобы отдохнуть от гостей. Она читала последний роман модного английского писателя Уильяма Локка «Милый бродяга» и так увлеклась, что забыла обо всем на свете. Скрип шагов по тесовым мосткам вернул ее к действительности. От неожиданности она ахнула и чуть не выронила книгу. Перед ней стоял Анатолий Александрович Шумский – ее бывший жених и первая любовь.

Внешне он почти не изменился – такой же стройный, импозантный, породистый, разве что представительней стал. Как и Назаров, Шумский любил английский стиль, носил тонкие усики и эспаньолку. Теперь он известный московский адвокат, член Государственной Думы.

– Здравствуй, дорогая! – Шумский поцеловал обе протянутые к нему руки.

– Надеюсь, ты у нас погостишь? – спросила она, зардевшись.

– Всего на два дня вырвался, извини. А-а, и здесь все тот же Локк? – улыбнулся он, кивнув на книжку, но тут же забыл о ней. – Не застав никого в доме, я пошел разыскивать тебя и добрел до беседки. Что нового, Оленька?

– Ничего, – она пожала плечами. – Все то же...

– До каких пор мы будем страдать?

– Что же можно сделать?

– Стань свободной, милая!

– Слишком жестоко. Безо всякой подготовки и в особенности теперь, когда мы на грани разорения. Николай беспомощен, как ребенок, ты же знаешь. Мне кажется, что из этого тупика нет выхода.

– А вот я нашел. Для того и приехал.

– Что ты придумал?

– Вы продадите имение...

– Кто ж его купит в такое время?

– Я найду покупателя. Среди моей клиентуры попадаются разные чудаки. Потом вы переедете в Москву, купите дом. Я помогу.

– А что будет с Николаем? Ведь он умеет только играть на рояле.

– Я помогу ему стать адвокатом, он же юрист.

Ольга Александровна с некоторым удивлением отметила, что Шумский говорит то же, что и Марков.

– Думаешь, из него может выйти адвокат?

– Не боги горшки обжигают. Я же стал.

– Ты! У тебя энергия, опыт, а Николай давно забыл все университетские науки, он привык к праздности.

– Другого выхода нет. Сама жизнь заставит его измениться. Когда мы все это уладим, твоя жизнь в доме Назарова закончится.

– Он никогда не согласится на развод. Для этого нужен серьезный повод, но как муж он безупречен.

– Я найду причину. Не бойся, твоя честь не будет задета.

– Он не отдаст мне детей, а без них я не смогу жить.

– Дети сами решат, где им лучше. Они любят тебя и, конечно, не захотят с тобой расстаться. Николай сможет видаться с ними, когда захочет. Что касается меня, то я давно люблю их.

– Спасибо, Анатолий...

– Ты жалеешь его, а меня тебе не жаль? Я жду тебя всю жизнь. Ты еще любишь меня, Ольга?

– Ты сомневаешься?

– Об одном только прошу тебя, дорогая, верь мне и делай, как я скажу.

– Обещаю слушаться во всем, – она подала ему руку. – Солнце садится, пора домой. Меня заждались к ужину.

Николай Николаевич радушно встретил старого друга, и ужин прошел весело. По случаю приезда Шумского выпили вина. Несмотря на поздний час, гость попросил сварить ему кофе.

– Мне нужно тебе кое-что сказать, Николай, – сказал он.

– В таком случае прошу ко мне в кабинет. Кофе нам подадут туда.

В кабинете Шумский удобно устроился в кресле, закурил сигару.

– Николай, я знаю про твои финансовые затруднения и как друг хочу дать совет.

– Спасибо, Анатолий, ты прав, тут такое дело...

– Учет векселей?

– Как раз сроки подходят. Мне неприятно говорить об этом, но, кажется, я вконец запутался.

– Я помогу тебе. Завтра мы вместе поедем в город и все уладим.

– Ты мой единственный настоящий друг! – Николай Николаевич был растроган, а Шумский, опустив веки, поднял руки, как бы говоря: какие счета между своими!

Шумский выполнил все, что обещал, и уехал в Москву.

Закончился летний сезон, без гостей и дачников усадьба опустела. Марков тоже отправился в Казань заканчивать курс в университете. У Юрия и Марики начался новый учебный год.

Имение находилось в пяти верстах от города, и детей возили в гимназию на лошадях, а зимой в возке, поставленном на полозья. Если было слишком холодно и сыро, они ночевали у Надежды Андреевны Немеровской – матери Ольги Александровны. Она жила в небольшом особнячке с садом на одной из тихих улиц Нижнего Новгорода.

Переэкзаменовку Юрий с грехом пополам выдержал, но родители от него много и не требовали, они были довольны, что он перешел-таки в седьмой класс. Марика ходила в четвертый и, в отличие от брата, училась хорошо.

Юрий не стремился быть среди первых. Его вполне устраивали тройки. Вместе с тем он имел развитую память и много читал. Особенно легко давались ему языки. Но в целом учеба его не занимала.

Каждый день в гимназическом саду, на горке, дрались класс на класс. В пылу сражений бойцы щедро наделяли друг друга синяками, шишками и разбитыми носами. Но это не считалось геройством. Подлинным шиком были «выходы на пленэр». Озорники писали мелом на заборе соседней женской гимназии сомнительные стишки, а рядом рисовали соответствующие картинки. Например: «Меняю курицу и киску на фунт конфет и гимназистку»; «Софочку ругала Дама, чтоб держала спину прямо, мол, не то я накажу “мадемуазель Сижу”»; «Самым строгим классным дамам гимназистки льют касторку, чтоб спастись от догляда, от доноса и от порки». Потом из укрытия автор сотоварищи наблюдали за реакцией девчонок и классных дам. Возмущение последних было самой большой наградой «героям». В этих забавах Назарову не было равных, стишки он придумывал сходу.

Каждый год в гимназии устраивался осенний бал. К нему тщательно готовились, часами репетируя концертную программу, которой открывалось торжество. Старшеклассники задолго до праздника пребывали в приподнятом настроении и уже ни о чем другом не могли думать. Когда наступил долгожданный день, учителя и гимназисты явились в парадных отутюженных мундирах с сияющими серебряными пуговицами. Гимназистки были в форменных платьях и белых батистовых фартучках, а девичьи косы на затылке украшали белые муаровые банты.

Начала съезжаться фрачная публика. Дамы щеголяли немислимыми туалетами, стараясь затмить друг друга. Ольга Александровна Назарова в лиловом вечернем платье и бриллиантах шла, опираясь на руку супруга, одетого в безупречный фрак и с неизменным моноклем.

Гимназисты толпились в актовом зале в ожидании высшего начальства. На хорах духовой оркестр драгунского полка настраивал трубы. Наконец прибыли барон фон Вурменталь с супругой, епископ Серафим, вице-губернатор, предводитель дворянства, полицмейстер, городской голова и прочая знать – кто с супругами, кто без оных.

Бал начался гимном «Боже, Царя храни» в исполнении хора гимназистов. Учителя и гости подпевали. Потом был концерт, после которого все облегченно вздохнули. Особенно оживилась молодежь в предвкушении танцев.

Оркестр заиграл мазурку, и кавалеры, как лихие жеребчики, заметались по залу. Особенно выделялись драгуны. Эффектно звеня шпорами, они ловко падали на одно колено и кружили своих дам, которые грациозно скользили вокруг своих кавалеров. За мазуркой последовали падеспань, венгерка, краковяк, падекатр, лезгинка, полька-бабочка...

Стало душно. Дамы остужали веерами свои разгоряченные лица в ожидании следующего танца. Но вот раздались звуки вальса Штрауса, и пары закружились по паркету.

В перерыве Юрия окликнул отец:

– Идем, я тебя представлю одной барышне, только води себя прилично, не осрами меня.

Николай Николаевич подвел сына к известному в губернии врачу Донцову, еще не старому бородачу в сюртуке. Рядом с ним стояла гимназистка восьмого класса. Юрий мгновенно утонул в ее синих глазах.

– А вот и мой Юрий, – представил Николай Николаевич сына. – Прошу любить и жаловать.

– Приятно познакомиться! Моя дочь Натали, – ответил Донцов.

– Разрешите пригласить вас на котильон, – шаркнул ногой Юрий. (Ах, как уместны сейчас были бы шпоры!)

Распорядителем танцев был прошлогодний выпускник, а ныне студент первого курса университета Владимир Левицкий, выделявшийся среди гимназистов лишь белым бантом на груди и аксельбантами. Вместе с учащимися восьмого класса он обходил зал, держа на вытянутых руках специальные плоские подушки с приколотыми на них котильонными украшениями, которые моментально были разобраны. Дамы принялись украшать кавалеров, а кавалеры – дам. Наташа приколотла к мундиру своего партнера миниатюрного медвежонка, а он преподнес ей розу, которую она стала прикреплять к своему платью.

Воспользовавшись паузой, Левицкий потянул Юрия за рукав, показывая взглядом, что хочет ему что-то сказать. Затем, приблизив к нему лицо, торопливо зашептал:

– Назаров, предупреждаю, Натали Донцова – моя давняя любовь, мы с ней знакомы чуть не с пеленок. Моя мать дружила с ее покойной матушкой. Будучи распорядителем, я не могу танцевать, но прошу тебя как брата...

– Извини, Левицкий, – громко сказал Юрий, – я не интересуюсь охотой.

Натянув лайковые перчатки, он предложил девушке руку, и они чинно вышли на середину залы.

Левицкий вернулся к своим обязанностям и стал выстраивать пары для котильона. Но необходимый для распорядителя бала кураж пропал. С ужасным произношением и ошибками он выкрикивал по-французски: «М'сье, аваже! Медам, рекюле! Баланже водаль! Ремерсье во дам!...» Он жалел, что согласился стать распорядителем – хотел покрасоваться перед девушкой, и вот что из этого вышло.

Никому не было дела до перемены в настроении Левицкого. Все послушно выполняли танцевальные фигуры. Гимназисты старались не ударить в грязь лицом, изображая опытных кавалеров. После котильона, по желанию гостей, снова последовала мазурка. Не зная всех фигур танца, Юрий нарочно выделял странные па. Натали вежливо улыбалась его импровизациям. Сама она танцевала превосходно. После мазурки пары закружились под звуки вальса «На сопках Маньчжурии».

Поддерживая за талию легкую, как пух, партнершу, Юрий понял, что влюбился. «Наконец-то! – думал он, с упоением кружа девочку с белым бантом над каштановой косой. – Вот и меня посетила принцесса Греза». Из-за громкой музыки разговаривать было невозможно. Пришлось Юрию гипнотизировать красавицу томным взглядом и улыбкой утомленного жизнью интеллектуала. Образ был давно отрепетирован перед зеркалом.

У Натали это был первый в жизни бал, и она радовалась всему, не замечая ни плохого французского распорядителя, ни любовных томлений своего кавалера. Скромный актовый зал мужской гимназии казался ей дворцом, а провинциальная публика – изысканным обществом.

– Как мила Наташа Донцова, – сказала Ольга Александровна мужу, с нежностью глядя на танцующего сына. – Общество девушки полезно для Юры, он так огрубел в последнее время.

– Для этого я их и познакомил, – улыбнулся Николай Николаевич. – По лицу нашего дурачка я вижу, что он уже влюбился по уши.

Действительно, Юрий был очарован. «Сколько чистоты в ее взгляде! – думал он. – И какие синие глаза... Надо возвыситься самому, чтобы заслужить любовь такой девушки...»

А для Наташи он был только смазливим гимназистом, с которым приятно кружиться в танце.

– Где я могу вас видеть? – спросил Юрий в вестибюле, помогая ей одеться.

– Разве что случайно, – пожала она плечами.

– Почему же случайно, – раздался из-за спины голос доктора, – приходите к нам, молодой человек, вы же знаете, где мы живем.

Уходя с отцом, девушка «нечаянно» уронила перчатку. Юрий быстро поднял ее и спрятал. Вечером, укладываясь в постель, он положил перчатку на подушку возле своего лица. От касания перчатки его бросило в жар. Сон не шел, он был пленен женской красотой. Натали

Донцова казалась ему «совокупностью совершенств»⁶: чистоты, целомудрия, красоты, хороших манер и прочих добродетелей, о которых им твердил на уроках Закона Божия школьный законоучитель протоиерей Марк. В гимназии мальчишки исподтишка гримасничали, слушая его проповеди, но сегодня в мыслях о Наташе Юрий мог использовать только возвышенную лексику – иные слова для выражения его чувств не годились. Упиваясь сладостью своих переживаний, он стал шептать стихи о любви. Первым пришло на ум «Я помню чудное мгновенье», но разве можно покорить женщину чужим талантом! Он вспомнил глаза танцующей Натали, и сами собой стали складываться строфы. Юрий отбросил одеяло, зажег лампу, взял карандаш и стал записывать.

Он не знал, сколько времени провозился у стола, но результатом остался доволен: получите, господа, шедевр любовной лирики! Он преподнесет его своей Музе при первом удобном случае, а папа – в этом Юрий не сомневался – захочет положить его стихи на музыку. Получится чудесный романс, который они будут исполнять дуэтом. Например, на Юрин день ангела, когда он пригласит в гости Натали.

Прежде чем потушить лампу, Юрий еще раз прочел:

*Ты – моя неповторимость! —
повторяю.
Вторят звуки
разбивающихся волн.
Ты – моя невозвратимость! —
возвращаю
в эти руки
все немыслимые муки,
без которых мир неполн.
Ты – моя необъяснимость!
Объясни мне
ясным утром
возле сонного крыльца:
Для чего неукротимость
Укрощаем суету мудро?
Срежь на память локон с кудрей
Для заветного кольца.*

О каком крыльце шла речь и откуда взялись волны, причем, вероятнее всего, морские, поскольку они «разбивались», видимо, о скалы или волнорезы, – о таких мелочах Юрий не задумывался. Разве это так уж важно? И как тонко он подвел к заветному, читай, обручальному, кольцу. Сколько смысла и глубины в двух строфах, да и ритм вроде есть, и не коряво вышло. Теперь и у него есть своя дама сердца – Муза!

Счастье, включившее в себя «все немыслимые муки», наконец сморило творца. Проваливаясь в глубокий сон, он видел только синие глаза и тонкие очертания девичьих губ.

В течение нескольких дней после бала Юрий повсюду искал Наташу, но тщетно. Тогда он решился нанести ей визит. В воскресный день он купил в цветочном магазине три белых хризантемы. Заветный лист со стихами лежал в кармане, в розовом конверте. Третьего дня он приобрел его в парфюмерной лавке «Метаморфозы». Конверт был надушен, на картинке красовалась бабочка. В лавке были еще конверты с румяным сердечком, но Юрий боялся показаться пошлым.

⁶ «Более же всего облекитесь в любовь, которая есть совокупность совершенства» (Кол. 3, 14).

Наташу он застал одну. Она сидела в гостиной за роялем.

– Вот, решился вас навестить, – Юрий протянул ей цветы.

– Чудесные хризантемы! Спасибо.

Она принесла вазу и поставила цветы на рояль, рядом с букетом роз.

«Меня опередили, неужели Левицкий?» – ревниво подумал Юрий.

– Я, верно, прервал вашу игру?

– Ничего, – улыбнулась девушка, указав ему на кресло. – Вы любите музыку?

– Люблю. Мой отец хороший пианист.

– А вы?

– Я больше слушаю.

– Что же вам сыграть?

– Все равно.

– Тогда незачем играть.

– Простите, я не то хотел сказать... Прошу вас, играйте то, что вам самой хочется.

– Я сыграю ноктюрн Шопена.

Она играла, а Юрий с умилением наблюдал, как скользят по нотам ее глаза, как перебирают клавиши тонкие проворные пальчики. Мысли уносили его в весну. Казалось, сейчас не зимний день, когда в окна гостиной едва проникает скудный свет, а теплый майский вечер и цветет сирень...

Музыка оборвалась.

– Превосходно! – похвалил он.

– А сейчас – мазурка!

Наташа очень темпераментно сыграла одну из знаменитых шопеновских мазурок.

– Если бы Шопен увидел, как танцуют мазурку в вашей гимназии, он бы в гробу перевернулся, – кольнула она, но Юрий не обиделся.

– Вы правы, – рассмеялся он, вспомнив свои «фигуры».

– Ну и хватит музыки, – сказала Наташа, опуская крышку рояля. – Будем философствовать? К примеру, что, по-вашему, в жизни лучше всего?

– Молодость и красота, – не задумываясь, выпалил Юрий.

– Но ведь все это временно, проходяще.

– Тогда любовь.

– Разве вы знаете, что такое любовь?

– Знаю!

Она с сомнением покачала головой:

– Мне кажется, что счастье существует только в воспоминаниях, как бы задним числом, а в настоящем его не замечают. Иначе все бы знали, что это. Точно так же и любовь...

– Вы это взяли из книг? Кажется, Тургенев в «Асе» писал что-то такое.

– Не только из книг. Из себя самой тоже. Внутренний голос мне подсказал. Кстати, пока не забыла: в городе гастролирует маэстро Гофман. Завтра он будет играть Второй концерт Чайковского, а также Брамса и Шумана. Как бы я хотела иметь автограф Гофмана! Фотографию я уже купила. – Она подбородком указала на рояль, где лежала открытка с портретом.

– Вы получите автограф, – сказал Юрий, пряча карточку в карман.

– Каким образом?

– Это уж мое дело, – ответил он, вставая.

– Вы уже уходите?

– Хочу навестить маэстро.

– Он вас не примет.

– Посмотрим.

Юрий совершенно забыл о розовом конверте с бабочкой и гениальными стихами. Им владела рыцарская решимость служить прекрасной даме и добыть сокровище, о котором она мечтает. Через полчаса он входил в гостиницу «Европейская», где остановился знаменитый музыкант.

– Мне нужно видеть маэстро Гофмана, он мне назначил, – соврал Юрий швейцару.

– Второй этаж, направо, тридцать шестой номер, – лениво ответил тот.

Юрий поднялся по лестнице и постучал в дверь.

– Connectez-vous!⁷ – ответил мужской голос.

Маэстро сидел в кресле и курил сигару. Это был брюнет с бритым лицом и пышной шевелюрой. Он вежливо поинтересовался:

– Чем я могу быть полезен молодому человеку?

Стесняясь того, что краснеет, Юрий стал объяснять по-французски:

– У меня к вам большая просьба, маэстро. Я люблю девушку и обещал ей ваш автограф.

От вашего согласия зависит мое счастье!

– Ваше счастье зависит от такого пустяка? Вуаля! – Гофман взял две фотографии из пачки, лежавшей на столе, и, расписавшись на них, отдал Юрию. – От души желаю вам завоевать ее сердце, юноша. Я тоже был молод, но не столь находчив.

– Спасибо вам, маэстро! – растрогался Юрий. – Это будет лучшим воспоминанием моей жизни.

В антракте после первого отделения концерта он передал девушке фото с автографом пианиста. Это произвело впечатление, но проводить ее домой в тот вечер не удалось. Ему помогли два долговязых студента, одним из которых, конечно же, оказался Владимир Левицкий, не удостоивший Назарова даже кивка головы. Студенты и на концерте сидели подле Натали, и провожать пошли.

«До чего противно быть гимназистом! – признал Юрий преимущество соперников. – Студент, считай, взрослый. Девчонкам это льстит...»

На Страстной весь город пропитался запахом куличей. В домах мыли окна, снимали зимние рамы, скатывали в рулоны тяжелые ковры, скребли деревянные полы и до блеска чистили посуду.

В церквах та же баня, только духовная: православные каялись в грехах, очищали души от пороков и житейской мути.

Большинство прихожан исповедовались и говели раз в год – Великим постом. Это считалось не только христианским, но и гражданским долгом, ведь уклонившиеся от него попадали на заметку властей как неблагонадежные. Взрослое мужское население обязано было представлять в канцелярии по месту службы справки о допущении к причастию, а студенты отчитывались перед администрацией учебных заведений. Подобный формализм – одно из самых трагичных последствий синодального периода, превращавших таинство исповеди в подневольный «отчет о грехах». Это снижало и авторитет Церкви, и религиозные чувства населения. Исправляло положение лишь усердие духовно одаренных пастырей.

Городские священники во время поста трудились денно и ночно, а на Страстной и вовсе чуть не падали с ног от усталости. Больше всего исповедников было у протоиерея Марка Крестовоздвиженского, законоучителя мужской гимназии. Кроме учащихся, у него окормлялась вся городская знать.

Отец Марк был плотным румяным батюшкой с хорошим тенором и покладистым характером. Каждый год он умилялся при виде трехсот гимназистов, выстроенных на исповедь в длинную очередь, хвост которой терялся где-то в конце коридора, соединяющего домовый

⁷ Войдите! (фр.)

храм с учебным корпусом. Каждый исповедник сжимал в кулаке «лепту» – полтинник, а то и рубль, плюс обязательная восковая свеча. Батюшка великодушно отпускал мальчишеские грехи, покрывая вихрастые головы епитрахилью. Из свечей на аналое образовалась ароматная гора. Потом отец Марк «реализует» их через церковную лавку. Великопостные доходы шли на приданое его дочери.

Томясь в длинной очереди, Юрий вспомнил язвительные реплики отца в адрес Церкви. Через полчаса стояния и его одолел скепсис: «Тоже мне таинство! Раз в год под расписку торопливо наврать священнику любую ерунду и получить формальное отпущение грехов, – повторял он слова отца. – Ни за что не признаюсь в том, что было у меня с гувернанткой! Стану я срамиться. Хотя... ведь никто не узнает, кроме отца Марка. А он будет смотреть на меня как на развратника. Ужас! Зачем только я согрешил! А не сказать все же боязно...»

Так он мучился за грех юности, хотя с некоторых пор считал себя атеистом. Среди старшеклассников это было принято. Юрий вспомнил реальный анекдот, случившийся с Феликсом Ковальчиком, выходцем из поляков.

По-русски Ковальчик понимал все, но говорил как иностранец – слишком правильно. Но мог и ляпнуть что-нибудь не к месту.

Три года назад на исповеди он почему-то впал в ступор и не мог вымолвить ни слова.

Отец Марк стал поторапливать грешника:

– Чего молчишь, чадо? Кайся!

Тот моргал, сопел, но – ни звука.

– Рукоблудишь? – решил помочь батюшка.

– Да.

– Часто?

– Один раз. Еще в первом классе. Два калачика взял. И брат тоже.

– Ты ж говорил о рукоблудии? – начал путаться отец Марк.

– Да-а, рукоблудил.

– При брате?

– Да-а, и сестра видела.

– Свят, свят, как же вы посмели, да еще при сестре?

– Мы и ей дали.

Тут в голове священника стало проясняться.

– Чадо, ты знаешь, что такое рукоблудие?

– Это есть руками блудить – красть.

Батюшка понял свой промах:

– Ах ты горе луковое! Что за искушение! Так вы калачики воровали в кондитерской? Вместе с братом? А сестру на атасе поставили?

Ковальчик согласно кивал.

– Ну и сорванцы! Обещай Богу, что больше никогда не возьмешь чужого, – наставлял батюшка, улыбаясь в бороду.

Ковальчик простодушно передал товарищам свой диалог со священником, вызвав взрыв хохота. Многие даже повалились на спину и, как жуки, бессвязно дрыгали конечностями. Вдоволь насмеявшись, гимназисты объяснили полячку подлинный смысл слова «рукоблудие», чем едва не довели беднягу до самоубийства – он всерьез хотел утопиться.

Но вот и пасхальная заутреня. В нарядной переполненной церкви не продохнуть. Жар от горящих свечей и кадилниц мешался с запахом ладана. Золотом сверкают парчовые облачения священнослужителей и эполеты на мундирах военных, чиновников, гимназистов, студентов. Дамы тоже принарядились, но без излишеств, драгоценности оставлены дома – тут не театр. Церковь оглашали ликующие пасхальные напевы и частые возгласы с амвона: «Христос Воскресе!» – «Воистину Воскресе!» – с радостным воодушевлением отвечали богомолыцы.

Затем следовали объятия и троекратные христосования под веселый перезвон колоколов. Все вместе создавало несказанно нежное праздничное настроение, от которого веселилось сердце и взлетала к небу душа. Все веровали, и всем казалось, что они искренне по-братски любят друг друга. Пусть это чувство владело богомольцами недолго, может, только одно мгновение, зато память о нем сохранялась на всю жизнь.

Похристосовавшись с родителями и сестрой, Юрий пошел искать Натали.

– Христос Воскресе! – неожиданно вырос он из-за ее спины.

– Воистину Воскресе! – ответила девушка.

Они троекратно поцеловались.

Юрий вызвался проводить Натали домой, она не возражала.

– А вы верите, что Христос действительно воскрес? – спросила она.

– Не знаю, – хмыкнул Юрий, желая выглядеть «современным». – Зачем Ему было страдать и умирать, если Он – Бог?

– Тогда почему вы христосовались со мной?

Не мог же Юрий сказать, что это лишь предлог, чтобы поцеловаться. Выручил доктор, окликнувший дочь. Он тоже был на службе, но домой приехал на извозчике.

Натали помахала ему, затем повернулась к Юрию:

– А вот я иду разговляться с верою во Христа Спасителя, и у меня, в отличие от вас, настоящий праздник.

Юрий понял, что получил по носу, и поспешил исправить положение:

– Минуту, Наташа! Простите, что я не умею веровать, но поздравляю вас от всей души. Это вам! – он вручил ей розовый конверт с бабочкой.

Старики уверяют, что нет ничего прекраснее первой любви, а вот юных она терзает, мучает, лишает сна и покоя. Юрий не был исключением, он страдал. Зато, к радости родителей, стал лучше учиться. Николай Николаевич самодовольно кивал: «А я что говорил!»

Дважды в неделю Юрий бывал у Донцовых и продолжал выполнять все прихоти дамы своего сердца. Наташе нравилась его преданность, но о любви с ее стороны не было и речи. Даже поэтический «шедевр» не помог, хотя стихи с посвящением льстили ее самолюбию. Увы, Назаров был «маленьким». Она вот-вот окончит гимназию, а он лишь перейдет в восьмой класс.

Натали собиралась в Петербург на Высшие медицинские курсы. В столице жила ее тетя по отцу, которая настаивала, чтобы племянница приехала к ней сразу после экзаменов. Тетушка планировала увезти ее на лето в Финляндию, где она имела собственную дачу на берегу залива.

Натали окончила гимназию с золотой медалью. Юрий впервые был переведен в следующий класс без троек. За это потрясенные родители подарили ему серебряные часы.

Настал день разлуки.

Накануне Юрий провел у Донцовых весь вечер. Когда отец вышел из комнаты, Наташа быстро обняла и поцеловала его.

– Наша дружба не кончится с моим отъездом, – сказала она. – Я буду часто думать о вас, а вы будете мне писать.

– Я люблю вас, Наташа, – сказал он.

– Рано говорить об этом, Юрочка! Прежде надо получить аттестат, потом окончить университет и занять достойное место в жизни. Только тогда вы будете иметь право сказать женщине, что любите ее. А пока мы будем с вами друзьями, согласны?

Он покорно кивнул. Друзьями так друзьями. Мужчина должен уметь принимать удары судьбы.

На другой день он пришел на вокзал с букетом красных роз, но еще издали заметил в руках Наташи цветы, тоже красные. Рядом с ней, кроме отца, топтался все тот же Левицкий. Он

по-прежнему нарочито не замечал Назарова, умаляя этим его достоинство. Новые часы оказались весьма кстати, и Юрий их умело продемонстрировал, пожелав сверить время с часами господина студента, дабы узнать, сколько минут осталось до отправления поезда.

У Левицкого часов не было – Назаров был отпущен.

Прозвучал третий звонок. Натали вошла в вагон. Поезд медленно пополз по перрону, набирая скорость. Юрий с тоской смотрел ему вслед.

Как теперь жить, он не знал.

Летом Благодатное снова ожило. Как обычно, съехались родственники Назаровых. К дню святой Ольги приехал Шумский. Он привез с собой покупателя имения – князя Великанова, который продал в Москве дом, решив перебраться с семьей в деревню. Князь искал поместье в какой-нибудь поволжской губернии. Шумского он знал давно, ценил его деловые качества, поэтому положился на его авторитет и опыт.

Попав на именины хозяйки имения, его сиятельство был представлен губернской знати. Перезнакомившись с окрестными помещиками, он пришел в восторг от здешнего общества и всего увиденного в Благодатном.

«Широко живут, – восхищался князь, – такой размах возможен только при больших доходах. Шумский прав, называя это имение “золотой жилой”. Авось, и мы станем здесь своими...»

Немного поторговавшись, Великанов сговорился с Назаровым о цене, оставил задаток и уехал.

В тот же день было объявлено, что Назаровы переезжают в Москву.

Анатолий Александрович сообщил подробности своего плана:

– Дом для вас я уже облюбовал – прямо на Арбате. Это бойкая торговая улица. Дом доходный, трехэтажный. В нижнем этаже, Николаша, ты откроешь свою канцелярию и займешься адвокатурой.

– Что ты, Анатолий! – испугался Николай Николаевич. – Ведь нужно не менее трех лет службы помощником присяжного поверенного.

– Это я предусмотрел и нашел человека, у которого есть стаж. Первое время он будет вести дела и выступать в суде.

– Он самостоятельный адвокат? – удивился Назаров.

– Да, и весьма опытный, но у него нет средств, чтобы завести собственную канцелярию. К тому же он уже не молод и у него большая семья.

– Но где я найду клиентуру? В Москве меня никто не знает.

– Уступлю тебе часть своих клиентов, тем более что я завален делами. Политика и связанные с нею хлопоты отнимают столько времени. Ты получишь несколько юрисконсультств в известных московских фирмах. Поверь, это очень выгодное дело. Со временем приобретешь новых клиентов. Есть такие дела, на которых можно изрядно заработать. Теперь на это большой спрос...

– О чем ты?

– О бракоразводных процессах. Дело нехитрое. Надо лишь уметь давать взятки консисторским попам и находить платных лжесвидетелей.

– Это грязные дела! – всплеснула руками Ольга Александровна.

– Зато весьма доходные, – ответил Шумский. – Раз уж консисторские не прочь нагреть руки, то где нам, грешным, устоять. Купчишки с жиру бесятся, заводят шашни с певичками и актрисками, а купчихи – с разорившимися дворянчиками. За разводы без скандальной огласки хорошо платят.

– Анатолий, ты занимаешься такими делами? – не поверил Николай Николаевич.

– Мне, как члену Государственной Думы, это неудобно, но ты, Николай, человек свободный. Раз другие не стесняются, то почему бы и тебе не заработать?

- Мне это не по душе, – сказала Ольга Александровна.
- Во втором этаже будет ваша квартира, – «не услышал» Шумский, – восемь комнат.
- Достаточно для нас, – Ольга Александровна опустила глаза.
- Ну а ты, Николай, согласен?
- Относительно дома – да. Но касательно адвокатуры... Я все перезабыл.
- Ничего, вспомнишь. Вначале дела будет вести твой помощник, потом и ты втянешься.

Все будет хорошо. Надо только решиться. Внешность у тебя подходящая, а это много значит в нашем деле.

– По такому случаю следует выпить шампанского, – сказал Николай Николаевич, довольный тем, что кто-то за него все решил и устроил.

Горничная принесла бутылку и три бокала. Назаров разлил вино.

– За новую счастливую жизнь! – провозгласил Шумский.

Друзья звонко чокнулись.

Служанка доложила, что явился управляющий. Назаров велел просить.

– Вы мне очень нужны, Князь, – обратился он к вошедшему. – Новый хозяин имения согласен оставить вас в должности, ему нужен опытный и честный помощник...

– Не будем им мешать, Анатолий Александрович. Погуляем перед ужином, – предложила Ольга Александровна.

Они спустились в сад и направились к беседке.

От воды тянуло свежестью. За горизонтом садилось солнце. Его света уже не хватало для всех подробностей пейзажа. Деревья, кусты и луга на противоположной стороне Оки из лилово-изумрудных превращались в черные и не манили простором, как днем, а скорее пугали сумрачной тишиной.

– Ты будешь скучать по этому покою, – сказал Шумский.

– Я рада, что покидаю имение. Хотя, не скрою, будущее меня страшит. Смогу ли я решиться? Это меня гложет и не дает покоя.

Шумский обнял возлюбленную.

– У нас начнется новая жизнь, Оленька! Мы столько ждали.

– Если б ты посватался тогда...

– Прости мне эту ошибку, я дорого поплатился за нее. Не думай сейчас о грустном, ведь в Москве мы сможем часто видеться, пока окончательно не соединим наши жизни. Ведь так, дорогая?

– Только если Николай станет на ноги и сможет жить самостоятельно, – неожиданно твердо сказала Ольга Александровна.

– Пожалуй, ты принудишь меня молиться о благополучии Николая, – буркнул Шумский.

В течение месяца все дела по продаже Благодатного были закончены. Детей временно перевезли к бабушке. Николай Николаевич и Ольга Александровна приехали в Москву. Остановились в «Славянском базаре».

Дом, найденный для них Шумским, был превосходным. Они тут же его купили и заказали дорогой ремонт. Для квартиры и адвокатской канцелярии выписали новую мебель в стиле модерн. К осени вся семья была в сборе. Стали обживать. Юрий пошел в восьмой класс Первой московской гимназии, а Марика – в гимназию Арсеньевой на Пречистенке. Николай Николаевич открыл канцелярию. Ее состав был невелик: сам Назаров, старичок-помощник и секретарь-машинистка.

Николай Николаевич в новом фраке от Жоржа, самого модного портного Москвы, производил на клиентов хорошее впечатление. Он отказался от монокля, чтобы иметь более строгий и деловой вид. Шумский ввел его в высшие круги торгово-промышленного мира. Эти знакомства и связи Николай Николаевич успешно использовал в своей практике. К началу театраль-

ного сезона Назаровы приобрели театральные абонементы: ложу в Большом и места в партере Малого и Художественного театров.

Все устроилось наилучшим образом, материальное положение семьи упрочилось, но на душе у Ольги Александровны скребли кошки. Ее терзал предстоящий разрыв с мужем и то, что она должна нанести ему незаслуженно жестокий удар. К тому же предстояло объяснять причину развода детям. Поймут ли они? И все же другого выхода не было. Она давно и страстно любила Шумского, соблазн истомил ее сердце. Впрочем, теперь и по моральным причинам ее отказ стал совершенно невозможен. Что подумает о ней Анатолий? Что она хитрая и расчетливая интриганка, разрушившая его надежду на личное счастье? Ведь Шумскому исполнилось сорок, а он так и не женился.

С этими мыслями она подходила к особняку, расположенному в одном из переулков Пречистенки. Шумский сам открыл дверь, помог ей снять пальто и повел в свой кабинет. Прислугу он заранее отпустил.

Перед камином на маленьком столике были приготовлены чай, конфеты, пирожные. Усадив Ольгу Александровну на тахту, он разлил чай, добавив в него ямайского рому из маленького хрустального графинчика. Печенье было ее любимое – миндальное.

– Наконец-то мы одни, Ольга. Я ждал этого всю жизнь.

Он попытался привлечь возлюбленную к себе, но она не поддавалась:

– Нет, не сейчас, пожалуйста! Ведь я еще не свободна. Я не хочу лгать.

– Никакой лжи – только моя любовь и нежность...

У Шумского была безупречная репутация. Он считался опытным, прогрессивным и дорогим адвокатом, который успешно защищал в судах интересы своих клиентов из торгово-промышленных и помещичьих кругов. Делами представителей более низких сословий он не занимался. Левые симпатизировали ему, так как во время революции он не раз появлялся на московских улицах и площадях с красным бантом на груди и где-то что-то провозглашал, но что именно, никто уже не помнил.

Когда на основании октябрьского манифеста начал зарождаться русский парламентаризм и как грибы после дождя стали появляться многочисленные политические партии, то среди этого «микологического» многообразия ярко-красным мухомором на белой подкладке стала выделяться партия конституционных демократов – кадетов.

Либеральная профессура Москвы и Петербурга сразу же почтила партию своим авторитетом, после чего к кадетам стали примыкать либералы всех округов России. На этой платформе буржуазия объединилась с интеллигенцией. Кадеты ратовали за парламентарную монархию по английскому образцу. Социальные реформы, намеченные в ее программе, перемежались туманными, как древний Альбион, лозунгами. Аппетит лидеров партии распространялся исключительно на министерские кресла, в которых, по мнению кадетов, засиделись отжившие свой век бюрократы. Нужно было во что бы то ни стало убрать с высших государственных должностей замшелых чиновников и занять освободившиеся места, чтобы мягко, без социальной встряски, продолжить управление страной.

Представляя партию конституционных демократов, Шумский эффектно выступал на собраниях, писал статьи в газетах «Русское слово» и «Речь». На заседаниях Государственной Думы он сидел в кадетской ложе, где кучковалась оппозиция Его Величеству.

В последнем выступлении в Думе он громил министра народного просвещения Кассо за реакционное управление министерством. Шумский не мог простить ему нарушения автономии родного Московского университета.

В общем-то, вся деятельность Шумского в качестве депутата Госдумы сводилась к таким вот ежегодным выступлениям с парламентской трибуны. С этой целью он и ездил в Северную столицу. В собраниях правительственной комиссии разрабатывались вопросы первостепенной

важности, в том числе и касавшиеся государственного бюджета, но он не принимал в них участия, так как вставал обычно поздно, до глубокой ночи играя в карты в английском клубе. Он останавливался в самых дорогих гостиницах – «Астории» или «Европейской», обедал у Кюба – на углу Большой Морской и Кирпичного переулка. Государство платило своему депутату кругленькую сумму, хотя для Шумского она мало что значила. Он был богат, тщеславен и считал себя крупным государственным деятелем. Никто и не спорил. В его адвокатской канцелярии на Мясницкой трудились несколько способных юристов – фирма процветала.

В делах ему, как правило, сопутствовал успех, а вот в любви не повезло. Когда-то из-за юношеской самоуверенности он опоздал сделать предложение обворожительной красавице Ольге Немеровской, в которую был влюблен. Его опередил приятель по университету Николай Назаров.

Самолюбие Анатолия Александровича было уязвлено, однако он не собирался с этим мириться и поставил своей целью развести Ольгу с мужем, чтобы самому на ней жениться. Он терпеливо ждал восемнадцать лет, и его чувство не охладело, хотя в разное время он имел содержанок из театральной среды. Романтичная Ольга Александровна поэтизировала рыцарскую верность Шумского и в то же время сильно преувеличивала свое мученичество в браке с Назаровым, из-за чего у Анатолия Александровича сложилось ложное мнение, будто семейная жизнь его возлюбленной состоит из душевных страданий и мук. Избавить ее от них было делом чести.

По совету отца младший Назаров поступил на юридический факультет. Родители были рады этому, и остаток лета семья провела на взморье в Майоренгофе.

По возвращении в Москву началась совершенно другая жизнь.

В новом, с иголки, мундире Юрий каждое утро благоговейно входил в «святилище науки» – главный корпус Московского университета. Его переполняла жажда знаний. В мечтах о будущем он уже видел себя известным государственным деятелем, влиятельным вельможей.

Юридический факультет держался на авторитете и славе прошлых лет. Но сейчас все самое талантливое и передовое было загублено постановлением министра просвещения Кассо от 11 января 1911 года, лишившим университет автономии. Градоначальник получил право вмешиваться в университетскую жизнь, а профессора и доценты стали такими же чиновниками, как учителя гимназий, разве что ходили в статском, а не в мундирах.

Вначале Юрий прилежно посещал и конспектировал лекции. Потом, как и прочие студенты, стал довольствоваться учебниками. Кроме нацеленных на карьеру белоподкладочников, большая часть студенчества была настроена либерально, если не сказать революционно. Молодежь увлекалась социализмом как учением о справедливом общественном строе, считая, что за ним будущее. Почти все негласно изучали труды Маркса, Энгельса, Плеханова и других социалистов. За идеалы свободы и демократии на баррикадах недавней революции студенты тоже проливали свою молодую кровь. Когда на фабриках и заводах бастовали рабочие, учащаяся молодежь, проявляя солидарность, примыкала к бунтовщикам. Никакие меры министра Кассо и полиции не могли сломить их решимость бороться «за лучшую жизнь в России». Не действовали ни угрозы исключения из университета, ни аресты, ни ссылки.

Юрий Назаров не примкнул ни к одной из политических группировок, потому что не мог разобраться в вопросах, которые будоражили его товарищей. Он ходил на дебаты, устраиваемые социальными активистами, читал политические и экономические статьи в толстых журналах, брался даже за «Капитал» Маркса, но не осилил его. Под влиянием общих настроений он в конце концов согласился: общественный строй в России «прогнил» и «должен быть изменен», необходима «буря» – революция. Юрий знал о французском эксперименте установления республики, и, в общем-то, этот вариант его устраивал, особенно тем, что преобразования не должны были коснуться материального положения его семьи, только-только вставшей на ноги.

В одном из деревянных переулков Самотеки, в скромной квартирке мелкого торгового чиновника Филимона Артемьевича Галкина собралась компания студентов по случаю дня рождения сына Галкина – Сергея. В тесной гостиной хозяйка угощала молодежь пирогами, а хозяин – наливками собственного приготовления.

Юрий Назаров выделялся среди гостей ухоженностью ногтей, щегольской прической и мундиром из дорогого сукна.

После тостов за здоровье «новорожденного», его родителей и «присутствующих здесь дам» спели *Gaudeamus igitur*, «Дни нашей жизни», «Повеяло черемухой».

Общее веселье остановил сам виновник торжества.

– Товарищи, – начал Галкин, – с каждым днем наша жизнь становится все невыносимее. Судите сами, на троне расселся невежественный Гришка Распутин, царица этому потрафляет, а наш венценосный только молится да мощи открывает. В министерских креслах сидят заплесневелые идиоты, как и во главе многих губерний. В Думе – бесконечная болтовня и свара. Одним словом, кругом отсталость и гнет. Власть сосредоточена в руках жандармов и охранки...

– Когда же, наконец, с этим будет покончено? – резко прервала его коротко стриженная курсистка.

Ответить взялся старшекурсник Холин, слышавший знатоком экономики:

– Русский народ нищий, потому что вечно зависит от зарубежного капитала. Почти вся наша промышленность и торговля в руках иностранцев. Товары в основном привозные, начиная с посуды и кончая шампанским, духами, одеждой, детскими игрушками. Пройдитесь по главным улицам Москвы и Петербурга, посмотрите на вывески – сплошь немецкие фирмы. Та же картина и в других городах. Богатства Кавказа, Урала, Сибири, Донбасса в руках иностранцев. Фактически мы – колония.

– Разве у нас нет своих, русских, капиталистов? – спросил Назаров.

– Как же! – скривился Холин. – Русская промышленность! Жалкая кучка эксплуататоров, зависящих от иностранной валюты. Русским остается лишь преклоняться перед Западом и безропотно уступать свои богатства, а самим смиренно молиться и паломничать по монастырям, ведь мы – Святая Русь. «Смирись, гордый человек!» – призывал Достоевский. Ну хорошо, мы смирились и теперь торгуем селедками, водкой, керосином да спичками. И это в богатейшей стране!

– Мы стоим накануне войны с Германией. Воздух пропах порохом, – вступил в разговор студент Александров, происходивший из семьи военных. – И новую войну запросто можем проиграть, как провалили Японскую кампанию, ведь генералы-то остались те же: бездарные прибалтийские бароны да наши пьяницы.

Раздались голоса:

– Какой же из этого выход?

– Нельзя сидеть сложа руки!

– Только новая революция может спасти Россию! – горячился Галкин, выглядевший прекомично, как все учительствующие в хмельном кураже. – Да, только социализм способен преобразить страну политически и экономически. Пора сбросить эксплуататоров – и своих, и чужих! А сделать это должны мы – молодежь. За светлое будущее, господа!

Все подняли фужеры и чокнулись.

– И ты за это пьешь, Назаров? – поддел Юрия Холин.

– Почему бы мне не выпить?

– Неужели пойдешь с нами на баррикады?

– Понадобится – пойду.

– Даже если у тебя отнимут дом?

– Дом не мой, а моего отца.

Гости одобрительно загалдели:

– Правильно!

– Вот так сказанул!

– Молоток!

– А много ли у вас опасности, молодой человек? – неожиданно встрял сидевший сбоку, уже изрядно набравшийся Филимон Артемьевич.

Назаров, снисходя и не желая обидеть хозяина дома, пожал плечами:

– Да кто же ее считал.

Раздались смешки, но старшего Галкина ответ вполне устроил, и он мирно заснул, прилоняясь к этажерке.

Встала курсистка и с большим чувством продекламировала «Буревестника». Ей горячо аплодировали.

Всякий раз, уходя отсюда, Юрий чувствовал смертельную тоску, несмотря на то, что уходил пьяным, накачавшись наливками Галкина-отца.

Мощные колонны портала Большого театра тускло отражали свет январской ночи. Излучение газовых фонарей поглощал морозный туман. Перед входом в театр образовалась длинная вереница собственных выездов и частных извозчиков. Накрытые заиндеветшими попонами лошади мирно дремали, а кучера, сбившись в кружок, травили анекдоты, время от времени похлопывая друг друга по наваченным спинам.

В зрительном зале, под светом хрусталя, на красных бархатных креслах шелестели шелками, веерами и программками представители московской знати. Никто не томился в ожидании спектакля, потому что демонстрация себя и разглядывание других входили в программу вечера. Для многих мужчин посещение театра было не только светским развлечением, но и возможностью встретиться с нужными людьми, а для дам – блеснуть бриллиантами, туалетами, мехами.

В нагретом воздухе витали ароматы дорогих духов. Капельдинеры в парадных ливреях, как монументы, застыли в величественных позах. Ровный гул зрительного зала разрывали резкие звуки настраиваемых инструментов, доносившиеся из оркестровой ямы. На третьем ярусе и балконе, под самым куполом, совершенно иная публика – там галдели студенты и курсистки. Во время спектаклей галерка особенно бурно выражала свое отношение к игре актеров: то криками «браво» и аплодисментами, а то свистом, топаньем ног и воплями «позор».

Семья Назаровых расположилась в правой ложе бенуара. С ними был и Шумский. Ольга Александровна была ослепительно хороша в новом дымчато-сиреневом платье, к которому муж купил жемчужное кольцо. Марике тоже сшили новое платье, а Юрий был в студенческом мундире. Брат и сестра рассматривали публику в бинокли, обмениваясь критическими наблюдениями. Наконец поднялся занавес. Давали «Лебединое озеро». Одетту танцевала любимица публики Екатерина Гельцер.

По окончании балета родители отправили детей домой, а сами пошли ужинать на Арбат – в «Прагу». Шумский только что вернулся из Питера и делился впечатлениями:

– При дворе по-прежнему одна пошлость. Влияние Распутина растет. Он не только лечит гипнозом наследника престола, но и раздает за взятки выгодные места, даже министерские портфели. Царица чуть не молится на него.

– Но что же государь? – недоумевал Николай Николаевич.

– Все раболепствуют перед Распутиным. Чиновники и финансовые дельцы кутят с ним в шантане «Вилла Родэ», а придворные дамы из салона графини Клейнмихель и вовсе почитают за святого. Дошло до того, что они купают сорокалетнего «старца» в ванне.

– Что-то не верится, – усомнилась Ольга Александровна.

Шумский прищелкнул языком, дескать, рад бы сообщить что-то хорошее, да нечего.

– Неужели в доме Романовых некому навести порядок? – поддержал жену Назаров.

– Кто ж наведет его? – вздыхал Шумский. – Кирилл – пьяница, Димитрий – пьяница, Михаил после женитьбы отошел от дел, Великий Князь Николай Николаич как будто наиболее вменяемый, но очень уж недалек... Россия нуждается в сильной руке...

– Ну а вы, Государственная Дума, представители народа! – напустилась на Шумского Ольга Александровна, словно он был в ответе за все неурядицы двора Его Величества.

– А Дума-то из кого состоит? Из черносотенцев во главе с Пуришкевичем да полусотни попов, поющих «Боже, Царя храни». Из соглашателей-октябристов вроде Гучкова, из небольшой группы трудовиков – тайных революционеров, ну и нас – кадетов. А что мы можем при таком парламенте? Разноголосица ужасная, каждый тянет одеяло на себя.

– Что же спасет Россию? – озабоченно спросила Ольга Александровна.

– Только революция! И она не за горами. Чаша терпения переполнена. Новая революция все сметет на своем пути, а также и тебя, Николай, если ты думаешь отсидеться в стороне.

– Что ж мне, в вашу партию записаться? – хмыкнул Назаров.

– Почему бы и нет. Будущее в России принадлежит кадетам. В наших рядах весь цвет интеллигенции – ученые, промышленники, финансисты.

– Ты тоже так думаешь, Ольга? – он посмотрел на жену.

– Видимо, Анатолий Александрович прав, – ответила она, встревоженная новостями. – Что тебе мешает быть либералом, ведь ты уже не помещик.

– Я даже не знаю их программы.

Шумский, как обычно, пошел навстречу:

– Наша цель – конституционная монархия, наподобие английской. Царь царствует, но не управляет. Это соответствует твоим англоманским вкусам, не так ли, Николай? Михаил Александрович – лучший кандидат на трон. А далее – либерализм во всем. Тезис, растяжимый, как резина.

Шумский напряг пальцы и широко развел руки, словно тянул резину. Все наконец улыбнулись.

– Ну, хорошо, уговорили, – махнул рукой Николай Николаевич и сделал легкий взмах.

– Человек, бутылку лирпа!

Когда лакей разлил по бокалам шампанское, Назаров с нарочито-комической торжественностью провозгласил, поклонившись жене:

– Поздравляю вас, мадам, с новорожденным кадетом!

Ольга Александровна только что прочла письмо от младшей сестры, извещавшей о болезни их матери.

«Как это не вовремя, все в одну кучу!» – корила она невесть кого.

Вошел Николай Николаевич.

– Ольга, я нашел у подъезда какой-то ключ. Не твой? – он положил его на стол, и она сразу же узнала изящный никелированный ключик от американского замка в доме Шумского.

– У меня нет таких ключей, очевидно, кто-то из твоих клиентов обронил, – нашла она, но на душе стало еще невыносимей.

Николай Николаевич, заметив слезы на лице жены, присел рядом и заговорил сразу обо всем, лишь бы отвлечь ее от грустных мыслей:

– Я давно вижу, Оленька, тебя что-то томит, но поверь, дела идут хорошо. С легкой руки Анатолия клиентура растет. Сегодня я получил юрисконсульство у известного водочного магната Буянова, поставщика двора Его Величества.

– Смотри, чтобы этот замоскворецкий купчина тебя не надул. Я слышала, он большой плут.

– Ну-у, надуть меня непросто.

– В таком случае поздравляю...

– Что же тебя тревожит? Какая-нибудь неприятность с детьми?

«Сама судьба велит, – отвердела вдруг Ольга Александровна. – Он сам напросился...»

Собравшись с духом и оперевшись на невесть откуда взявшуюся жестокость, она решила сейчас же во всем признаться и разом покончить со своим двусмысленным положением.

– Николай! – голос прозвучал глухо, и ей самой он показался чужим. – Я давно собиралась тебе сказать... нет сил терпеть это и дальше!

Она поймала удивленно-вопросительный взгляд мужа, и ее решимость мгновенно улетила. В его глазах был испуг и вместе с тем столько любви и преданности, что она упала к нему на грудь и разрыдалась.

– Что с тобой, милая? – вконец растерялся Назаров.

– Мама больна, а я здесь... Пришло письмо от Любы... – она показала рукой на конверт, лежащий на столе.

– Успокойся, Оленька. Утром я посажу тебя в поезд. Мы тут справимся, не переживай. Не плачь, родная, врачи спасут твою мамочку.

На другое утро Ольга Александровна уехала в Нижний, но к ее приезду мать уже скончалась.

На благотворительный базар в пользу приюта для сирот в колонном зале Дворянского собрания съехалась вся Москва. В цветочных киосках и за длинными столами, уставленными безделушками для лотереи, а также за буфетными стойками бойко торговали дамы высшего света. Веселая, нарядная толпа с трудом протискивалась через галереи.

За одним из столиков группа женщин продавала шампанское. Бокалы, к которым прикасались их губки, ценились дороже. Под смех и шутки на подносы сыпались золотые червонцы и кредитные билеты.

Назаровы тоже участвовали в благотворительной акции: Ольга Александровна продавала цветы, а Николай Николаевич, в визитке, вместе с другими мужчинами помогал откупоривать бутылки.

Неподалеку от них за отдельным столиком сидела красивая декольтированная блондинка – жена банкира Бутылкина. Николай Николаевич подвел к ней сына.

– Нина Петровна, разрешите представить моего наследника. Можете называть его просто Юрий. Поручаю его вам.

Младший Назаров в студенческом сюртуке выглядел очень юно.

– Приятно познакомиться, – Нина Петровна протянула белую, унизанную кольцами руку, которую он почтительно поцеловал.

– Вы будете разливать шампанское, – сказала она.

– Слушаюсь! – весело козырнул Юрий.

Встав за ее спиной, он ловко открывал бутылки и наполнял бокалы.

Ольга Александровна инстинктивно почувствовала исходившую от блондинки опасность и краем глаза следила за сыном. Ей не понравилось, что Николай Николаевич познакомил его с банкиршей, и она шепотом упрекала его.

– Оленька, мальчик вырос, – отмахнулся Назаров.

Шампанское у Нины Петровны покупали нарасхват. Мужчины требовали, чтобы она пригубляла каждый бокал, и щедро платили за это. Такая же игра была и за другими столами. К концу базара Нина Петровна опьянела, но ей это шло: глаза блестели ярче, а голос стал низким и томным. Она посмотрела на часы.

– Пора домой, а мужа нет. Обманул! Все мужья такие. Как хотите, но придется вам, Юрь Николаич, провожать меня домой. Я живу на Петровке – близко. Дойдем пешком, если вы не

устали. Откровенно говоря, у меня немного кружится голова, пришлось выпить лишнего ради бедных сироток!

– Пожалуйста! Мне будет приятно, – ответил Юрий.

Они шли по ночной Москве, весело обсуждая ярмарку.

– Там было столько красавиц, вам кто-нибудь понравился?

– Если начистоту, я заметил только одну.

– Кого же?

– Вы и сами могли бы догадаться.

– Ах, мальчик! – она погрозила пальчиком в перчатке, но Юрий поймал ее руку и, расстегнув застежку, поцеловал запястье.

– Вот мы и дома, – сказала Бутылкина, якобы «не замечая» его ухаживания. – Завтра в шесть часов приходите к нам обедать. Я познакомлю вас с мужем.

Ровно в шесть вечера Юрий звонил в дверь Бутылкиных.

Банкир оказался рябым невысоким мужчиной с большой головой, к тому же значительно старше своей жены. Он радушно поздоровался с Юрием и пригласил его к столу.

В богато обставленной просторной комнате сидело около дюжины гостей. Нина Петровна усадила Юрия подле себя. Она весело и непринужденно разговаривала со всеми, но кончик ее туфельки то и дело скользил по ноге гимназиста, и от этих прикосновений его бросало в жар. Обед затянулся, было выпито много вина. Потом поехали в кабаре «Летучая мышь», где снова пили шампанское и смотрели развлекательную программу Балиева. После на извозчиках двинули к «Яру». Там ужинали в отдельном кабинете, опять пили шампанское и слушали цыган, исполнявших свои надрывные песни. Под утро всей компанией ели щи в трактире на Арбате. Бутылкин платил за все.

Юрий вернулся около семи утра и проспал весь день. Вечером он снова обедал у Бутылкиных. Банкир приветствовал его как старого знакомого.

Кроме хозяев, за столом сидели подруга Нины Петровны Ирина Ионовна и сумской гусар Гурин. Опять много пили. По окончании обеда хозяин извинился перед гостями и уехал по делам. После его ухода разговор почему-то разладился, словно банкир был душой компании.

Нина Петровна встала и скомандовала Юрию:

– Идемте! Я покажу вам квартиру.

Через гостиную и кабинет мужа она провела его в спальню.

– Вот наш альков, видите, он весь в зеркалах, даже на потолке.

Это чтобы я могла себя видеть со всех сторон. Муж говорит, что я – нарцисс. Вы любите нарциссы, мальчик?

Назаров понимал, куда она клонит, только не знал, с чего начать. Она сама выключила свет и легла поверх покрывала:

– Я хочу, чтобы вы стали настоящим мужчиной.

Что ж, мужчиной так мужчиной...

После, поправляя прическу, она заявила:

– Я никогда не изменяю мужу, имейте это в виду.

Юрий неуклюже молчал, хмель совершенно выветрился. Когда они вернулись в столовую, ни подруги, ни гусара уже не было.

– Ваши гости, наверное, обиделись, – сказал Юрий.

– Как бы не так! Они в будуаре *беседуют*, – подчеркнула последнее слово Бутылкина.

Было ясно, что у дам друг от друга секретов нет.

С этого вечера Юрий лишился свободы и воли. Он часто обедал у Бутылкиных, посещал с Ниной Петровной театры, концерты, балы. Друзья и знакомые банкирши называли его «мальчиком» и «пажом», что ужасно задевало самолюбие гимназиста. Женщины злословили,

но многие молодые люди завидовали ему. Банкир был по-прежнему любезен с ним. Догадывался ли он о шашнях жены, поощрял ли молчанием ее прихоть, оставалось загадкой. В семейных домах, куда Юрия приглашали раньше как перспективного жениха, он больше не появлялся. Точно так же он прекратил общение с товарищами по университету. Да и учебу почти забросил.

Ольга Александровна была в отчаянии, она даже хотела ехать объясняться к Нине Петровне.

– Это не женщина, а какая-то тигрица, – возмущалась она.

Даже Марика насмехалась:

– Эта баба Юрку скоро сожрет, останутся только пуговицы от мундира.

– Я нашел тебе выгодную любовницу, – «воспитывал» сына Николай Николаевич, – а ты, дурак, по-настоящему влюбился. Рассиропился, как Тангейзер в гроте Венеры. Учти, Тангейзер-то сумел освободиться от чар. Не забывай, «тетя Нина» годится тебе в матери. Ну ладно, завел любовницу, а учебу зачем бросать? Хочешь окончить университет стариком? За вечного студента даже дура замуж не пойдет.

Все эти упреки и насмешки не действовали на Юрия. Он продолжал отношения с мадам Бутылкиной и считал себя при этом самым счастливым человеком.

Однажды, придя домой на рассвете, он нашел на своем столе письмо от Натали Донцовой. Юрий давно уже перестал ей писать. Да и о чем? Распечатав конверт, он пробежал глазами записку: «Дорогой Юра! Пишу вам в последний раз. Чувствую, что вы в моих письмах больше не нуждаетесь, как и в моей дружбе. С большой нежностью вспоминаю чудесное время, когда мы понимали друг друга. Желаю вам счастья! Натали».

Вспомнилась милая девушка, греза его юности, пробуждавшая возвышенные чувства. Он ей бесконечно благодарен, но ведь прошло столько времени. Он уже не знал, любовь это была или обычное преодоление детства. Натали права: им нечего сказать друг другу.

Нина Петровна Бутылкина праздновала именины.

Было много гостей, квартира утопала в цветах и шампанском. В зале танцевали под рояль, а в кабинете хозяина шла напряженная игра в «железку». Около пяти часов утра дом облетела весть: банкир Бутылкин выиграл у купца Ползунова четырехэтажный дом на Тверской. Среди гостей начался ажиотаж, все поспешили в кабинет, чтобы поздравить хозяина. Бутылкин с видом победителя снисходительно принимал поздравления.

Напротив, опустив всклокоченную голову, сидел проигравшийся в пух и прах Ползунов. Его бледное лицо казалось маской, даже потухшая папирота в углу рта не шевелилась. Бутылкин великодушно обратился к Ползунову:

– Желаете продолжать игру? Может, хотите отыграться?

– Я знаю, что не отыграюсь, – хрипло ответил Ползунов. – Да у меня и нет больше ничего, кроме жены и детей.

– На жен и детей не играю, – развел руками Бутылкин и закурил папиросу. – Итак, игра окончена?

– Окончена.

– Вы не отрицаете, что проиграли мне дом?

– Нет.

– Свидетели игры, – обратился Бутылкин к сидящим за столом игрокам, – запомните это заявление. – Моя жена, – обратился он к Ползунову, – уже сообщила по телефону вашей супруге, что вы заночуете у нас. Сейчас пять часов утра, вам нужно отдохнуть. Днем у нотариуса мы официально оформим дело. Согласны?

– Да.

Ползунов встал и, пошатываясь, как пьяный, вышел из комнаты.

Бутылкин начал подробно рассказывать гостям о ходе игры. Ему внимали с подобострастным восхищением. Неожиданно раздался выстрел. На какой-то момент все приросли к своим местам, затем бросились по коридору к уборной. Дверь была заперта изнутри. Лакей взломал ее. На бело-голубом кафеле лежал мертвый Ползунов с простреленной головой. Рядом в луже крови валялся его револьвер.

Пользуясь общим замешательством, Юрий бросился в переднюю, быстро оделся и выскочил на улицу. Он почти бежал, захлебываясь утренним воздухом и слезами. «Покончено с пажами, кутежами, купцами, их женами! Какая же я скотина! Боже, какая скотина! Господи, прости меня...»

На Театральной площади, отдышавшись, он свистнул извозчика.

Марика повзрослела как-то враз. Никто не заметил, когда и каким образом милая озорница превратилась в гордую красавицу. Наивную непосредственность сменила надменная самоуверенность, словно она уже имела какие-то тайные знания и жизненный опыт. На самом деле не было ни того, ни другого. Унаследовав от матери красоту, а от отца ироническое отношение к жизни, она выросла умной, волевой и весьма язвительной девицей. Чувствительность Марика презирала, сама никогда не плакала на людях и высмеивала это в других. Она не разрешала себе женских слабостей, а когда сердилась, то повышала голос и отпускала колкости. Впрочем, она была еще в том возрасте, когда девичий гнев умиляет и кажется забавным. Научками она не интересовалась, но по инерции училась хорошо, уделяя наибольшее внимание иностранным языкам, дабы считать себя культурным человеком. Русскую литературу Марика в грош не ставила, считая ее «занудным поиском души в кишках». Тургеневских женщин считала «психичками», один Базаров, по ее мнению, чего-то стоил. Читала она в основном французские романы и вообще преклонялась перед Западом. «Вот где умеют жить!» – вздыхала юная галломанка.

Себя Марика относил к так называемой «золотой молодежи» и дружила только с девушками из состоятельных семей. Она любила танцевать на балах и флиртовать. Ей нравились кавалеры с хорошими манерами, умеющие делать остроумные комплименты. Их внутренний мир Марику не интересовал – ей достаточно было своего.

В один из зимних вечеров в гостиной Назаровых праздновали шестнадцатилетие Марики. Собралась молодежь. Гости попросили ее спеть, и она села к роялю.

Глядя на сестру, Юрий вспомнил, как всего пять лет назад, в Благодатном, Марика с двумя подружками упростили его покатасть их на лодке. В легких летних платьицах и соломенных шляпках они старались держать себя как настоящие барышни. Когда ему надоело ублажать обнаглевших пигалиц, он стал раскачивать лодку на середине реки, чтобы они испугались и запросились на берег. Девчонки и впрямь захныкали, а обидевшаяся на брата Марика прыгнула в воду. Юрий сиганул следом, так как не был уверен, что она хорошо плавает. Такая вот она, «Марика с комарика», как он дразнил ее в детстве.

Под собственный аккомпанемент низким, как у матери, голосом она исполнила модный романс Вертинского:

*Ваши пальцы пахнут ладаном,
А в ресницах спит печаль,
Никого теперь не надо вам,
Ничего теперь не жаль.
А вдали диакон седенький
За поклоном шлет поклон
И метет бородкой реденькой
Вековую пыль с икон...*

Когда прозвучал последний аккорд, раздались аплодисменты.

– Сколько таинственной муки и шарма в этом романсе! – воскликнула одна из девушек. – Спой еще, Марика!

Марика снова запела:

*Где вы теперь? Кто вам целует пальцы?
Куда ушел ваш китайчонок Ли?
Вы, кажется, любили португальца,
А может быть, с малайцем вы ушли?
В последний раз я видел вас так близко,
В пролеты улиц вас умчал авто.
Я видел вас во сне в притонах Сан-Франциско,
Лиловый негр вам подавал манто...*

– Прелесть! Еще, Марика! – восторгались барышни.

– Вертинский неподражаем, – снисходительно соглашались их кавалеры.

– Это русский Пьеро!

С большим чувством Марика спела «Бал Господень», «Кокаинетку» и «Нежного принца с Мальтийских островов».

– Вы знаете, – сказала одна из девиц, – моя мама так увлечена Вертинским, что не пропускает ни одного его выступления. Она даже послала ему в подарок семейную икону старинного письма.

– Как на это отреагировал кумир? – не очень-то вежливо фыркнул Юрий.

– Представьте, очень мило. Он послал маме надушенную записку, в которой благодарил «маленькую, глупенькую женщину за трогательный дар».

Раздались голоса:

– Прелестно!

– Очаровательно!

– Вполне в духе нашего Пьеро.

– Ты изумительно передаешь Вертинского, Марика! Я могла бы тебя слушать и слушать, – говорила разгоряченная краснощекая барышня. – Вам нравится Вертинский, Бобби? – обратилась она к одному из гостей.

Бобби – манерный молодой человек, затянутый в моднейшую визитку, с тонкими усиками, тростью и моноклем, отвечал, растягивая слова:

– О, да! Он истинный певец нашего сумеречного времени. Особенно люблю его «Кокаинетку» и «На бульварах распятую». В его песнях есть тонкий аромат греха.

– А по-моему, – продолжал портить общую атмосферу Юрий, – эта кокаинетка – препаскудная баба, и юным девушкам не пристало вздыхать о ней, как и о прочих *de perversion des femmes*⁸, забавляющихся с лиловыми неграми.

– Юрь Николаич, вы безнадежно отстали и ничего не понимаете в современной поэзии, – прервала его лучшая подруга Марики Бетси.

– Ты права, Бетси, у нашего Юры примитивный вкус, – сказала разозлившаяся на брата Марика.

В гостиную вошел Николай Николаевич об руку с близкой к дому Назаровых известной певицей. Вслед за ними шла Ольга Александровна.

⁸ Развратных женщинах (*фр.*).

– Ну что вы поете! – обратился Николай Николаевич к гостям. – Уши вянут слушать. И это молодежь, ценители красоты! Предлагаю послушать настоящую музыку. Аглая Александровна сейчас споет нам несколько романсов Рахманинова.

Назаров сел за рояль. Аглая Александровна, полная брюнетка в зеленом шелковом платье, спела прекрасным, чистым сопрано «Островок», «Весна идет», «Не пой, красавица, при мне».

Гости восторженно аплодировали.

– Теперь судите сами, где высокое искусство, а где пошлость и кривлянье. Но мы не собирались вам мешать. Развлекайтесь, дети.

Николай Николаевич увел «стариков» в свой кабинет, где они охотно расписали «пулечку».

– Родителям не понятна тонкая игра настроений, – сказала Марика. – Бобби, вы обещали нам почитать Северянина. Пожалуйста, прочтите «Berceuse осенний».

Бобби вставил монокль и начал читать, завывая:

*День алошиз. Лимолистный лес
Драприт стволы в туманную тунику.
Я в глушь иду, под осени berceuse,
Беру грибы и горькую бруснику.
Кто мне сказал, что у меня есть муж
И трижды овесененный ребенок?..
Ведь это вздор! Ведь это просто чушь!
Ложусь в траву, теряя пята гребенок...
Поет душа, под осени berceuse,
Надежно ждет и сладко-больно верит,
Что он придет, галантный мой Экссесс,
Меня возьмет и девственно озверит...*

Монокль выпал и повис на шелковом шнурке. Публика была в восторге. Затем он прочел стихи Бурлюка, в которых воспевалось «девичье лоно».

– Теперь Бодлера! – кричали барышни.

Бобби по-французски, грассируя, гнусавя и закатывая глаза, прочел стихотворение «Падалъ» из цикла «Цветы зла».

– Гениально!

– О, еще, еще! – кричали ему.

– Не могу больше, устал, – капризно сказал Бобби, вставляя монокль.

– Концерт окончен, будем играть в фанты! – объявила Марика.

Она взяла вазу с заранее приготовленными билетиками, свернутыми в трубочки, и обнесла гостей. Каждый взял записку и вслух прочел «задание». Например: пройти на четвереньках по комнате, подлезть под рояль и прокричать петухом, быть исповедником грехов, рассказать о своей первой любви или анекдот. Под общий хохот все исполняли свои номера.

После фантов играли в «пропажу».

Одному из юношей завязали глаза, а Марика в это время спрятала за корсаж свой платок. Молодой человек, когда с него сняли повязку, должен был его найти. Когда он приближался к Марике, гости кричали «тепло», а когда удалялся – «холодно». Окончанием игры должен был служить возглас «горячо», но он, конечно, так и не прозвучал. Под общий смех Марика вынула из-за корсажа «пропажу», а молодому человеку назначили штраф: помяукать, полаять и поблехать под столом. Все это он исполнил с большим мастерством, чем привел компанию в восторг.

Марика раздала гостям карты «Флирт цветов», и все стали соревноваться в искусстве делать комплименты и объясняться в любви от имени цветов.

Так развлекались до самого ужина.

В час ночи, проводив последних гостей, Юрий сказал:

– Не пойму, почему девицам из семей нашего круга нравятся песенки про наркоманов, проституток и сутенеров.

– Юрка, ты подлец! – Марика выбежала, хлопнув дверью.

Ольга Александровна выразительно посмотрела на сына, как бы напоминая: давно ли сам был таким же; а Николай Николаевич пожал ему руку:

– Слава богу, ты начал взрослеть.

– Я к вам, Николай Николаич, на сей раз по сугубо личному делу, – говорил водочник Буянов, входя утром в канцелярию Назарова.

Он уселся в предложенное кресло. Назаров угостил купца сигарой. Оба закурили.

Буянов был водочным королем России, поставщиком двора Его Величества, в каковые попал, дав хорошую взятку коменданту дворца, а тот убедил кого надо, что водка Буянова лучшая в мире.

Купец славился в Москве своим распутством, о нем рассказывали анекдоты, один скабрее другого. Внешне он походил на героев пьес Островского: с гладкой прической, напояженным пробором, небольшими закрученными усами, какие часто встречаются у лакеев и парикмахеров. Зато носил дорогие английские костюмы, большую жемчужину в галстук и бриллиантовый перстень на указательном пальце правой руки, который часто выставлял вперед во время переговоров с партнерами. Этот указующий перст знали многие.

– Сегодняшнее дело не касается моей фирмы, – начал Буянов, – оно сугубо интимного свойства. Буду с вами как на духу. Я верующий человек, ей богу! – он перекрестился. – Мне нужно во что бы то ни стало развестись с моей дражайшей Диной Ивановной, причем как можно скорее.

– По чьей вине развод?

– Разумеется, не по моей! Чего ради я буду содержать ее? Не в моих правилах бросаться деньгами. Настоящая причина развода в том, – говорю, как на духу, – что мне нужен наследник. Как я ни старался, у нас с Диной Ивановной ничего не вышло. Подумайте, вот я умру, и труд всей моей жизни пропадет. Зачем же, спрашивается, я жил?

– Бесплодие не может служить поводом для развода, Петр Петрович. Нужна доказанная измена и свидетели адюльтера.

– Не беспокойтесь, я все предусмотрел. Вы только не осуждайте меня.

– Зачем же осуждать...

– Я должен во всем вам признаться – как на духу, ведь я верующий.

– Конечно, Петр Петрович, мне необходимо знать все, чтобы я мог защищать ваши интересы.

– Вот именно. Так вот, я инсценировал измену жены. Из меня мог выйти гениальный режиссер, хе-хе. В общем, однажды в Петербурге я остановился вместе с женой в гостинице и ушел на весь вечер, якобы по делам. Дождавшись, когда моя жена разденется и ляжет, я втолкнул в наш номер одного типа. Тот запер дверь изнутри. Тут явился грозный муж, то есть я. Ну как бы только что вернувшийся к себе. Стучу в дверь, а мне не открывают! Ору на всю гостиницу. Жильцы повыскакивали из своих номеров, сбежалась прислуга. Коридорный открыл дверь запасным ключом, и все увидели, как моя Дина, полуголая, в постели, вырывается из объятий нанятого мною актеришки. Я шумел, бесился от ревности, рвался убить соперника, как настоящий Отелло. Меня еле удержали. Жена кричала, обзывала меня сволочью и

негодяем, но ей никто не поверил. Тут же, на месте, я завербовал свидетелей. Вот их адреса. Свидетели самые подлинные, не беспокойтесь.

Буянов вынул из бумажника листок и положил его на стол.

– Я, конечно, оплачу их показания, ну просто из благодарности. Как видите, измена налицо. Комар носа не подточит.

Николай Николаевич, всегда считавший себя джентльменом, был возмущен подлостью купчишки, но смолчал.

– Кого надо в консистории подмазать – действуйте, – продолжал Буянов, – я на все согласен. Духовные тоже денег стоят, знаю... Теперь объясню, почему мне экстренно нужен развод. Я нашел новую жену. Вы ее знаете. Это королева оперетты Ванда Станиславовна Поздняковская. Сейчас она блистает в оперетте «Веселая вдова». Сам Легар подарил ей свой портрет с автографом: «Первой русской веселой вдове». В прошлом Ванда Станиславовна была певичкой в варшавском кафешантане. Я осчастливил ее, взяв к себе за хороший голос и стройные ноги. Привез в Петербург, где она училась петь и танцевать у лучших профессоров. Я вложил в нее кучу денег, сделал королевой сцены, теперь ее знают по всей России. Вы наверняка ее видели?

– Как же! Она очаровательна.

– Вот видите! Я сообщу и другой секрет – как на духу! – Ванда Станиславовна сделала несколько аборт и теперь снова беременна. Тут я решил: «Хватит аборт, давай мне детей!» Как видите, Николай Николаич, я ничего не утаил. Как на духу, ей богу! – Буянов снова перекрестился. – Возьмитесь за мое дело и сделайте все быстро, пока она не родила.

– Петр Петрович, – замялся Назаров, – не обижайтесь, но я не веду бракоразводных дел. Только гражданские, в том числе и дела вашей фирмы. Для развода вы должны поискать другого адвоката.

– Бойтесь замарать ваши чистенькие ручки! – Буянов шумно отодвинул кресло. – Так слушайте мой последний сказ: или вы поведете мое дело, или мы расстанемся навсегда. Тряпка юриконсульт мне не нужен! А я, дурак, все ему, как на духу, выложил! Сейчас пойду к вашему конкуренту Пивоварову и передам ему все свои дела. Увидим, кто выгадает.

Буянов решительно шагнул к двери. Николай Николаевич, испугавшись, что потеряет ценного клиента, поспешил его остановить:

– Хорошо, хорошо, я согласен. Право, какой вы горячий.

– Так-то лучше, батенька, – примирительно сказал Буянов, возвращаясь к столу. – Ну, какой нам резон ссориться? Принимайтесь за дело. Это вопрос счастья двух любящих сердец и светлой будущности ребенка. Святое ж дело! Я буду присылать вам много подобных клиентов, у меня легкая рука. Вы еще разбогатеете на этом. Завтра вам принесут все необходимые документы и аванс на расходы.

Вечером Назаров рассказал обо всем Ольге Александровне.

– Но это же уголовное дело! Как ты мог взяться за него! – возмутилась она.

– Ничего не поделаешь, – как всегда, ответил супруг, сконфуженно жмурясь и потирая виски, – надо жить, друг мой. Деньги не бывают чистыми, к ним липнет грязь людская. Если я не возьмусь за это, он подложит мне свинью, и я лишусь клиентов из торгово-промышленного мира.

– Вышло то, чего я всегда боялась...

Больше они не возвращались к этой теме. Буянов выиграл бракоразводный процесс. Консистория поверила свидетелям. Прелюбодеяние, невзирая на протесты несчастной женщины, было доказано. Купец оставил бывшую супругу без средств, отняв даже те драгоценности, которые когда-то сам ей дарил. После развода он венчался с Вандой Поздняковской.

После Буянова к Назарову повалила клиентура по бракоразводным процессам. Он приобрел известность среди купечества как опытный специалист в этой области. Теперь в его кан-

целярии имелся целый штат лжесвидетелей, намербованных помощником, который знал подходы к консистории.

Решив, что утерянной чистоты не вернуть, Назаров брался теперь за любое щекотливое дело, ведь чем оно было грязней, тем выгодней. «Техническую» сторону этих дел он скрывал от жены.

– Барон Вурменталь убит! – воскликнул однажды после завтрака Николай Николаевич, просматривая свежий номер «Русского слова».

– Что ты! – охнула Ольга Александровна. Рука ее дрогнула, и она пролила кофе на скатерть.

– Вот сообщение. – Николай Николаевич прочел вслух: – ... ммм... так-так-так... вот: «Около девяти часов утра при выходе из дома выстрелом из револьвера убит губернатор, камергер двора Его Величества, барон Карл Карлович фон Вурменталь. Подозреваемая в убийстве семнадцатилетняя гимназистка Нина Попова задержана на месте преступления». Вот те на! Уже второго губернатора в Нижнем кокнули. – Он прицокнул языком. – Вот что значит быть и нашим, и вашим. Опасно сидеть на двух стульях. Куда мы катимся, если даже дети начали стрелять...

– Семнадцать лет, совсем еще девочка. Неужели ее ждет виселица? – взволнованно спрашивала Ольга Александровна.

– Что ж еще! Ничего не поделаешь, Россия – страна варварская. В Персии поступают более гуманно: сажают на кол...

Ольгу Александровну передернуло от его цинизма, как и от всегдашнего «ничего не поделаешь». С каждым днем муж раздражал ее все больше, и все труднее было это скрывать. Она не пошевелилась, даже глаз не подняла, когда он поцеловал ей руку перед уходом в канцелярию.

Через несколько дней к Назаровым неожиданно появился Иван Егорович Марков. Ольга Александровна не видела его несколько лет и не сразу узнала в пришельце бывшего репетитора своего сына. Одет он был не по-господски: в черную косоворотку и брюки, заправленные в сапоги. Еще и бороду отпустил, которая его старила, как и небрежно зачесанные назад длинные волосы с преждевременной сединой. Отросшая челка постоянно спадала на лоб, он откидывал ее рукой. По тому, как он смотрел на Ольгу Александровну, как держался с нею, как волновался во время разговора, было видно, что он по-прежнему не равнодушен к ней.

– Я здесь проездом, Ольга Санна. Пришел посмотреть, как вы тут живете, – Марков легко сжал протянутую ему руку.

– Очень рада вас видеть, Иван Егорыч, и я недавно вспоминала вас.

– Если хорошо вспоминали, то приятно слышать.

– Конечно, хорошо. Я вас не сразу узнала, вы изменились, бороду отпустили. Привыкла видеть вас в студенческой тужурке.

– Да, много воды утекло. Дети, верно, стали совсем взрослыми?

– Юрий на втором курсе юридического факультета, будет адвокатом, как отец. Марика в последнем классе гимназии. Ну а мы с вами стареем, Иван Егорыч, не так ли?

– Только не вы! – сказал Марков и покраснел.

– Вы женаты, Иван Егорыч? – пришла на помощь Назарова.

– Некогда мне.

– Чем же вы так заняты?

– Работаю земским врачом в вашей бывшей губернии, то есть работал...

– Ушли с должности?

– Меня «ушли». Выслан из губернии как политически неблагонадежный – в двадцать четыре часа. Приказ подписан бароном Вурменталем.

– Ах, бедный барон, ведь он, бедняжка, погиб.

- Поделом ему!
- Как можно? О покойном!
- Виноват, Ольга Санна. Простите, не сдержался.
- Кошка скребет на свой хребет. Вот и наскребли себе ссылку своим несдержанным языком.

– Да уж, именно так, как вы сказали. Деятельность земского врача, как и сельского учителя, – святая стезя. Народ погряз в нищете, невежестве, болезнях. Кто ему поможет? Только учитель и доктор. А сколько их? Единицы! Я делал, что мог, лечил людей от всех болезней. Особенно свирепствует у нас трахома – прековарнейшая болезнь, доложу вам, и заразная. Если запустить, может привести к слепоте. Мне удалось добиться заметного успеха, но в самый разгар работы мне указали на дверь. Когда я спросил Вурменталья, за что меня высылают, он ответил: «Мы поручили вам лечить крестьян от болезней, но не поручали проповедовать. Это дело Церкви».

- И я согласна с ним. Но куда же вы теперь?
- В Вологодскую губернию под надзор полиции.
- Будете и там заниматься агитацией – сошлют в Сибирь.
- Что ж, и в Сибири надо людей лечить и просвещать.
- И так без конца?
- Конец близок.
- О чем вы? О революционном кошмаре?
- О народном гневe. Хорошо, что вы продали имение.
- Да, вы мне советовали, я помню.
- Я жалел только вас, Ольга Санна! Остальных мне не жалко.
- Почему же вы меня выделили? Я ничего хорошего для народа не сделала, жила своими

заботами и думала только о семье.

- Я угадал ваши личные качества.
- Я обыкновенная женщина.
- Из обыкновенных женщин иногда выходят героини. Вот, например, Нина Попова, казалось бы, обыкновенная девушка...
- Убийца Вурменталья?
- Да. Скромная, тихая девочка. Никто и не предполагал, что она способна на такое.

Лично я не одобряю террора, потому что на место барона придет граф – какая разница! Нужно бороться с системой, плодящей сиятельных князей, графов и баронов.

– Ах, ну что вы говорите! И бедного барона жаль, и эту замороченную кем-то девочку. Все-таки я мать. Неужели ее повесят?

- Разумеется. Во всяком случае, пожизненная каторга ей обеспечена.

Ольга Александровна, я ведь за тем и пришел. Нужен адвокат. Нижегородские юристы отказались ее защищать, боятся потерять клиентуру.

- Вы хотите, чтобы я поговорила с мужем?
- Да.
- Но как же... он не захочет...

Марков заметил колебание на ее лице и стал аккуратно наставлять:

– В общем-то, выиграть этот процесс невозможно. Но можно ходатайствовать перед военным судом, чтобы Нину приговорили к каторжным работам. Смягчающим обстоятельством является ее несовершеннолетие. Надо указать, что она действовала под влиянием тайных революционеров, втянувших ее в это дело. Что ее воля не была свободной. Нужно попытаться спасти девушку. Ее бедная мать в отчаянии, а отец умер. Нина – единственная дочь.

– Несчастливая мать, понимаю, как ей тяжело. Хорошо, я спрошу мужа. Он – кадет, а кадеты отрицают террор.

– Скажите ему, что революция не за горами и ему когда-нибудь может пригодиться эта услуга.

– Как долго вы пробудете в Москве, Иван Егорыч?

– Завтра должен уехать, ведь я под надзором.

– Приходите к нам обедать, вся семья будет в сборе. Теперь еще... Иван Егорыч, вам, конечно, нужны деньги, особенно теперь, когда вы едете в ссылку. Разрешите вам помочь по старой дружбе.

– Ни в коем случае! Как вы могли подумать! Я как-никак мужчина и вполне могу сам решать свои проблемы.

Проводив Маркова, Ольга Александровна пошла в канцелярию.

– Прости, что беспокою тебя, Николай, – сказала она, садясь напротив мужа. – У меня важное дело, только на нем ничего нельзя заработать, кроме благодарности многих людей.

Она изложила Назарову свой разговор с Марковым.

Николай Николаевич возмутился:

– Опять этот Марков, да еще с такой дикой просьбой. Ни за что! Сама подумай, во что ты меня втягиваешь, это же политическое убийство.

– Однако тебе не претят грязные делишки толстосумов, на которых ты зарабатываешь хорошие деньги, – упрекнула Ольга Александровна.

Николай Николаевич пропустил ее реплику мимо ушей.

– Оля, я не могу выступать на политическом процессе, тем более в военном суде. Общество меня осудит. Лишусь самой выгодной клиентуры. Мое реноме адвоката, которое я заслужил с таким трудом, лопнет как мыльный пузырь, из-за какой-то полоумной фанатички.

– Ведь суд будет не в Москве, а в провинции, – не уступала она. – Дело будет разбираться при закрытых дверях, отчетов в газетах не будет. Завоюешь симпатии либералов, это тебе принесет дивиденды в будущем. Ты сам говорил, что революция неизбежна.

Назаров задумался. Он всегда считался с мнением жены.

Последняя мотивация показалась ему убедительной, и он согласился.

В большом зале нижегородского окружного суда слушалось громкое политическое дело, вынесенное, вследствие его важности, на сессию военного суда. На возвышении, за длинным, покрытым зеленым сукном столом, сидели судьи в форменных сюртуках с серебряными погонами. Председателем был назначен генерал-майор фон Фукс – еще бодрый старик с аккуратной седой бородкой. Кроме него, дело разбирали два полковника неопределенного возраста. На правой стороне, с краю, сидел сухопарый штабс-капитан, исполнявший роль судейского секретаря. Его движения и мимика, как у офицера более низкого чина, были лаконичны и почтительны. Позади стола висел большой портрет императора Николая II в золоченой раме. Государь был изображен в алом мундире с ментиком лейб-гусарского полка. В красном углу установлена большая икона Христа Спасителя в богатом окладе, а под ней – аналой с крестом и Евангелием.

Прокурором был назначен высокий представительный полковник с надменным белым лицом. Назаров представлял защиту. Среди мундиров он один был во фраке.

Скамья для подсудимых была огорожена невысокой деревянной решеткой. На лавке сидела шуплая девица в сером арестантском платье и затоптанных башмаках. Внешне она казалась спокойной. Только бледность лица и тени под глазами выдавали ее душевное состояние. Странно было видеть за узкой девичьей спиной двух вытянувшихся в струнку конвойных с пашками наголо.

Все места для публики были заняты. Избранное общество Новгорода явилось в полном составе. В зал суда входили по особым пропускам. Дамы нарядились, как для театра, и бес-

церемонно разглядывали в лорнеты подсудимую, не упуская из виду ни одного ее движения. Здесь же, в зале, сидела мать преступницы – заплаканная женщина в коричневом платке.

Объявили начало судебного заседания. Секретарь будничным голосом прочел обвинительный акт.

После ряда обычных формальных вопросов, касавшихся личности подсудимой, председатель обратился непосредственно к ней:

– Подсудимая Попова Нина Александровна, признаете себя виновной в том, что 20 января 1914 года, около десяти часов утра, будучи возле губернаторского дома, вы убили из револьвера губернатора Нижнего Новгорода, камергера двора Его Величества барона фон Вурменталя, исполнив заранее задуманное намерение?

– Признаю, – ответила террористка.

– Может быть, вы действовали под чьим-либо влиянием, по принуждению каких-то лиц, оставшихся в тени, и ваша воля не была свободной?

– Я действовала самостоятельно.

В зал ввели свидетелей. Пожилой священник привел их к присяге, и суд приступил к опросу каждого в отдельности.

После опроса свидетелей председатель, члены суда, прокурор и защитник задали ряд вопросов подсудимой. Затем встал секретарь суда и тем же бесстрастным голосом прочел несколько протоколов предварительного следствия и судебной экспертизы.

Председатель предложил суду осмотреть вещественные доказательства, лежавшие на маленьком столике перед судебным столом: револьвер и несколько патронов. После того как они были осмотрены, председатель объявил судебное следствие законченным и предоставил слово прокурору.

Он быстро встал и с явным удовольствием начал обвинительную речь, которая была тщательно продумана и подготовлена. В своей речи он призывал судей серьезно осознать политическое положение в стране, ибо оно требует возмездия и репрессий по отношению к бунтовщикам, называющим себя «революционерами». Эти революционеры систематически подтачивают фундамент нашей государственности, оскорбляют богопротивным атеизмом религиозные чувства русских граждан, попирают законы морали, растлевают молодежь, порождая в ней сомнения в истине, ненависть и жестокость.

– Вот вам наглядный пример – семнадцатилетняя девушка! – прокурор указал рукой на подсудимую, которая сидела совершенно неподвижно, устремив взгляд в одну точку, словно не замечая происходящего. – Разве не является она жертвой, слепым орудием этих тайных заговорщиков? Ей внушили, что она должна совершить героический поступок, и она уверовала в то, что преступление – это героизм. Методом борьбы с государственным строем подсудимая избрала индивидуальный террор. В чем же ее геройство? В убийстве из-за угла беззащитного человека? Чего она этим достигла? Ничего! Она убила барона Вурменталя – благородного и всеми уважаемого человека. Каждому известно, как заботился покойный о воспитании учащейся молодежи, к которой принадлежала подсудимая, как он скорбел, когда молодежь уклонялась от праведного пути, и как по-отечески мягко стремился направить оступившихся на путь добра. Он был подлинно гуманным человеком, либералом, в лучшем смысле этого слова. Я подчеркиваю, в лучшем смысле, так как сейчас этим словом часто злоупотребляет так называемая «передовая интеллигенция». Уничтожив физически барона фон Вурменталя, подсудимая не уничтожила губернскую власть. Губернаторы были и будут в Нижегородской губернии, как и в других губерниях России. Они будут проводить ту же линию, что и убитый барон Вурменталь, как и подобает настоящим сынам Отечества, охраняющим наш исторически сложившийся самодержавный строй и интересы народа. Напоминаю господам судьям: в Нижнем Новгороде уже второй губернатор погиб от рук террористов. Надо положить этому конец! Я призываю ваше превосходительство и вас, господа судьи, отбросив ложную сентиментальность

в виде снисхождения к молодости подсудимой, ее неопытности и воздействию на ее волю преступных подпольных сил, а также в назидание молодежи, еще морально не разложившейся, вынести подсудимой Поповой самый суровый приговор, безо всякого снисхождения, на основании существующего закона. Этого требуют наша Родина и народ!

Закончив свою речь, прокурор внушительно и строго посмотрел на судей.

– Господин защитник, ваше слово, – монотонно произнес председатель.

Назаров встал и с не меньшим, чем прокурор, подъемом начал:

– Ваше превосходительство! Господа судьи! Я не буду утруждать вас длинной речью. Что я могу сказать в защиту подсудимой? Она совершила тяжкое преступление и созналась в этом. Я не буду вдаваться ни в мотивы преступления, ни в подробности его подготовки и совершения – обо всем этом вы знаете. Я не собираюсь оправдывать мою подзащитную. Для меня лично не приемлемо никакое насилие, откуда бы оно ни исходило. Подсудимая Нина Попова совершила преступление и должна быть наказана, но это формальная сторона дела, господа судьи. Теперь коснемся психологической – это уже область чувств, и я зову к ним, господа судьи! Вы тоже отцы и любите своих детей. Если ваши дети совершают что-то нехорошее, вы их наказываете с воспитательной целью, чтобы помочь им исправиться. Взгляните на скамью подсудимых! Кто сидит перед вами? Девочка! Ей едва исполнилось семнадцать. Что она видела в своей жизни? Детство, полное нужды и лишений, да полуголодную юность. Можем ли мы при такой жизни требовать от нее какого-либо проявления сознательной воли? И была ли ее воля действительно свободной? Господин прокурор говорил, что она действовала под влиянием подпольных, революционных сил и была их слепым орудием. Господин прокурор был совершенно прав, констатируя это, но в дальнейшем построении своей обвинительной речи он, может быть, сам того не сознавая, погрешил против логики. Одного этого признания было достаточно, чтобы требовать снисхождения к подсудимой, которая не заслуживает лишения ее жизни. И я, как защитник подсудимой, взываю к вашей совести, господа судьи! Покажите великодушие нашего суда, ибо только великодушие в состоянии оказать воспитательное воздействие на молодежь, которая, как верно сказал господин прокурор, находится на распутье. Молодежь – это наша будущность, наша надежда. И пусть ваш приговор будет для нее не только устрашением, но и назиданием!

От последнего слова подсудимая отказалась.

Объявили перерыв. Суд ушел совещаться. Назаров через перила наклонился к своей подзащитной.

– Что бы вы сейчас хотели? – спросил он.

– Я есть хочу, – ответила девушка.

Назаров принес из буфета несколько бутербродов, которые она с аппетитом съела. Невозмутимость подзащитной казалась Назарову странной.

Угадав его мысли, она сказала:

– Мой аппетит – это только физиология. Я уже свылась, что меня как бы и нет на этом свете.

Вернулся суд. Все встали.

Председатель огласил приговор военного суда. Мещанку Нину Александровну Попову приговорили к пожизненным каторжным работам. Назаров крепко пожал руку своей подзащитной.

– Благодарю вас, – сказала она и впервые улыбнулась.

Подошла мать осужденной – вся в слезах от радости и горя.

Все были удивлены мягкостью приговора, многие искренне разочарованы. Неужели защитник так повлиял на судей и даже на непримиримого к революционерам генерал-майора фон Фукса? И кто мог ожидать от бывшего помещика Назарова, что он сделает в Москве карьеру и станет хорошим адвокатом?

Прежние знакомые Николая Николаевича были возмущены его выступлением в суде и еле кланялись ему при встрече. Они помнили, что покойный губернатор был в добрых отношениях с Назаровым.

Но самого Николая Николаевича их мнение не интересовало. На следующее после суда утро он в последний раз навестил в тюрьме осужденную Попову и передал ей букет роз. Она благодарно улыбнулась и поднесла цветы к лицу. Назарова поразило, как она сильно изменилась: глаза блестели, на щеках появился румянец и взгляд был уже не уныло-отсутствующий, обреченный, а веселый, даже дерзкий.

Старший надзиратель возмутился подношением цветов и хотел отобрать букет, дескать, цветы арестантам не положены.

– Это последние цветы в ее жизни, оставьте их ей, – попросил адвокат.

– Ну коли так... – неохотно уступил надзиратель.

Нина Попова, услышав его слова, вскинула голову:

– У меня будут цветы, и очень скоро.

Он понял, что она имеет в виду революцию, которая принесет ей свободу, но ничего не ответил, считая место и время неподходящими для подобной дискуссии.

Назаров не знал, что его речь не оказала никакого влияния на судей, они охотней приговорили бы Попову к смертной казни, но не желали раздражать общественное мнение. И без того с каждым днем все явственней проступала враждебность по отношению к правительству.

Как бы там ни было, Назаров вернулся в Москву героем: он выиграл дело и спас человека. Это было приятно и возвышало его в собственных глазах.

Ольга Александровна разделяла радость мужа и возбужденно повторяла, что не сомневается: со временем девочку помилуют, а если произойдет революция, то вообще освободят. В тот же день она написала письмо Маркову в Вологодскую губернию и сообщила о результате дела.

Младший Назаров тоже гордился поступком отца. Он рассказал о новгородском процессе товарищам по университету, и они стали относиться к Юрию с таким пиететом, словно это он, а не его отец защищал в суде террористку Попову.

Ольга Александровна продолжала мучиться и страдать. Шумский настойчиво требовал разрыва с мужем, а она никак не могла решиться. Ах, если бы Николай хоть раз нарушил супружескую верность, ей было бы легче разорвать отношения, но ничего такого у него и в мыслях не было. Она знала, что потерять семью для него равносильно гибели. Но и Шумского можно понять: он тоже посвятил ей свою жизнь, помог переехать в Москву, встать на ноги, устроить детей. Более всего ее терзала ложь, разъедавшая сердце, иногда хотелось даже умереть.

Она пыталась найти утешение в религии, но посещение церковных служб не приносило успокоения, поскольку требовалась глубокая, честная исповедь, к которой в ее кругах было весьма скептическое отношение. Ей казалось, что архаические обряды – это пустые церемонии, которые уже не имеют мистического значения и не влияют на жизнь человека, что пышность священнических облачений слишком театральна, а бесконечные ектеньи, многословные молитвы и частые каждения сильно утомляют.

«К чему все это? Неужели это нужно Богу?» – думала она, не сознавая, что от ее прежней детской веры не осталось и следа.

Однажды в будничное утро, проходя мимо костела, Ольга Александровна зашла туда из любопытства. Молодой ксендз в черной сутане и белоснежном кружевном стихаре служил мессу. Ксендзу помогал мальчик, тоже в белом стихаре. Он держал кадило и колокольчик. Под звон колокольчика оба делали быстрые поклоны перед алтарем, напоминавшие реверансы. На скамьях молились старушки.

По окончании мессы Ольга Александровна подошла к алтарю.

– Я хотела бы поговорить с вами, уважаемый отец, – сказала она.

– К вашим услугам, сударыня, – приветливо ответил ксендз.

– Я много слышала о вас, – соврала зачем-то Ольга Александровна, присев на стул. – Я окончательно разочаровалась в православии...

– Как я понимаю вас! – с готовностью подхватил ксендз. – Вы боитесь духовной пустоты. В вашей душе образовался вакуум, его необходимо заполнить. Католическая церковь – единая и истинная, вне которой нет спасения, – заполнит его, и в лоне нашей церкви вы обретете то, чего ищете. Вы лишь должны признать, что некоторые истины познаются разумом, но есть другие истины, которые познаются только сердцем, просветленным Божественным откровением, как учит наш великий философ-мистик Фома Аквинат. Для последних прежде всего нужна вера, не охваченная разумом. «Слава тебе, Отец наш небесный, что Ты открыл это детям и скрыл от мудрых», – сказано в Евангелии от Матфея. Во внешних и внутренних противоречиях мира сего и в нас самих осуществляется единый смысл бытия, в котором проявляется извечная и неизменная воля Творца, лишённая противоречий. Если вы ее признаете, вы найдете успокоение. Никто не сможет вас успокоить, если вы сами не найдете этот покой в себе. Только католическая церковь, основанная на «камне», – так назвал Господь апостола Петра, – воплощает идею мирового христианства. Только в ней заключена истинная благодать. Вне ее нет спасения. «Петр, ты – камень, – сказал Христос Своему ученику, – на этом камне Я воздвигну церковь Мою. Паси овец Моих!» Я цитировал, сударыня, слова Евангелия – в них все сказано. Право нашего папы, прямого наследника первого папы Римского апостола Петра, – быть наместником Христа на земле. Это установлено Самим Богом. Устами папы в вопросах толкования веры говорит Сам Христос. Придет время, когда все христианские религии вернутся под сень Рима и будет единый пастырь и единое стадо.

Последние слова не понравились Ольге Александровне, но она не подала виду. О властолюбии римских пап, всегда радевших о распространении своей духовной власти на весь мир, она давно знала, как и о прозелитизме латинян. Ей стало скучно. «Что мог дать России католицизм? Ничего, кроме засилья чуждых народу иностранных ксендзов, иезуитов – тайных эмиссаров Ватикана», – с неприязнью думала она.

Ксендз пригласил Ольгу Александровну посетить богослужение в Великую пятницу – у католиков началась Страстная неделя. Но она уже знала, что больше не придет сюда. Поблагодарив священника за беседу, она вышла на улицу. Когда-то, во время путешествия по Европе, она любовалась пышными католическими мессами, совершаемыми под музыку органа в готических храмах. «Те же оперные спектакли для масс, что и у нас, разве что с добавлением далеко идущих политических амбиций», – заключила она уже тогда. Все это не то. Для того чтобы жить в гармонии с собой, не нужны религии, не нужны и жрецы, чья цель – отвлекать людей от главного. Главное – это любовь, человечность и стремление к справедливому устройству земной жизни.

С такой нехитрой «правдой» на сердце она вернулась домой, не подозревая, что все богототупники уповают на веру в человека как апофеоз высшей добродетели, а сатана в их лице обретает союзников.

В конце июля страну всколыхнуло известие о войне. На улицах обеих столиц начались патриотические манифестации, люди несли портреты государя, пели «Боже, Царя храни» и «Спаси, Господи, люди Твоя». В центре Москвы подвыпившие молодчики пытались учинить погромы немецких магазинов, но их разогнала полиция. И правая, и левая пресса, захлебываясь от восторга, писала о небывалом воодушевлении, охватившем народ.

Все политические партии поддерживали правительство, считая, что на время войны следует отложить распри. В Государственной Думе только малочисленная фракция большеви-

ков выступила против войны, объявив ее антинародной и империалистической. На фракцию подали в суд, обвинив большевиков в государственной измене.

Общепатриотический импульс не обошел и семью Назаровых. Ольга Александровна и Марика, окончив ускоренные курсы сестер милосердия, работали в одном из московских лазаретов. Здесь они вновь встретили забытых было мужичков, но уже не в лаптях и зипунах, а в солдатских шинелях. У многих из них имелись наградные кресты и медали на георгиевских ленточках. Но гораздо красноречивей о подвигах и мужестве воинов свидетельствовали раны, полученные на полях сражений. Измученные тяжелым окопным бытом, усталые, израненные, – многие были покалечены на всю жизнь, – они не роптали на свою судьбу, принимая с благодарностью и смущением заботу и любовный уход врачей и сестер. Не избалованные вниманием воины по-детски радовались малейшему проявлению доброты к ним.

Душевные муки Ольги Александровны улетучились сами собой. Мысли о разводе, долге перед мужем, страстной любви к Шумскому перестали ее преследовать. Она с головой ушла в новое дело, требующее терпения, любви и самоотвержения. Оказалось, что она совершенно не знает свой народ. Скромная деликатность солдат, их стыдливость и благородное стремление как можно меньше «утруждать барышень» вызывали у нее доселе неизвестное чувство единения. Выздоровев, солдатики снова уезжали на фронт и присылали оттуда короткие ласковые письма, в которых продолжали благодарить «за добрую милость» к ним. Эти неумелые каракули переворачивали ей душу.

Николай Николаевич тоже помогал чем мог, работая в основном на общественных началах в разных комиссиях по снабжению фронта.

Шумский постоянно был в разъездах, выполняя поручения Государственной Думы. Ольга Александровна с ним почти не виделась.

На фронте дела обстояли хорошо. Русские войска сразу же потеснили противника и буквально через неделю после начала войны вступили в Восточную Пруссию. 20 августа 1914 года была выиграна битва при Гумбиннене, после которой противника охватила паника. Вражеские генералы были подавлены военной мощью России. В этом бою немецкая армия опозорила себя тем, что во время атаки погнала впереди себя безоружных русских пленных, прикрываясь ими как щитом. Конечно, все они погибли.

Объятая патриотическим воодушевлением Россия была уверена в скорой и легкой победе. Лишь немногие пессимисты высказывали сомнения, к сожалению, небезосновательные. Вскоре начался период неудач. Под Танненбергом из-за стратегической оплошности барона фон Ренненкампа потерпела поражение армия генерала Самсонова. Пошли слухи, будто Ренненкампа навредил умышленно, что послужило причиной недоверия и к другим военачальникам с немецкими фамилиями.

Из-за плохого снабжения армии военный министр Сухомлинов был предан суду. Его обвиняли в «бездействии, превышении власти, подлогах по службе, лихоимстве и государственной измене». Плохо вооруженные русские войска все чаще были вынуждены отступать под ураганным огнем противника. Зачастую солдаты могли отбиваться только штыками.

Враг вторгся в пределы России. Северную столицу срочно переименовали в Петроград, отбросив немецкое название. Но в самом городе жизнь текла по-прежнему. Противники самодержавия накручивали общество, распуская сплетни: «царь бездействует», «немка-царица командует страной», «влияние Распутина беспредельно», «двор Его Величества опутан тайными агентами европейских держав, жаждущих заключения сепаратного мира».

Во всех церквях России совершались моления о даровании скорой победы богохранимой Российской державе. Представители земств и городов везли главнокомандующему иконы, что дало повод вспомнить остроту периода Русско-японской войны, когда какой-то зубоскал съезжал: «Интересно, каким образом победит японцев генерал Куропаткин?»

В Государственной Думе от кадетов выступал Милюков, разоблачая преступное влияние на правительство «темных сил» – намек на якобы закулисные интриги императрицы и Распутина.

Великий князь Николай Николаевич был смещен с поста главнокомандующего и назначен на Кавказский фронт, что дало положительный результат: с этого времени не было проиграно ни одного сражения. Тем не менее злопыхатели продолжали трубить о «некомпетентности» государя.

Последние события повлияли и на Юрия, который вместе со всеми переживал из-за неудач на фронте и ненавидел врагов отечества. Он оплакивал товарищей-студентов, погибших на войне, и наконец ему стало нестерпимо стыдно, что в столь ответственное для родины время он находится в безопасности и наслаждается благами жизни.

В один из вечеров он объявил дома:

– Я решил проситься на фронт вольноопределяющимся.

– Что ты, Юра! А как же университет? – испугалась Ольга Александровна.

– Совесть не велит учиться, когда умирают мои товарищи. Что я, трус?

Обдумав слова сына, Николай Николаевич, сказал:

– Поступай в военное училище, лучше в артиллерийское. Авось, пока учишься, закончится война, и никто не обвинит тебя в трусости.

– Вот уж не ожидал от тебя, папа! А может, я мечтаю о подвиге.

– Я считал тебя умнее, – рассердился Николай Николаевич. – И оставь громкие слова для студенческих митингов, мы как-никак тревожимся о тебе.

– Папа, родители есть у всех, но сейчас никто не думает о личном благополучии. Все-таки я мужчина.

– Юрка, если тебя убьют, я умру, – с неожиданной серьезностью пролепетала Марика.

Ольга Александровна смирилась с решением сына. «В нем говорит кровь моих предков», – не без гордости думала она, так как в ее роду почти все мужчины были военными.

Попасть на фронт вольноопределяющимся оказалось не так-то просто. Армия не нуждалась в солдатах, но требовались образованные офицеры. Ольга Александровна использовала родственные связи, чтобы Юрия взяли в артиллерию. Он был принят в N-скую артиллерийскую бригаду, которой командовал знакомый Назаровых барон фон Бэрн.

Прослужив в запасном учебном батальоне два месяца, Юрий научился правильно отдавать честь господам офицерам и красиво вытягиваться во фрунт. Вскоре он был отправлен в действующую армию.

Родители и сестра пришли на вокзал проводить добровольца. Марика держала его за руку, как в детстве, когда ее отпускали гулять со старшим братом. Мать изо всех сил сдерживала слезы, но в последнюю минуту все-таки разрыдалась у него на груди. Юрия охватила такая глубокая, покровительственная, мужская нежность, какой он в себе еще не знал. Склонив голову, он целовал руки матери, обещая вернуться живым и невредимым.

– Не лезь на рожон, не геройствуй, помни о родителях, которые могут умереть от горя, – напутствовал сына Николай Николаевич, сдерживая эмоции.

Буквально перед третьим звонком на перрон вбежали какие-то женщины в одинаковых пелеринах и кинулись раздавать всем военным папиросы и букетики цветов.

Вагон третьего класса, в котором ехал Юрий Назаров, был переполнен такими же, как он, новобранцами. От махорочного дыма слезились глаза. Пол был заплесан и усеян окурками, скорлупой от семечек, обрывками газет. Из клозета ужасно несло.

В вагон вошел пожилой кондуктор в длинной черной шинели. «Крути, Гаврило» шутливо называли солдаты железнодорожников.

– Хоть бы окна открыли, землячки! – крикнул он. – Задохнуться можно.

Юрий, сидевший у окна, с готовностью опустил раму. В вагон ворвалась спасительная струя свежего воздуха.

– Закрывай, не то простынем! – гаркнуло сразу несколько голосов.

Он неохотно подчинился.

За окном мелькали заснеженные поля, подернутые инеем рощи и казавшиеся игрушечными белые мазанки – проезжали Украину.

– Впервые едете на фронт? – спросил Юрия сосед.

– Впервые.

– Сами или мобилизованы?

– Сам.

– Вот дурень! – вмешался солдат, услышавший их беседу. – Ничего, повоюешь – поймешь. Нешто можно победить немца голыми руками? А начальство, знай, кричит: «Умри, но победи!»

– Лучше бы землю народу отдали. Война нам ни к чему, а земля позарез нужна, – раздался голос с верхней полки.

– Вот мы галичанскую земельку и вспашем.

– Не, мужики, она для пахоты не годится.

– Говорят, царь хочет дать народу землю, – вступил в разговор старый солдат, набивавший махоркой «козью ножку», – только сперва надо побить немца. Землю, конечно, следует оформлять по документу, чтобы ее, матушку, потом никто не отобрал.

– Нешто помещик отдаст? – усомнился кто-то.

– Отберем силой. Помещик один, а нас – вона! Войну тока кончим.

– Как же кончить ее?

– Бают, Гришка Распутин хочет заключить мир и дать мужикам землю, – заговорил рябой солдат, – только разные там графья да князья ему мешают. Говорят, у них с царицей амуры...

– Ну и пушай! Ежели генералам можно, то почему мужику нельзя. Эх, сказал бы он царице, дескать, отдавай, матушка, землю народу и заключай мир. Царь, говорят, добрый человек, но с нами слишком мягко тоже нельзя. Он, сердешный, все молится.

– Дураки вы стоеросовые! Истинно темный народ! Противно слушать! – вмешался высокий плечистый солдат. По всему было видно, что он не из крестьян. Все повернули головы в его сторону.

– Кто это даст вам землю? Держи карман шире! Ее надо зубами вырвать у помещика, как и у фабриканта фабрику. Прежде всего надо убрать с трона Николашку, за ним повалится вся остальная сволочь. Тогда будет вам и мир, и земля. Революцию надо делать, как о пятом годе. Мы, рабочие, тогда восстали, а вы, мужики, плохо нас поддерживали. Мало вас казаки пороли.

Все были смущены резкостью тона верзилы, но никто не хотел с ним связываться.

Поезд подошел к какой-то станции. Паровоз отцепили, и он, пуская клубы пара, со свистом отманеврировал к водонапорной башне – заправиться водой.

Солдаты, звеня пустыми котелками, кинулись за кипятком на станцию.

Неожиданно в вагон вошел жандармский унтер-офицер в новеньком мундире с аксельбантами.

– Кто тут сейчас ругал царя? – сурово спросил он.

Все молчали.

– Не скажете, – продолжал унтер, – отцепим вагон и всех задержим до выяснения личности диффаматора.

– Ну я высказывался, – сказал рабочий, вставая.

– Иди за мной! – скомандовал жандарм и пошел к выходу.

Солдаты молча смотрели вслед долговязому. Каждый думал одно: кто настучал?

Вскоре поехали дальше.

Вечером кондуктор зажег в фонарях стеариновые свечи, которые ужасно коптили. Затеяли общий чай. С удовольствием ели сало и вареные яйца с белым хлебом. Инцидент с рабочим постепенно стерся, но языки прикусили. Говорили в основном о скудных урожаях в последние годы, яловости коров и о бабах, переставших рожать, так как солдатам почти не давали отпусков, да о ветшающих без хозяина избах. Во всех несчастьях винили немцев.

Как-то во время перекура Назаров разговорился с бывалыми солдатами. Они вмиг разгадали в нем барины, а узнав, что он студент университета, закидали вопросами. Спрашивали о причинах войны, дескать, чего это немцу неймется, а также крещеный ли это народ и не по-латински ли они веруют во Христа? Видно было, что воевать мужичкам неохота, но за Рассею постоять никто не отказывался. Крестьянский патриотизм отличался практичностью: «На кой нам сдалась эта пеханая Галиция, когда своя земля без хозяина сохнет. Ежели немецкий кайзер накудесил, то его одного и выпороть, а людишек разогнать, пущай бегут с миром, и мы потекем до дому».

Штаб пехотной дивизии размещался в центре полуразрушенного последними боями села и занимал несколько домов. Юрия направили в одну из соседних хат – к командиру артиллерийской бригады. Отрапортовав, как положено, старшему адъютанту, он передал ему свои документы. Адъютант сделал на них пометку: «Шестая батарея».

Вечером Назарова вместе с почтой отправили на санях в шестую батарею, стоявшую в лесу за рекой Стоход. Прибыв на место, он коротко огляделся. Позади орудий виднелись землянки для офицеров и солдат. Юрию указали на самую большую: «Тут, ваше благородие, офицерские палаты».

Спустившись вниз, он с удивлением обнаружил довольно просторную комнату с длинными и узкими, как кошачий прищур, окнами под потолком. Вдоль стен располагались походные койки, под ними чемоданы, а в центре – большой стол с огромным самоваром. Судя по всему, офицеры ужинали.

Новоприбывший смущенно представился. Тут же встал командир батареи подполковник Елизаров и сказал, что рад боевому пополнению. Назаров молодецкато отрапортовал командиру, а Елизаров представил ему присутствующих: старшего офицера, штабс-капитана и трех молодых прапорщиков.

– Вам повезло, что попали в нашу батарею, – говорил подполковник, – она у нас юридическая. Все мои офицеры, кроме штабс-капитана, адвокаты. Так что скидывайте шинель, будем ужинать.

Назаров разделся и присел к столу. После дорожного сухоядения горячие щи и гречневая каша показались райской пищей. К тому же он продрог, и его угостили водкой.

Офицеры расспрашивали о Москве. Потом начались разговоры о политике. Почти все были недовольны существующими порядками, ругали царя и министров. Получив урок в вагоне поезда, Юрий помалкивал. К тому же он устал и сразу после ужина лег спать.

Рано утром подполковник Елизаров повел его через лабиринт окопов на передовые позиции. Они пришли на наблюдательный пункт, помещавшийся в замаскированном блиндаже. Командир подвел Юрия к подозрительной трубе и показал уже пристрелянные цели. На участке фронта, занесенном сугробами, выделялись четкие линии неприятельских окопов. Дальше виднелись разбитая колокольня, церковь и сожженная деревенька.

– Это и есть фронт, – сказал подполковник. – Вы его представляли иначе?

– По правде сказать, да.

– Ранней весной здесь все придет в движение. Вопрос в том, в какую сторону двинемся.

– Вы верите в победу, господин подполковник?

– Да, шансы большие, если у нас кое-что переменится.

– К весне у нас должно быть изобилие снарядов и многомиллионная армия, – солидно поддакнул Юрий.

– Не только материальный перевес решает дело, – не поддержал его оптимизма командир. – Рыба гниет с головы, слышали? Значительная часть высшего командования состоит из немецко-балтийского дворянства. В душе они, конечно же, сочувствуют Германии. Так сказать, зов крови.

– Но ведь летом мы имели успех! Хотя бы знаменитый прорыв Брусилова...

– Ну и каков результат? Уложили десятки тысяч солдат, а продвинулись всего на тридцать километров. От нашей двадцатитысячной дивизии осталась горстка людей. Мы потеряли две батареи. Союзничков-то выручили, а вот нас выручать некому.

– Что же делать, господин полковник?

– Думать! Надеюсь, наш разговор останется между нами. Я говорил с вами как фронтовой офицер, а не как штабной карьерист-очковтиратель. Я доверяю вам, потому что вы студент, а молодежь – будущее страны.

Юрий был озадачен. Откровения подполковника плохо сочетались с его намерением отличиться и стать героем на этой войне.

Шумский был избран в военно-промышленный комитет, созданный Думой в помощь военному ведомству для снабжения армии всем необходимым. По его инициативе был сформирован специальный поезд, доставлявший фронту подарки от жителей Москвы.

Морозным январским утром Анатолий Александрович отбывал в действующую армию вместе с градоначальником. На вокзале было много провожающих, в том числе Ольга Александровна Назарова. Шумский обещал ей писать до востребования.

Через неделю она получила письмо:

«Здравствуй, моя любовь! Пишу наскоро из-за нехватки времени. Ты не можешь себе представить, дорогая, как обрадовались солдатики нашему приезду. Сколько же им пришлось пережить! Как дети, со слезами на глазах, они принимали наши подарки. На вопрос, будут ли они воевать до победного конца, наши молодцы ответили, что будут, если и мы в свою очередь обеспечим их всем необходимым для победы. Слава богу, наш комитет начал устранять прежние недостатки. Будем надеяться, что все изменится к лучшему и мы сможем одолеть германца и без союзников. Они никогда не оценят, что мы дважды спасали Париж. Европа в отношении России всегда была неблагодарной. Прости, моя милая, что утомляю тебя рассуждениями. Пишу тебе ночью после устроенного нам банкета в штабе армии. Было много тостов и пожеланий. Все мои мысли с тобой. Нежно целую. Твой А.»

Ольга Александровна прямо с почты ответила ему и вскоре снова получила коротенькое письмецо:

«Дорогая Ольга! Не волнуйся из-за того, что я сообщу. Раздавая в окопах подарки, я простудился. По-видимому, легкий грипп. Температура небольшая. Несмотря на это, врач уговорил меня лечь в лазарет, откуда и пишу тебе. Дня на три задержусь. Ну что ж, хотя бы выплусь. Жди меня, скоро встретимся у нашего любимого камина. Целую. Твой А.»

Больше писем от Шумского не было. Ольга Александровна не на шутку встревожилась и каждый день ходила на почту.

Ни для кого не секрет, что на фронте началась эпидемия сыпного тифа.

Тревожное предчувствие не обмануло. Через неделю, просматривая газеты в поисках какой-то рекламы, она случайно зацепилась глазом за знакомую фамилию и прочитала: «Мария Александровна Долгова с глубоким прискорбием извещает родных и близких о безвременной кончине на фронте ее брата, члена Государственной Думы Анатолия Александровича Шумского. О дне похорон будет сообщено дополнительно».

Она побледнела и молча протянула газету Николаю Николаевичу.

Прочитав извещение, он растерянно пробормотал:

– Анатолий! Друг мой единственный... как же так, Оля?..

Она плакала у него на груди, как маленькая. Назаров беспомощно молчал. Даже Анатолий, штатский человек, стал жертвой войны, что же будет с их сыном...

Шумского отпевали дома, в большой зале его особняка на Пречистенке. Народу пришло много. Гроб утопал в венках из живых цветов. Заплаканная сестра Шумского принимала соболезнования. От запаха цветов, ладана и громкого пения церковного хора, а также из-за бессонных ночей у Ольги Александровны болела и кружилась голова. Она незаметно вышла из залы и прошла в кабинет Шумского. В нем все как раньше: возле камина два кресла, сидя в которых они любили смотреть на огонь. Казалось, это было вечно назад. Она присела в «свое» кресло и, глядя на догорающие поленья, вспомнила строки его последнего письма: «Скоро встретимся у нашего камина...»

Николай Николаевич и Марика вошли в кабинет.

– Ты очень бледна, Оленька, – сказал муж. – На кладбище я поеду один, а Марика проводит тебя домой.

– Да, я неважно себя чувствую, но вы поезжайте вместе, а я пойду домой. На воздухе мне станет легче.

Начался вынос гроба. Ольга Александровна вместе со всеми вышла на улицу. Похоронная процессия двинулась в сторону кладбища, а она – в сторону Арбата. Пройдя несколько шагов, оглянулась на дом, в котором могла стать хозяйкой. Не судьба. Больше она не придет сюда. На душе пусто и тоскливо. Но вместе с тем, как это ни обидно для памяти Анатолия, появилось чувство свободы. «Это и есть свобода от греха?» – подумала она и заплакала.

Юрий не потерял веру в победу. Свое плохое настроение он объяснял усталостью и зимним бездействием. Он старательно штудировал учебники, проходя краткий курс артиллерийского училища, и, подкрепляя теорию практикой, дежурил у орудий. Вместе с ним на наблюдательном пункте обычно находился командир батареи, который обучал его стрельбе и знакомил с азами телефонной связи, необходимой на фронте. С солдатами, большинство которых были среднего возраста, Юрий быстро сошелся. В свободное время он посещал их землянки, иногда играл с ними в карты.

Офицеры и командир батареи относились к нему хорошо. Только одному из старших офицеров, кадровику, не нравился демократизм Назарова в обращении с солдатами. Сам кадровик обращался с личным составом требовательно и строго, считая, что этого требует воинская дисциплина. Солдаты его боялись, уважали, но не любили. Подполковник Елизаров поддерживал тактику старшего офицера как оправдавшую себя.

На фронте было тихо. Лишь изредка противники вяло перестреливались. По вечерам офицеры, собравшись у горячей печки, играли в преферанс, курили, обсуждали газетные новости, ругали высшее начальство, травили анекдоты. Все с нетерпением ждали, когда закончится зима и с нею скучная позиционная война. И офицеры, и солдаты верили, что должно произойти нечто такое, что в корне изменит положение на фронтах.

И вот к концу года всех потрясло известие: высокопоставленными особами убит Григорий Распутин. Это был открытый вызов Государю. Многие почему-то обрадовались этому событию. Ждали последствий.

И дождались: в феврале 1917 года пало самодержавие.

Далее события развивались стремительно, и не только в тылу. На фронте тоже началась карусель. Либерально настроенные офицеры приветствовали переворот, узрев в нем единственный выход из тупика, в котором, по их мнению, оказалась Россия.

Другая часть командиров, преимущественно кадровые офицеры, проклинали революцию. Но им пришлось затаить эти чувства и играть перед солдатами роль сторонников рес-

публиканского режима, хотя на деле все они были готовы к активным контрреволюционным действиям.

Подавляющее большинство солдат были выходцами из крестьян, их интересовали только две вещи: мир и земля. Они надеялись, что и то, и другое революция даст им незамедлительно.

Временное правительство, провозгласившее «войну до победного конца» и отложившее вопрос о земле до созыва Учредительного собрания, – его решено было созвать лишь после войны, – глубоко их разочаровало. Между тем большевистские агитаторы, разъезжавшие по всем фронтам, знакомили солдат с другой, ленинской, программой, где крестьянам сулили землю и немедленное окончание войны, а всю власть в стране обещали передать трудящимся в лице Советов. Солдаты верили этим посулам.

Распространяемые большевиками листовки, брошюры и газетные номера «Окопной правды» передавались из рук в руки. Читали их тайно от начальства, затем обсуждали. Программы меньшевиков и эсеров, поддерживающих Временное правительство, уже не вызывали солдатского сочувствия. Военное начальство не справлялось с большевистскими пропагандистами, в армии началось брожение умов.

Назаров считал, что он тоже должен определиться: куда и с кем идти? Решил посоветоваться с Елизаровым. Подполковник ответил на его вопросы:

– Лично я не приветствую революцию. Монархия не идеальна, но хотя бы легитимна и священна, ведь царь – помазанник Божий. Династия Романовых на троне триста лет, это много значит.

– Главное, за кем правда, – возразил Юрий. – Солдаты склоняются на сторону Ленина, потому что он обещает мир и землю, но большинство офицеров считают, что мужиков надуют.

– Землю солдаты, безусловно, должны получить, они заплатили за нее своей кровью на этой войне, что же касается мира, то я не верю, что его можно получить с помощью агитации и братания с врагом, как учат большевики. Германия еще достаточно сильна, чтобы нанести нам непоправимый удар. Я не верю, что в случае падения Временного правительства Ленин удержится у власти. Наступит анархия, которой воспользуется враг. В результате произойдет раздел России, в котором примут участие все наши союзники.

– Как же быть?

– Наше дело солдатское. Будем честно воевать и бороться с разложением личного состава, но гуманно – с помощью убеждений, а не так, как велит генерал Корнилов: «Пулю в лоб – и все убеждение». Такие меры ожесточают людей. Я говорю это вам как будущему офицеру, ведь вы уже достигли чина старшего фейерверкера и скоро получите звание прапорщика.

– Значит, наше единственное спасение в Керенском, господин полковник?

– Выходит, так, хотя, между нами, я глубоко презираю эту истеричную бабу в штанах, – ответил Елизаров, вынимая папиросу из портсигара. – Советую вам, Юрий Николаич, не забивать себе голову всеми этими вопросами. Выполняйте честно свой долг, служите с настроением, и все вам будет просто и легко. На войне это единственный выход. Посоветуйте то же самое солдатам, кажется, они вам доверяют.

Вечером после заката Назаров зашел в одну из солдатских землянок. В облаках махорочного дыма за большим столом резались в «очко».

– Вот вы-то нам и нужны, Юрий Николаич, – сказал фейерверкер первого орудия по фамилии Калиныч. – Садитесь, покумекаем вместе.

Назаров подсел к столу.

– Вы студент, значит, ученый. Разъясните нам, темным людишкам, – Калиныч лукаво усмехнулся, – за кем нам идти?

– Объясните, в чем дело? – спросил Назаров.

– Вот все талдычат, дескать, у нас революция, а в чем она? Война идет по-прежнему, да и земля все еще у помещиков. Как же так? – Калиныч довольно нахально смотрел на Юрия.

Назаров объяснил солдатам, что в данной ситуации военная победа особенно важна и необходима для закрепления завоеваний революции. Он уверял их, что Учредительное собрание обязательно решит вопрос о земле, но его слушали молча и отчужденно.

Калиныч говорил от имени всех:

– А мы сами решили эти вопросы.

– Позвольте узнать, как?

– Немедленный мир и землю народу, причем даром!

По землянке прокатился одобрителный гул.

– Это не так просто сделать, как вы думаете, – возразил Назаров.

– Для вас, может, и не просто, а для Ленина просто. Надо дать ему власть, пусть докажет, что его обещания не пустые слова, – сказал один из солдат.

– Керенский сильнее Ленина, – сказал кто-то.

На него зашикали.

– Сашка Керенский продан буржуям, сукин сын! – крикнул кто-то из глубины землянки. – Пусть идет к...

– Все это не от нас зависит, братцы, мы здесь, на фронте, дальше своего носа не видим. Как нам дальше быть, решат в Петрограде. Скажут идти за Керенским – пойдем, скажут – за Лениным, пойдем за Лениным. Мы – солдаты и должны повиноваться, – убеждал Назаров.

– Правильно! – кивнул старый фельдфебель, полный георгиевский кавалер. – Я им, остолопам, то же самое толкую.

– Да уж, дураками родились, дураками помрем! – закончил дискуссию Калиныч и, взяв со стола заигранную колоду, начал сдавать карты.

Назаров понял, что вопросы о войне и земле солдатами уже решены и никакие доводы и приказы не смогут их переубедить.

Вскоре пехотная бригада, в которой служил Назаров, отбросив противника, вошла в Галицию – в прикарпатский Станислав.

Артиллерийская батарея расставляла орудия в садах. Передовые окопы находились на окраине города.

Неожиданно в Станислав прибыл военный министр Временного правительства Керенский. Он был среднего роста, коротко стриженный бобриком, с бритым нервным лицом и суетливой жестикуляцией. Землисто-серый цвет изможденного бессонницей лица не оживляли ни красный бант на груди полувоенного френча, ни красная повязка на рукаве.

Назаров сразу же оттолкнул раскатистый бас Керенского, но не из-за акустической силы, а из-за металлических оттенков, делавших голос каким-то абстрактным, не личным – как из пустого ведра.

В честь министра Всероссийского Временного правительства войска выстроили на городской площади, украшенной красными флагами.

Керенского сопровождала свита, в числе которой были генералы и полковники – все с красными бантами на груди.

– Папуасы! Докатилась армия до шутовского маскарада! – плевался в их сторону Елизаров.

– Почему же, господин подполковник, сейчас красный цвет в фаворе, – шепотом откликнулся стоявший рядом штабс-капитан Масленников.

– Потому, господин штабс-капитан, что офицерский мундир не балалайка деревенского ухара и не цыганская гитара.

– Так точно, не балалайка! Виноват, – ответил Масленников.

После обхода войск Керенский обратился к солдатам с речью:

– Товарищи, наступают решающие дни революции. На наших знаменах начертаны слова: «Свобода, равенство и братство» – и скоро это станет реальностью. Ваши подвиги останутся

в веках! Перед ними благоговейно склонят головы ваши потомки. Они будут завидовать вам, солдатам великой революции! После окончательного разгрома врага будет создано Учредительное собрание, которое разрешит все вопросы, и самый главный для вас – вопрос о земле. А если, товарищи, вы не оправдаете моих надежд, тогда лучше убейте меня прямо сейчас и перешагните через мой труп! Мне легче умереть на заре революции, чем стать свидетелем ее позорного поражения! Да здравствует революция! – завопил он, ударяя себя в грудь.

Успех речи был оглушительным, недаром Керенского прозвали «главноуговаривающим» армии. Солдаты, мечтавшие только о мире и земле, в знак солидарности с оратором кричали «ура» и подбрасывали вверх свои фуражки.

Назаров вспомнил, как высмеял Грибоедов восторг толпы, метавшей дамские чепчики, но даже ирония не могла подавить злость и возмущение.

– А вот бы нашелся храбрец, да одним метким выстрелом прекратил этот балаган, – беззвучно прошептал Юрий и даже рукой машинально потянулся к затвору приставленной к ноге винтовки.

– Сам и пальни! – услышал он шепот стоявшего рядом бойца. Оказывается, его услышали.

– Увы, нет во мне этой решимости. Однако у вас слух...

– Жаль, – снова прошептал сосед. – Впрочем, ведь и во мне нет лихости. Неохота быть посмертным героем.

Они понимающе переглянулись, а после построения пожали друг другу руки.

– Лучший в батарее связист Самуил Рубинчик! – представился боец.

– Назаров Юрий Николаич.

Свою речь Керенский многократно повторил в тот же день во время обхода позиций на разных участках фронта. Актерский апломб, мощный бас, авантюризм и аффектация, доходившая до иступления, захватывали толпу. Он не говорил, а вещал и заклинал, призывая армию отстаивать революцию. В эмоциональном порыве Керенский даже потребовал, чтобы ему немедленно дали винтовку, дабы идти в бой «вместе со святым воинством».

Темперамент главноуговаривающего захватил даже тех, кто раньше над ним потешался и уничижительно называл «Сашкой-боталом».

Вместе с Керенским в составе делегации был известный террорист Борис Савинков, назначенный комиссаром Седьмой армии. Они ехали в Бучач на армейский съезд и попутно проводили агитацию в войсках.

Офицеры прекрасно знали «послужной список» Савинкова и относились к нему с презрением, как к сообщнику провокатора Азефа и участнику убийства министра внутренних дел Плеве, а также московского генерал-губернатора великого князя Сергея Александровича Романова. Еще больше ненавидели Савинкова из братской солидарности: за покушение на боевого вице-адмирала Федора Дубасова, а также за покушение на министра внутренних дел Дурново. Все знали, что террористы готовили Савинкова для убийства государя и что судом он был приговорен к смертной казни. Все эти поступки были несовместимыми с понятием о воинской чести.

После парада Назаров отправился в свою роту. В офицерской землянке собирались пить чай. Зашел разговор о фронтовых бунтах, возникавших там и сям из-за того, что солдат охватила паника. Они считали, что раз уж вышла воля, надо срочно бежать в деревню, чтобы успеть отхватить кусок земли пожирнее. Окопные мятежи стали настоящим бедствием и укрощались в основном агитаторами из солдатских комитетов, созданных после революции. Офицеры, обсуждая земельный ажиотаж, посмеиваясь, сообщили, что утром «бесноватый Савинков» поедет в одну из восставших частей.

– Нехай пробздится, нам меньше забот, – хмыкнул прапорщик.

– Как бы его не шлепнули наши солдатики. Не один ведь он такой лютый.

Назаров не принимал участия в беседе, думая о своем. Вечером он пришел к связистам, нашел Рубинчика и, отозвав его в сторону, спросил:

– Вы, надеюсь, не только лучший связист, но и меткий стрелок?

– А кто его знает. Стрелять-то мне мало приходится, я больше с проводами возжусь. Но если что, могу пальнуть.

Назаров доверился Рубинчику и выложил свой план. Связист легко и весело его принял:

– Надо так надо, об чем речь, Юрь Николаич. Будьте спокойны, Самуил не сдрейфит.

Наутро Назаров под предлогом проверки орудий ушел в соседний лесок. Там его уже ждал Рубинчик с винтовкой.

– Кто будет стрелять? – спросил он. – Сами-то сможете, не боитесь?

– Боюсь промазать, – ответил Назаров. – Идея моя, стало быть, мне и винтовку в руки. Дайте-ка, я к ней прилажусь.

Долго ждать не пришлось. Вскоре они увидели приближающийся в клубах пыли автомобиль. На открытом заднем сиденье ехало двое пассажиров.

– Савинков как раз ближе к нам сидит, – заметил Рубинчик. – Эх, судьба-куропатка... Ваше благородие, товсь! Пли!

Назаров выстрелил. Машина, газанув, проехала мимо.

– Зато греха на душу не взяли, – утешил его Рубинчик. – Все ж надо было мне стрелять.

– Нет, вы бы могли попасть.

– Вот те раз! – опешил Рубинчик. – Что же, вы его только пугнуть хотели? Так знайте: у дьявола боялки нету.

– Думал, на душе легче станет. Не мог терпеть больше.

– Для души хорошо бабу потискать или песню спеть. Споем, что ли?

– В другой раз. Спасибо вам, Рубинчик.

– Я вас умоляю, Юрь Николаич! А хотите, сходим в город к «кузинам»? – жеманно состроил глазки Рубинчик, намекая на проститутток, которых в армии называли «кузинами милосердия».

Назаров молчал. Ему с трудом удавалось сдерживать слезы, природу которых он не вполне понимал: то ли радость, что не убил, то ли досада, что промахнулся.

Рубинчик принялся петь расхожие среди солдат куплеты:

*– Как служил я в дворниках,
Звали меня Володя,
А теперь я прапорицк —
Ваше благородие.*

*– Как жила я в горничных,
Звали меня Лукерья,
А теперь я барышня —
«Кузина милосердия».*

На рассвете следующего дня артиллерия получила приказ открыть ураганный огонь по противнику. Юрий был возле подполковника Елизарова на наблюдательном пункте, расположенном на одном из холмов. Поверив энтузиазму солдат, проявленному во время парада, командир был настроен решительно. Рубинчик с двумя помощниками бегали под пулями, чтобы обеспечивать телефонную связь с батареей.

– Ну, стрелок, не промажь теперь, – крикнул Рубинчик Назарову, которого командир послал к связистам доложить обстановку. – Тут о прошлом годе поп служил, Серафимом звали, – тараторил Рубинчик, разматывая катушку с проводом, – он так говорил о любви к

родине, что не только люди, орудия от тех речей рыдали. Цицерон! Керенскому до него – как энтим снарядам до Синая. Солдаты, бывало, ему говорили: «Батюшка, после ваших проповедей пулеметы и ружья сами цель находят, а ноги в атаку бегут». А храбрый какой был монашек – ничего не боялся. Ходил по передовой как по амвону, от окопа к окопу. Мы ему говорим, осторожней, батюшка, вашу бороду немцам легче на мушку взять, чем наши каски, а он посмеивался, дескать, эх вы, маловерные, Бог меня ради вас обязательно пощадит...

– И что, убило его? – спросил Назаров.

– Таки нет! Не ранило даже. Через полгода его зачем-то вызвали в Ставку, и больше мы его не видели, но очень скучали за ним. Ко мне отец Серафим относился уважительно, говорил, что мой небесный покровитель пророк Самуил помазал на царство первого царя Саула – так возникла монархия.

– Вы верите в Бога, Самуил?

– Где ж вы видели неверующего еврея?

– В Москве.

– Так то жидовины. Нет еврея без своей Торы. И вообще...

– Извини, Самуил, командир ждет... – оборвал его Назаров и побежал в сторону наблюдательного пункта.

Воздух содрогался от непрерывных взрывов. Раскалившиеся стволы орудий и горячие гильзы обжигали руки. Немцы отвечали не менее грозной канонадой. Не хватало света, так как утреннее солнце не могло пробиться сквозь пороховую гарь. Над головами то и дело с ревом проносились снаряды. Телефонная связь постоянно обрывалась, и Юрию приходилось помогать связистам.

Поединок длился около часа. Наконец противник выдохся, только немецкие пулеметы еще продолжали строчить. Ударные части русской пехоты, составленные из отборных бойцов, с криками «ура» бросились в атаку. Впереди бежали офицеры. Линии заграждений были прорваны, в окопах противника нашли только убитых и раненых, остальные в панике бежали.

Русские части победоносно двигались вперед. К вечеру был занят город Галич, находившийся в двадцати километрах от Станислава, куда, вслед за пехотой, прибыла и шестая батарея.

В бою за Станислав была потеряна телефонная связь с батареей Елизарова. Посланные туда разведчики и санитары обнаружили развороченные взрывами наблюдательный пункт и блиндаж. Среди убитых нашли изуродованный труп подполковника. Связист Рубинчик оказывал первую помощь тяжелораненому Назарову. Он же подробно рассказал обо всем, что здесь произошло. В момент взрыва блиндажа Назаров помогал Рубинчику восстанавливать связь. Это и спасло ему жизнь. Ранило его уже после, когда он кинулся на помощь командиру.

Тело подполковника ночью перевезли в Галич и там с воинскими почестями похоронили на местном кладбище. Назарова отправили в лазарет Станислава, затем – в каменец-подольский госпиталь.

Удачный прорыв фронта ровным счетом ничего не значил. В действительности никакого энтузиазма у большинства солдат уже не было. Преобладали пораженческие настроения. Небольшим ударным группам добровольцев удалось лишь на короткое время увлечь их за собою. Через несколько дней началось отступление армии по всему фронту. В течение нескольких недель почти вся Галиция была очищена от русских войск.

Назаров был ранен в руку и в бок. Ребра были сломаны, но внутренние органы не повреждены. За проявленное мужество он был награжден Георгиевским крестом и произведен в прапорщики.

Соседи по койке и медперсонал лазарета поздравили его, но Юрий не чувствовал радости. Отступление армии и весть о гибели Елизарова все перечеркивали.

Позорное отступление 1917 года продолжалось. Несколько командующих во главе с генералом Корниловым решились на переворот, дабы установить военную диктатуру с перспективой возрождения монархии, но мятеж был подавлен защитниками революции. Все это имело отрицательные последствия: армия была окончательно деморализована, напоминание о дисциплине воспринималось солдатами как зуботычина. Офицерское сообщество раскололось на два лагеря. Революцию поддерживала меньшая часть.

Керенский провозгласил себя верховным главнокомандующим, но армии уже фактически не было, а были миллионы озлобленных вооруженных людей, не понимавших, за что они воюют. Между тем он пообещал союзникам продолжать войну до победного конца. Керенского поддерживали эсеры, меньшевики, буржуазия и сплотившиеся с ними на московском совещании в конце августа внезапно «покрасневшие» генералы.

В октябре произошел новый политический переворот. На сей раз власть перешла в руки большевиков во главе с Лениным. Тысячи солдат побежали с фронта, прихватив винтовки. Оставшиеся воины выбирали себе новых командиров: либо из своей среды, либо из молодых офицеров военного времени. Фронт пал, началось так называемое «братание» с врагом. Линии окопов превратились в базары, где шел оживленный товарообмен. Немцы меняли спиртные напитки на русский хлеб.

По всей стране начался разгром помещичьих усадеб и передел собственности. В городах, на фабриках и заводах, появились рабочие комитеты. Неудобных начальников сажали в тачки и вывозили за ограду. Городская беднота кинулась грабить и занимать господские квартиры.

Назаров получил отпуск по ранению и поехал в Москву. Поезда были переполнены вооруженными солдатами. Это были уже не те добродушные «землячки», которых он встретил в начале службы. Юрию удалось влезть в вагон через разбитое окно. Он был в солдатской шинели, без погон. Новенькие офицерские знаки отличия пришлось от греха подальше выбросить.

До Москвы поезд ехал долго, с бесконечными остановками и пересадками. Домой он явился измученным, ободраным, голодным.

Советская власть здесь уже утвердилась. Керенский бежал. Началась другая жизнь.

Новая Москва ужаснула Юрия. Он вернулся не в вальяжный и веселый сорок сороков, а в грубый, ожесточенный, заплеванный вокзал-базар. От гостеприимной древней столицы не осталось и следа. Повсюду мельтешили красные кумачовые флаги и транспаранты с безграмотно написанными лозунгами. Улицы наводнили толпы серых шинелей. Люди тоже изменились. Многие господа еще продолжали жить в своих домах и квартирах, но были насильно «уплотнены». Ненависти к новой власти не скрывал никто. Каждый из «бывших» готов был хоть к шпионажу, хоть к диверсиям, лишь бы навредить большевикам. Страдая от голода, холода, унижений, распродавая и меняя на провиант все, что имело цену, они злословили: «Чем хуже, тем лучше». Теперь господа мечтали о сильном генерале-освободителе, который вернул бы порядок и восстановил прежнюю жизнь, которую еще недавно все они презрительно критиковали. Правда, и среди дворян находились сторонники нового режима, в основном авантюристы и романтики, уверовавшие, что после «бури» на фоне чистого лазурного утра взойдет небывалое солнце. Этим праздномыслящим был интересен только «эксперимент», на его последствия они упрямо закрывали глаза. Но лишь до времени.

Назаровы бедствовали вместе со всеми. Их дом был национализирован, семье оставили только часть квартиры, отрезав от восьми комнат четыре. Канцелярию Николая Николаевича упразднили, на банковский счет наложили арест, из прислуги осталась только кухарка. Чтобы как-то существовать, глава семьи начал продавать вещи.

– Как мы будем жить дальше? – вздыхала за утренним чаем Ольга Александровна. – На продаже вещей долго не продержаться. Ждать больше нечего, надо поступать на службу.

Юрий и Марика согласились с матерью – другого выхода нет.

– Что касается меня, то я не собираюсь служить у этих, – заявил Николай Николаевич. – Произошло историческое недоразумение, надо переждать. Долго это не продлится. Бунт черни, как всякий мятеж, будет подавлен.

– Кем, папа? – с тоскливой иронией спросил Юрий.

– Да уж найдутся силы, дайте срок...

– Папа, пойми наконец...

Звонок в передней прервал дискуссию. Все недоуменно переглянулись – для гостей еще рано. Марика пошла открывать и вернулась вместе с Марковым, явившимся без предварительной договоренности.

Никто не обрадовался его появлению, но он был из «этих» и, следовательно, мог помочь хотя бы советом.

– Как хорошо, что вы о нас вспомнили, Иван Егорыч, – улыбнулась гостю Ольга Александровна, – прошу вас, выпейте с нами чаю.

– Я не забываю старых знакомых, – ответил Марков. – Только вчера приехал из Петрограда, но теперь буду жить в Москве. Как вы?

– И не спрашивайте! – махнула она рукой.

– Наблюдаю общее уныние, но не вижу повода для мрачных настроений.

– Легко вам говорить! – вспыхнул Николай Николаевич. – А как жить, если лишили профессии, отняли имущество и нет средств к существованию? За что все это? Я никого не эксплуатировал, честно работал. И вот приходится распродавать, как теперь говорят, «барахло». Вчера удалось загнать ковры и энциклопедический словарь Брокгауза и Эфрона...

– Вы пришли очень кстати, Иван Егорыч, – перебила мужа Ольга Александровна, – мы как раз решаем, что нам делать.

– Что же решили?

– Придется работать, – нехотя за всех ответил Юрий, которого раздражал покровительственный тон бывшего репетитора.

– Правильно, все равно ничего другого не остается, – бодро наставлял Марков. – И начинайте как можно скорее. Кто долго ждет, тот всегда опаздывает. С работой я помогу, ради этого и пришел с утра пораньше, чтобы застать всех дома. Начнем с Николай Николаича.

– Я ликвидирован на всех фронтах жизни, несмотря на то, что был либералом и приветствовал февральскую революцию, – мрачно ответил тот.

– Это был буржуазный переворот. Одни аристократы пришли на смену других, совершенно не изменив старый порядок.

Назаров презирал собеседника, по-прежнему видя в нем бывшего репетитора, только обнаглевшего. Ему были неприятны его сентенции, но выставить Маркова за дверь он уже не мог.

– Не будем спорить! – раздраженно поморщился Николай Николаевич. – Пусть все так, как вы говорите. Но вы, вероятно, помните, что в свое время я помогал революционерам. Кто спас жизнь Поповой, когда ни один адвокат не желал выступить в ее защиту?

– Вы проявили гражданское мужество, – согласился Марков, – это большой плюс для вас. Попова занимает большой пост в ЧК. Она покинула эсеров и вступила в партию большевиков. Ей доверяет Дзержинский.

– Вот как! Может, она окажет мне протекцию и устроит в ЧК на должность швейцара? Или замолвит за меня словечко, когда большевики решат меня расстрелять?

– Мы зря не расстреливаем, Николай Николаич. И зачем вам становиться жертвой революции, когда есть возможность занять достойное место в рядах передовой интеллигенции. Вы – юрист, известный адвокат. Раньше вы защищали интересы капитала, теперь сможете защищать интересы трудящихся.

– Каким же образом?

– Для юристов у нас широкое поле деятельности. Прежде всего надо восстановить законность. Теперь не обязателен адвокатский фрак, можете выступать в пиджаке. Могу вас устроить в Наркомат юстиции.

– Благодарю вас, Иван Егорыч, но я не готов к такому шагу.

– Что, чуждая вам идеология? Правильно, придется ее изучить.

– Еще раз благодарю, и позвольте мне удалиться.

Не допив свой чай, он вышел из комнаты.

– А я согласна работать, Иван Егорыч, – сказала Ольга Александровна, – но на что мне можно рассчитывать? У меня ведь никакой специальности, кроме сестры милосердия.

– Могу устроить вас в глазную клинику. Это как раз по моему ведомству, я ведь работаю в Наркомздраве, а клиникой заведует мой друг.

– Но кроме перевязок я мало что умею.

– Вас всему научат – соглашайтесь.

– Что ж, пожалуй.

– Итак, с вами вопрос решен. Теперь дети. Что скажете, Юрий? Хотите учиться дальше?

– Я намерен возвратиться в часть. Солдаты избрали меня командиром.

– Вот если бы все так поступали!

– Позвольте спросить, Иван Егорыч, – подперев щеку рукой, Юрий саркастически смотрел на Маркова, – откуда столько внимания к нашей классово чуждой семье? Не испортит ли это вашу незапятнанную анкету?

– Мое внимание к вам зиждется на простом чувстве благодарности, – ответил Марков, слегка смутившись.

– За то, что в Благодатном не сдали вас жандармам?

– Не только за это.

– А ведь нам, как и прочим растяпам, это благодушие дорого обошлось.

– Молодец, Юрь Николаич! – Марков впервые назвал его по отчеству. – Спасибо за откровенность. Вы меня не выдали полиции, позвольте сейчас ответить тем же, а еще предостеречь от подобных высказываний – можете поплатиться головой. Хотите на фронт? Желаю успеха!

Марков повернулся к Марике:

– А вы, барышня, что умеете?

– Что умею? – Марика закатила глаза. – Играть на рояле, танцевать, но лучше всего у меня получается дурачить кавалеров.

– Довольно говорить глупости, Марика! – цыкнула мать.

– Пусть, ничего, у нас свобода слова, – улыбнулся Марков. Марика продолжала перечислять:

– Еще могу читать романы, играть в теннис, сплетничать. Да, чуть не забыла, я очень злая и мстительная.

Марков беззвучно похлопал в ладоши:

– Какая самокритика! Мы это ценим. Но вы еще кое-что забыли.

– Марика, как и я, была сестрой милосердия, – подсказала мать.

– Да нет же, я имею в виду знание иностранных языков. Если вы согласитесь, я могу рекомендовать вас в Наркоминдел, только придется научиться печатать на машинке.

– Можно попробовать, – неожиданно согласилась Марика.

– В таком случае я пошел, – Марков встал. – Ольга Санна, жду вас завтра к десяти утра. Скажете, что ко мне, вас проводят.

Когда кухарка закрыла за ним дверь, Юрий сказал:

– Все такой же придурок, но себе на уме. Мама, что ему нужно от нас?

– Думаю, ничего, а вот нам без его рекомендаций никуда не устроиться. Ты уезжаешь, папа чего-то выжидает, а как жить?

Юрий не успел ответить, в столовую вернулся Николай Николаевич.

– И ты пойдешь к ним в такой жалкой роли? – напустился он на жену.

– Почему жалкой, Николаша? Ведь работала же я в лазарете...

– Сравнила! То была благотворительность. Поверь, Ольга, терпеть недолго. Европа не допустит распространения большевистской заразы.

– Папа, как ты можешь надеяться на союзников, когда они себя уже показали? – мягко укорил Юрий страдающего от бессилия отца.

– Раньше союзников сюда придут немцы, – упрямо твердил Николай Николаевич.

– И это говоришь ты – патриот и либерал?

– Что же остается? Большевистский хомут я не надену, как бы ни уговаривал ваш Марков. Я располагаю точной информацией: скоро Москва будет занята немцами. Наши генералы тоже не дремлют. Корнилов уже начал действовать на Кубани.

– И на генералов не надейся, – твердо сказал Юрий, – в их рядах нет единства. Чего добился Корнилов? Часть генералов переметнулась к Керенскому, и армия окончательно разложилась, теперь ее надо восстанавливать.

– Вот-вот, восстанавливай! Твоя поездка на фронт – глупость! Один раз бесцельно пролил кровь, а теперь за что и за кого готов сложить голову? Немцы все равно вас разобьют. Эх, сын!

Юрий промолчал, не хотел обострять ситуацию.

Через несколько дней он уехал на фронт.

Ольга Александровна и Марика поступили на службу.

В одно из воскресений к Марике пришла школьная подруга Бетси. Девушки давно не виделись. Марика теперь работала в Наркоминделе, и дома ее можно было застать только в воскресенье.

Они пили чай в комнате Марики, вспоминая прошлую жизнь, казавшуюся теперь далекой и прекрасной.

– Помнишь Бобби? – спросила Марика.

– Какого Бобби?

– Дымовского. Ну того, с моноклем, еще Бодлера у нас читал.

– Ах, Бобби! Конечно, помню. Такой чудак. Где он сейчас?

– Ходят слухи, его расстреляли.

– За что? – ужаснулась Бетси.

– Говорят, он был заговорщиком.

– Не смейся, Марика! Бобби – совершенно безобидный декадент.

– Такова революция: лес рубят – щепки летят, – Марика повторила фразу, которую постоянно слышала на работе.

– Зачем ты так, – упрекнула Бетси, – разве Бобби – щепка? Он был в тебя влюблен.

Обеим стало грустно. Помолчали.

– Как твоя служба? – спросила Бетси.

– Как будто ничего. Машинку вот освоила. С непривычки немного болят руки и спина. Привыкну. Работа на трех языках – не скучно. По крайней мере, живу самостоятельно, ни от кого не завишу. Мама тоже работает. Мы теперь – эмансипированные женщины.

– А твой папа?

– Продолжает загонять барахло.

– Мой отец занят тем же, – вздохнула Бетси.

– Да, веселенькое занятие нашли себе мужчины. Скоро папочка и нас с мамой «загонит». За меня, пожалуй, больше дадут, я ведь моложе.

– Ты все шутишь, Марика. Завидую твоему характеру.

– Что ж мне, по-твоему, плакать? Уж лучше смеяться над жизнью, раз она оказалась такой сволочью.

– А где Юрий?

– Уехал на фронт защищать революцию.

– Разве нужно ее защищать?

– Одни говорят «да», другие «нет» – поди, разберись.

– Ну а как твои сердечные дела?

– Кое-что наклевывается. Поплавок уже подергивается, того и гляди на крючке окажется во-о-от такая рыбина, – Марика широко развела руки. – Я терпеливо жду. Пескари меня не интересуют.

– Что же это за рыбина?

– Один интересный брюнет! С каждым днем он становится все смелее. Вчера, когда я стучала на «Ундервуде», он, стоя за моей спиной, шепнул: «Марь Николавна, у вас очень красивые руки». Большевичок, небось, подумал, что осчастливил барыньку, а я небрежно так ему отвечаю: «Знаю». Он вскоре опять: «Марь Николавна, какая у вас изящная лодыжка!» – «Еще бы!» – говорю. – «Марь Николавна, у вас великолепная фигура!» – «Откуда вы это знаете, разве вы меня раздевали?» И смотрю ему прямо в глаза. Он покраснел, как девица, не знает, что ответить. Оказывается, во мне больше наглости. Так я развлекаюсь с партийным красавчиком.

Бетси понимающе подмигнула.

– Он твой начальник?

– Ну да.

– Большевик?

– Стопроцентный!

– Ты смогла бы выйти замуж за большевика? – в вопросе звучала смесь удивления и ужаса.

– Почему бы и нет, – с вызовом ответила Марика. – У него хорошее положение, симпатичный, молодой... конечно, «grand sou-sou» на идейной почве, но такое уж нынче время.

– Ты веришь, что большевик может стать тебе хорошим мужем?

– Все зависит от женщины. При «товарищах» пусть строит себе идейного, но дома, с женой, надо быть приличным человеком.

– И ты пойдешь на это?!

– И что? Я не хочу сесть в тюрьму или быть расстрелянной как «классово чуждая». Я жить хочу! Иногда мне бывает очень страшно... Бетси, советую и тебе подыскать высокопоставленного большевичка, пусть даже из жидов, раз уж они всех объегорили, тогда твоя жизнь будет устроена. У них сейчас мода на барышень из «бывших» – компенсируют прошлую ущербность. В общем-то, все мужчины одинаковы: из хама можно сделать джентльмена и наоборот. Разве не это происходит на наших глазах?

– У тебя есть такая возможность, ты работаешь, встречаешься с разными людьми, а кого вижу я?

– Поступи на службу, все лучше, чем сидеть дома и хандрить.

– Мама не разрешит, а то бы, может, и поступила.

– Маркс говорит: «Что такое мама, когда совершается революция?»

– Неужели так и говорит?

– Это уже афоризм.

Трудно было понять, шутит Марика или говорит серьезно. Впрочем, для Бетси это было неважно. Она знала, что скоро уедет в Латвию. Ее дед по матери – богатый промышленник в Риге, и он, конечно, не оставит своих родственников в беде.

Через месяц, не поставив в известность родителей, Марика вышла замуж за начальника Издательского отдела Народного комиссариата по иностранным делам Сергея Сергеевича

Сытина. Все произошло быстро и просто: утром, перед службой, они встретились у загса, где их без проволоочки расписали.

Во время обеда, сразу после супа, Марика буднично сказала:

– Милые мама и папа, я должна вам сообщить одну новость.

– Что еще? – нервно спросил отец.

– Так, пустячок, не волнуйся, папа. Я вышла замуж.

– Как замуж?! – вскрикнула Ольга Александровна.

– Ну почти как ты за папу.

– За кого? Когда бы ты успела? Ты нарочно нас пугаешь?

Марика встала, взяла лежащую на консольном столике сумочку, вынула из нее какой-то листок и протянула его матери.

– Вот документ.

На листе было напечатано: «Брачное свидетельство».

– Собачья свадьба! – фыркнул Николай Николаевич, отшвырнув бумагу.

– Да, мы обошлись без венчания – это быстрее и дешевле. Сейчас все так женятся, – «успокоила» родителей новобрачная.

Отец сидел как пришибленный. В глазах – только боль и отчаяние.

– Обошлась без нашего благословения, – криво усмехнулся он, глядя в пол. – Представляю себе зятя! Небось, из пролетариев.

– Он из образованных, сын тульского попа. Мой начальник.

– Большевик?

– Конечно.

– Оленька, мы дожили до такого позора? – беспомощно смотрел на жену Николай Николаевич.

Ольге Александровне пришлось взять дочь под свою защиту:

– Марика поступила плохо, не сообщив нам о своем решении, но не будем делать поспешных выводов. Лично я уже не сержусь. Бедные дети, они расплачиваются за наши грехи. Что же ты наделала, доченька! Прости нас, мы не сумели сделать для тебя... – голос ее дрогнул.

– Мама, все будет хорошо, вот увидишь.

– Скажи, он хотя бы приличный человек? – спросила Ольга Александровна.

– Разумеется, мамочка!

На другой день в квартире Назаровых состоялся семейный обед в честь молодых. Гостей не было. Праздничную трапезу кухарка приготовила из того, что удалось достать. В тот же день Марика переехала к мужу в гостиницу «Метрополь».

Большевики закрепляли свои позиции. Новые декреты ломали привычную жизнь, все перестраивалось и перекраивалось, но вскоре стало ясно, что молодое государство остро нуждается в квалифицированных и образованных специалистах. Советская власть приглашала всех честных и патриотически настроенных граждан к сотрудничеству. Несмотря на призывы, специалистов не хватало, «бывшие» бойкотировали новую власть. Росло контрреволюционное сопротивление. То и дело сообщалось о заговорах, шпионаже, диверсиях, террористических актах против большевистских лидеров.

Коммунисты заявляли, что безвластие пришел конец, но им не верили. По-прежнему все кому не лень объявляли себя «правительством», особенно разнуздались анархисты. Вместе с прилепившимися к ним уголовниками они разъезжали в черных автомобилях, грабили магазины, захватывали богатые особняки, в которых устраивали игорные притоны и ночные клубы. Вечером стало небезопасно появляться на улицах. Цены на продукты росли с каждым днем. Спекулянты организовали «черный рынок», доступный лишь богачам. Деньги обесценились.

Николай Николаевич по-прежнему торговался с мешочниками, добывая самые необходимые вещи и продукты. Зарплаты Ольги Александровны и Марики едва хватало на хлеб. Он спустил даже семейную библиотеку, оставив жене только Библию и кулинарную книгу Елены Молоховец. Картины, ковры, столовое серебро – все пошло с молотка. Из ценных вещей в доме остался один рояль, с которым Назаров не желал расставаться. Когда никого не было, он часами играл в холодной гостиной свои любимые произведения, воскрешая в памяти прежнюю жизнь.

– Может, оставишь рыночные дела, Николай? – в который раз приступила к нему Ольга Александровна. – Иван Егорыч предлагает хорошее место.

– Я не нуждаюсь в его советах! – раздраженно ответил муж. – Советской власти скоро конец. Они не продержатся и до весны.

– Откуда такие сведения?

– Неважно, но информация точная. Скоро начнется наступление немцев.

– Боже, какой ужас! Что будет с нашим сыном?

– Никакого ужаса, он без боя сдастся в плен. Наш фронт не может сопротивляться, армия деморализована. Корнилов на Кубани возглавил несколько тысяч офицеров и юнкеров. К нему примкнуло донское и кубанское казачество – это большая сила. Там сейчас Алексеев и Деникин.

– А Брусилов?

– Брусилов изменил присяге и сотрудничает с большевиками.

– Значит, гражданская война... Только этого нам не хватало!

– Да, без нее уже не обойтись, как и без интервенции иностранных держав. Все равно, кто придет – немцы или союзники. Лучше уж немцы, они более дисциплинированы. Русская история и началась с интервенции, вспомни призывание варягов.

– Если бы ты знал, Николай, как тяжело тебя слушать, – вздыхала Ольга Александровна. – С каждым днем ты становишься все более озлобленным и чужим.

– Мне еще тяжелее оттого, что я одинок в своей семье.

– Просто я стараюсь реально смотреть на вещи. Я боюсь за тебя и прошу: будь осторожен, помни о ЧК. Твои таинственные связи приведут тебя на плаху. Дзержинский ни с кем не церемонится...

– Не беспокойся, я общаюсь с надежными людьми старой закалки.

– Но именно за такими следят!

Назаров решил не продолжать пикировку. Впервые он действовал самостоятельно, напекор жене. Он считал, что наступил момент, когда каждый, даже такой далекий от политических страстей обыватель, каким он признал себя, должен задаться вопросом, есть ли у него идеалы и готов ли он их отстаивать. Способен ли был Николай Николаевич к каким-либо решительным действиям, он и сам не знал, а только чувствовал жгучую ненависть к большевикам за все унижения, которым подвергли его семью.

После долгих дорожных мытарств Юрий Назаров наконец-то добрался до своей части, стоявшей за Каменец-Подольском.

Солдатские выборы привели к переменам в бригаде. На командные посты избрали офицеров, получивших звания на войне, и фейерверкеров. Кадровых офицеров солдаты отвергли, и те уехали. Командиром бригады стал офицер запаса Петров, бывший адвокат, служивший ранее в батарее Назарова. Командиром батареи выбрали фельдфебеля Горленко, старшим офицером – фейерверкера Калиныча. Назарова поставили командиром взвода.

Какая-то дисциплина в артиллерии еще сохранялась, зато пехота, больше всех измученная войной, окончательно разложилась. Новые командиры восстановить порядок не могли.

Линия фронта выглядела комично: среди занесенных снегом окопов развевались полинявшие от дождя и снега грязно-розовые флаги и транспаранты с призывами к миру. Возле

проволочных заграждений толпились немецкие и русские солдаты, шел бойкий товарообмен. Немцы еще сохранили приличествующий воинам вид, а русские солдаты с каждым днем все больше походили на вооруженный сброд.

– Это все, что осталось от непобедимой русской армии, – презрительно кивали в их сторону офицеры. – Удивительно, почему немцы не наступают, когда могут взять нас голыми руками.

– Но что-то же еще может спасти нашу армию? – спрашивал подавленный увиденным Назаров.

– Только дисциплина, но это сейчас моветон, – развел руками фельдфебель Горленко.

Через несколько дней, на рассвете, со стороны противника раздалась артиллерийская канонада. Бригада открыла ответный огонь. На батарее Назарова было ранено несколько солдат, но атаку отбили. На другой день немцы снова атаковали, и снова получили достойный отпор. После третьей атаки бригада вынуждена была прекратить огонь, так как все снаряды были израсходованы, а подвозить новые было некому.

По всему фронту началось наступление противника. Сопротивление русских было подавлено ураганным огнем. Фронт дрогнул и беспомощно покатился назад. Солдаты бросали винтовки и сдавались в плен. На боковых флангах появилась артиллерия противника, вскоре она была уже в глубоком тылу.

На батарею Назарова прибыл немецкий кавалерийский отряд во главе с полковником. Его адъютант подъехал к офицерам, стоящим возле орудий.

– Приказ полковника, – сказал он, – немедленно построить батарею в походном порядке и привести ее для сдачи на площадь Подольска. Офицеры будут отвечать за сохранность орудий.

Приказ был выполнен. После сдачи оружия немецкое командование, не желавшее кормить пленных, отпустило их по домам. Толпы беспомощных, никому не нужных людей поспешили к поездам, спасаясь от голода. Солдаты захватывали целые составы. Многие отправились домой пешком, кормясь подаванием. Немецкая армия двинулась вглубь Украины.

Офицеры бригады собрались в помещении штаба. Сразу же начались споры, ругань, чуть ли не хватались за оружие. Одни предлагали ехать в Москву, где началось формирование новой армии. Поминали Брусилова, мол, чем мы хуже. Другие призывали рвануть на Кубань – к Корнилову. Украинские националисты заявили, что формируются воинские части Центральной Рады, куда они и поступят. Договориться было невозможно.

Назаров сидел на подоконнике и в общей перепалке не участвовал. К нему подошел Калиныч:

– Айда с нами в Москву, Юрь Николаич! В новую армию. Повысим вас в звании, да опять воевать станем, только не за батюшку-царя, а за новую власть. Как вам такое предложение?

Назаров лишь усмехнулся.

Калиныч прищурился:

– В Москву, стал быть, не хотите. Не на Кубань ли наострились? Можя, к своим потянуло?

Назаров продолжал курить, не обращая внимания на задиранья однополчанина, который теперь вполне мог оказаться его врагом.

– Гляди, барин, не ошибись!

Калиныч нарочно назвал его «барином» – подчеркнул ненадежность Назарова, но Юрий плевать хотел на угрозы. Он знал, что не пойдет за подобными Калинычу горлопанам.

Споры продолжались, но комбриг Петров разом закрыл собрание:

– Мы все равно не договоримся, товарищи офицеры. Пусть каждый поступает согласно своей совести.

С тем и разошлись.

Снова приходилось выбирать. Ехать на Север – значит, участвовать в гражданской войне. На юге – то же самое. Оставаться на Украине и служить сепаратистам под командованием немцев Юрий считал позором. Не зная, что предпринять и куда податься, он бесцельно слонялся по пыльным улицам Каменец-Подольска. Когда проголодался, ноги привели его в харчевню на окраине города. В центральных ресторанах пировали победители.

За одним из столиков сидел давний знакомый Самуил Рубинчик. Увидев Юрия, он приветливо помахал ему. Назаров обрадовался: Рубинчик ему нравился.

Хозяйка харчевни, толстая еврейка в засаленном переднике, подала им обед.

– Что думаете делать, Назаров? – спросил Рубинчик.

– Еще не решил. Хандра напала.

– Таки довоевались! А я, дурак, добровольцем пошел, лез из кожи, чтобы заслужить двух «георгиев», хотел с их помощью избавиться от черты оседлости. Кто знал, что евреи смастырят революцию и мои подвиги обесценятся как царские карбованцы. Курам на смех теперь мои цапки.

– Почему же курам на смех?

– Так большевики ж отменили черту оседлости. Все евреи, даже не георгиевские кавалеры, могут жить где угодно. Юмор в том, что я попал в заколдованный круг: куда ни сунься – везде заставляют воевать. А какой мне интерес воевать? Почему Самуил Рубинчик должен вечно воевать? Они думают, что я Александр Македонский или Наполеон?

– Не верю, Рубинчик, что вы не видите выхода из этой ситуации.

– И вы совершенно правы, Назаров. Не жаловаться же на прачечную, если у соседа грязные кальсоны. Нет такой ситуации, из которой Рубинчик не извлечет удовольствия. Скажу вам по секрету: есть идея!

Рубинчик подмигнул Юрию и закурил. Он определенно вызывал симпатию своим оптимизмом и тем, с каким наплевательством переносил удары судьбы, превращая трагедию в фарс. Это было так заразительно, что у Назарова полегчало на душе.

– Поделитесь вашей идеей, Рубинчик. Я тоже не желаю участвовать в гражданской войне.

– Моя идея проста: надо бежать.

– Куда?

– За границу.

– Но и там война.

– На Балканах она скоро закончится.

– Откуда вы знаете?

– Мне сказал один еврей, он только что оттуда.

– Но как вы попадете на Балканы?

– Как удастся: пешком, поездом, на пароходе. Мне везде помогут, потому что евреи есть везде. Хотите поехать со мной?

– Но ведь я не из ваших, мне-то никто не станет помогать.

– А мы скажем, что вы из наших.

– Не поверят.

– Еще как поверят! Вы не курносый, отпустите пейсы. Да я вас так загримирую, что вас примут за раввина.

– Но я не говорю на идише.

– По-немецки говорите?

– Да.

– Так коверкайте немецкий – сойдет за жаргон.

– А на что мы будем жить?

– Делать деньги можно на всем. Заработаем! Я хороший музыкант, на скрипке играю, как Паганини. Скрипка, кстати, у меня есть. А вы на чем играете?

- Немного на рояле.
- Нет, с роялем надорвемся. Будете играть на гармошке.
- Кто ж меня научит?
- Ну конечно, я, кто ж еще! В консерваторию поступать некогда.
- Интересно, сколько на базаре запросят за гармошку?
- На ваше счастье, гармошка у меня тоже имеется. Я позаимствовал ее в нашей батарее –

не оставлять же врагу! Мы будем выступать в разных кабачках и харчевнях, с голоду не помрем. Жизнь музыканта вольная, веселая – чистое искусство. Сначала проберемся в Одессу – это мой родной город. Оттуда и махнем в Константинополь. Чудный город! Я там был, когда занимался контрабандой. Не пофартит в Константинополе, двинем во Францию. Наймемся матросами на какой-нибудь пароход до Марселя, а там до Парижа рукой подать. Париж всем нравится, и нам понравится. Ну что, Назаров, хотите быть парижанином? Соглашайтесь!

Юрий задумался. Его мучили сомнения.

– О чем тут думать? – уговаривал Рубинчик. – Ведь мы отправляемся в путешествие. Посмотрим мир, увидим новые страны, а вернуться всегда успеем, мы же не старики. И момент подходящий, если вы не хотите принимать участие в общей сваре. Когда-нибудь этот бардак все равно закончится, но мы не упрекнем себя в убийстве соотечественников.

– Хорошо, я согласен. Своей идеи у меня все равно нет. И пусть наша одиссея начнется с мечты о возвращении, потому что, когда уезжают, зная, что больше не вернуться, – это бегство.

– Ну и баста! Или, по-вашему, аминь.

Рубинчик вынул из кармана карандаш, бумагу, смятый конверт и положил перед Назаровым.

– Теперь пишите письмо мамаше, чтобы она за вас не волновалась. Один из «наших» едет в Москву, так он передаст.

Юрий благодарно посмотрел на товарища. Потом взял карандаш и написал: «Дорогая мама! Не желая участвовать в гражданской войне, я решил временно уехать из России. Думаю, ты меня поймешь. Пробираюсь со своим другом в Константинополь. За меня не переживай, я здоров. Когда будет возможность, буду писать или хотя бы присылать открытки. Все будет хорошо. Целую тебя, папу и Марику. Ваш Юрий».

Написав адрес, он передал конверт Рубинчику.

Мечты Николая Николаевича о контрреволюционном мятеже, похоже, обрели конкретные черты. Россия раскололась на два лагеря – красный и белый. Новые варяги были призваны: вслед за гражданской войной началась интервенция войсками Антанты.

В один из дней Назаров сказал жене:

- Ольга, потерпи еще немного, скоро ужасу конец.
- Напрасно надеешься, – возразила она, – все теперь за Ленина.
- А вот и не все!

– Трезво взвесь: сколько их и сколько вас? Вы проиграете. Знаешь, я пришла к выводу, что мы сами во многом виноваты. Надо иметь мужество признать это. Вспомни, как мы ругали власть, о восстановлении которой сейчас молимся. У нас есть и другие провинности.

– Можно поинтересоваться, какие?

– Задумывался ли ты когда-нибудь о том, как мы жили? В деревне мы не вникали в нужды крестьян. В Москве и вовсе изолировались от простого народа. Кого мы знали? Только горничных, кухарок, лакеев, поваров – лишь тех, кто работал на нас. Рабочие и ремесленники для нас не существовали, словно они жили не рядом, а на какой-то другой планете. Мы недооценили тот факт, что их миллионы, а нас – жалкая кучка. И они нас легко смяли.

Ольге Александровне хотелось поговорить с мужем по душам, как раньше, но он лишь досадливо пожимал плечами.

– Не понимаю, милая, откуда у тебя такие суждения? В каждом государстве существует классовое расслоение. Переход из одной общественной страты в другую возможен, но нужно доказать обществу свое право на более высокое положение: например, совершить подвиг, сделать открытие или еще что-нибудь значительное. В любом государстве имеется так называемая «элита» – цвет нации, ее соль. В России испокон эта роль отведена аристократам, интеллигенции. Они внесли наибольший вклад в достижения мировой цивилизации. Да, люди умственного труда имеют привилегии, но это справедливо. Их заслуги выше, это же азбучная истина!

– Мир изменился, а ты не хочешь этого признать. Народ создает новую интеллигенцию.

– Из иван егорычей?

– Хотя бы.

– Хорошо, пусть. Я все равно не откажусь от своих взглядов. И я должен сообщить тебе, что мне необходимо временно покинуть Москву.

– Ты уезжаешь? Куда?

– На юг, к Деникину. При нем будет сформировано всероссийское правительство, которое признают союзники. Милюков, Долгоруков, Набоков, Новгородцев и другие кадеты уже там. Медлить больше нельзя.

– Как можно верить генералам, проигравшим войну? Да они дважды изменники: сначала изменили Государю, потом Временному правительству. Изменят и в третий раз. Один Брусилов принял верное решение.

– Посмотрим, что он скажет через пять лет.

– Оставим Брусилова, – примирительно сказала Ольга Александровна. – Но и от союзников хорошего ждать не приходится.

Спасти Россию могут только сами русские, для этого надо объединиться с народом, а не воевать с ним. Потому народ и надеется на Ленина, что он обещает мир и землю.

– Не будем спорить, дорогая. Жизнь покажет, кто из нас прав. Я не зову тебя с собой, так как знаю...

– ...что я не поеду, – договорила за мужа Ольга Александровна.

– Вот если бы Анатоль был жив, то он бы давно уже был там. Тогда не Марков, а Шумский был бы для тебя высшим авторитетом, и ты, конечно, поехала бы за ним куда угодно.

Ольга Александровна замерла. Муж впервые делал такое заявление. Пришлось взять себя в руки и стать в позу несправедливо оскорбленной женщины. Гордо вскинув голову, она ответила:

– Напрасно ты так думаешь, Николай. И Анатоль не поколебал бы моих убеждений, он тут вообще ни при чем...

– Пожалуй, Юра оказался мудрее всех, уехав за границу, – закрыл тему Николай Николаевич.

– Я тоже рада, что он избежит участия в гражданской войне.

– Он вернется в свободную от большевизма Россию. Через какие-нибудь полгода я тоже вернусь к тебе вместе с Добровольческой армией. Будет восстановлена единая неделимая Россия и прежняя жизнь. У нас будет такая же республика, как во Франции, – убежденно говорил Назаров.

– Не верю в это, как и в то, что мы скоро увидим сына. Революция уже победила, и если не навсегда, то надолго.

– Ты опять повторяешь слова Маркова!

– А ты снова пытаешься меня оскорбить. Делай, что хочешь. Но как жена и мать твоих детей прошу тебя: опомнись, ты совершаешь непоправимую ошибку. Если чекисты задержат тебя на границе, ты погибнешь.

– Не беспокойся. Я получил польский паспорт от адвоката Ледницкого, женатого на Морозовой. Сейчас он исполняет обязанности польского консула. Он бывший кадет.

– Но если тебя узнают на границе?

– Не узнают. Я срею усы, оденусь поплоче. Паспорт выдан на имя польского рабочего, который пробирается на родину.

– Ты затеял опасную игру...

– Всего лишь небольшой маскарад. С собой я возьму свои драгоценности. Думаю, мне хватит на жизнь. У тебя остаются твои, будешь их продавать по мере надобности. Если обо мне будут спрашивать, говори, что уехал по делам в провинцию. Ты остаешься не одна, у тебя есть Марики, ее муж, да еще такой покровитель и советчик, как Марков.

– Опять ирония?

– Это не ирония, а подлая реальность, – он тяжело вздохнул. Через несколько дней Назаров исчез.

Из его авантюры ничего не вышло. Ольга Александровна узнала об аресте мужа на четвертый день после его отъезда. Вечером она возвращалась от Марики и, подходя к дому, заметила свет во всех окнах своего жилища. У крыльца стояла закрытая машина, рядом дежурил милиционер. В квартире трое в кожаных куртках допрашивали кухарку Ильиничну. Она бесстрашно обзывала их «нехристями» и проклинала. Дом был перевернут: шкафы открыты и выпотрошены, пол завален книгами, газетами, бельем и прочими вещами. Посреди гостиной стоял дорожный чемодан, набитый бумагами и письмами.

– Вы жена Назарова? – спросил один из кожаных.

– Да, – ответила Ольга Александровна как можно спокойнее.

– Я следователь ЧК Гельфанд, расследую дело вашего мужа. Он задержан при попытке перейти границу с чужим паспортом, выданным на имя польского гражданина. Еще у него обнаружены документы контрреволюционного содержания. Что вы можете сказать по этому поводу? Вам должно быть известно, куда направлялся ваш муж. Говорите правду, иначе будете привлечены к ответственности за соучастие.

– Мне нечего вам сказать. Муж никогда не вел со мной провокационных бесед. Уезжая, он сказал, что едет на несколько дней в провинцию по делам своих бывших клиентов. Быть может, он поехал искать нашего сына, офицера русской армии, о котором мы давно ничего не знаем.

– Почему же он вам не сказал об этом? – спросил Гельфанд.

– Видимо, не хотел меня волновать. Могу я увидеться с мужем?

– Нет.

– Что же мне делать?

– Пока живите, как жили. Когда понадобится, вас вызовут. А эти документы мы забираем как вещественные доказательства. Об аресте мужа помалкивайте, так будет лучше для вас.

Взяв чемодан, они ушли.

– Пропал наш барин! Пропа-а-ал! – горько причитала Ильинична.

– Да, и я чувствую беду. Боже, как страшно...

Всю ночь Ольга Александровна не смыкала глаз. Она перебирала пути спасения мужа, но ничего не могла придумать. На службу не пошла. Около девяти утра приехала в Наркомздрав, разыскала Маркова и все ему рассказала.

– Какое безумие! – всплеснул он руками. – В такое время! После покушений на Ленина и Урицкого, когда объявлен красный террор. Об освобождении, конечно, нечего и думать, но надо хотя бы узнать, что ему ставят в вину. Воспользуемся нашим знакомством с Поповой. Она не последний человек в ЧК. Сегодня же схожу к ней. Приходите сюда часам к шести вечера. К этому времени я постараюсь все выяснить.

Ольга Александровна молча пожала ему руку. В глазах у нее стояли слезы.

Вечером Марков рассказал о разговоре с Поповой:

– Она хорошо приняла меня, внимательно выслушала и обещала лично ознакомиться с делом. Я напомнил ей о роли Николая Николаича в ее судьбе. Она назначила вам прийти к ней на Лубянку послезавтра, к десяти утра. Вот пропуск. Будем надеяться.

– Спасибо вам, Иван Егорыч, я никогда не забуду вашего участия. Теперь я осталась одна. Сын пропал, дочь ушла, муж арестован – жизнь кончилась!

Марков горячо возразил:

– Ольга Санна, пока рано делать выводы. И вообще, может быть, ваша настоящая жизнь только начинается.

Войдя в кабинет, Ольга Александровна увидела сидящую за письменным столом молодую женщину. Это была та самая «террористка Попова», за которую она когда-то хлопотала перед мужем.

Назарова поздоровалась и назвала себя. Попова ответила кивком головы и жестом предложила Ольге Александровне сесть.

– Что я могу сделать для вашего мужа? – сухо спросила она.

– Помогите его спасти!

– Назаров – бывший помещик, домовладелец, кадет и наш классовый враг. Он всегда был против нас – и до Октября, и после. Участвовал в тайной политической организации, посещал лиц, находящихся под нашим наблюдением, сотрудничал с меньшевиками, эсерами, посещал английское, польское и даже немецкое посольство, очевидно, получая оттуда инструкции. Наконец, он бежал с фальшивым паспортом и был задержан при переходе границы. У него были найдены компрометирующие документы, в частности, письма генералу Деникину и гетману Скоропадскому. При обыске в вашей квартире обнаружена переписка с враждебными революции лицами и протоколы тайных заседаний кадетов. Вот его дело. – Попова указала на лежащую на столе папку. – Все проверено и доказано, ваш муж во всем признался, отказавшись выдать своих сообщников, что усугубляет его вину. Дело вашего мужа типично для представителей буржуазной интеллигенции. Вместо того чтобы быть лояльными, помогая родине в тяжелое для нее время, они занимаются контрреволюцией и служат нашим врагам. До времени мы были гуманны, но сколько можно терпеть! Убийство товарища Урицкого, следом покушение на Ленина – этого мало? На каждый удар мы ответим контрударом! Народ нас поддерживает. Мы звали и зовем всех к честному сотрудничеству, нам нужна интеллигенция. Но большинство господ продолжает саботировать и вредить нам, даже работая у нас и пользуясь нашим доверием.

– Я и моя дочь состоим на службе в советских учреждениях, а мой сын – офицер Красной армии, – сказала Ольга Александровна.

– Знаю, Марков мне сообщил. Он поручился за вас и ваших детей, вам ничего не грозит.

– Я не прошу о прощении, раз это невозможно, но лишь о снисхождении к мужу, о сохранении его жизни... – робко начала Ольга Александровна.

Попова поняла намек: адвокат Назаров в сходной ситуации помог смягчить приговор военного суда и этим спас ей жизнь.

Однако большевичку не тронул умоляющий взгляд Назаровой. Она спокойно ответила:

– Когда ваш муж защищал меня на процессе, у него в руках был козырь: мое несовершеннолетие. Мне было семнадцать лет. А что я могу предъявить в защиту вашего мужа? Некогда я действительно совершила преступление, убив ненавистного народу представителя царского режима. Но я была еще очень юной. А ваш муж, будучи уже взрослым, сознательным человеком, совершил преступление против народа. При всем желании я бессильна отплатить ему добром. Товарищ Дзержинский, вне сомнений, отклонит мое ходатайство, и я, как коммунистка, считаю, что это правильно.

«Боже, каким холодом веет от нее, совершенно ледяная женщина, – думала Ольга Александровна, слушая нотацию комиссарши, – ее сердце ничем не тронуть, да и есть ли у нее сердце?»

Но Попова задумалась. В памяти сама собой всплыла сцена прошлого, когда адвокат принес ей в тюрьму букет роз. Как радовали ее тогда их аромат и живые лепестки, к которым приятно было прикасаться щекой... И все же одно дело розы нюхать, другое – спасти революцию. Назаров опасен. Помолчав, она сказала:

– Единственное, что я могу сделать для вас, это разрешить проститься с мужем. Желаете?

Ольга Александровна поняла, что он уже осужден. Она молча кивнула, так как говорить из-за слез не могла.

Попова нажала кнопку звонка на столе. Вошел сотрудник.

– Проводите женщину к осужденному Назарову! – приказала она.

Сотрудник повел Ольгу Александровну по длинному коридору. Они спустились по лестнице в подвальный этаж и подошли к одной из комнат. Туда уже привели Николая Николаевича.

Он был в той самой «маскарадной» одежде, в которой, как ему казалось, его никто не узнает. Как ему, щеголю, всю жизнь носившему элегантные английские костюмы и фраки, пришлось в голову надеть эту нелепую куртку, выдававшую его с головой?

– Только проститься, никаких других разговоров! – буркнул конвойный, отходя в сторону.

Супруги крепко обнялись.

Ольга Александровна целовала лицо мужа, еле сдерживая рыдания.

– Николай, я ничего не смогла сделать! – шептала она. – Милый мой! Как же мы без тебя? Спасибо тебе за все, за твою любовь ко мне и детям. Мы никогда не забудем тебя, никогда! Прости меня за все!

– Прости и ты меня, Ольга, я причинил тебе столько горя, – говорил Николай Николаевич, прижимая ее к груди. – Спасибо тебе за все, за мое и наше счастье. Поцелуй детей и скажи им, что мои последние мысли были со всеми вами. Ничего не поделаешь, судьба...

Вошел конвоир и вывел Ольгу Александровну в коридор. Дверь за ней с шумом захлопнулась.

Часть II

Назаров и Рубинчик задержались в Каменец-Подольске – надо было подготовиться к предстоящим «гастролям». Юрий в темпе осваивал гармошку. Несколько дней они посвятили репетициям. Неутомимый Самуил составил обширный репертуар, уверяя, что с ним завоевать страну будет намного легче, чем при помощи артиллерии.

Наконец Рубинчик объявил:

– Завтра наш дебют. Будем выступать на постоялом дворе «Одесса», я уже договорился с хозяйкой заведения мадам Басей. Она моя землячка. Я сказал ей, что вы «наш».

Постоялый двор размещался в одноэтажном доме, включавшем, помимо трактира, несколько комнат для приезжих. Хозяйка, возможно, была когда-то привлекательной особой, но теперь ее лицо не спасали ни пудра, ни густые румяна, растекавшиеся в жару по щекам. От нее забористо пахло смесью пота с цветочным одеколоном, а в руке она держала пестрый веер.

В зале прислуживали две молодые хохлушки в цыганских костюмах. Гостей было много, в основном «сливки» местного сброда: сельские кулачки, приехавшие покутить и погулять с молодками, скупщики краденого, барыги, прямо здесь делавшие свой гешефт, и прочие подозрительные лица, которым лучше не попадаться на пустынной дороге.

Мадам Бася представила «артистов» как известных музыкантов из Киева. Назаров развернул гармошку, Рубинчик взялся за смычок. Вскоре веселый дуэт покориł шановную публику темпераментной музыкой южных провинций. В зале начали плясать – кто во что горазд: русский трепак, украинский гопак, польку-бабочку. Одни топали ногами в одиночку, другие кружились парами. «Цыганки» оказались не только расторопными официантками, но и задорными плясуньями. Извиваясь и звеня браслетами, они переходили из одних объятий в другие, а после за столом пересаживались с коленей на колени, не забывая заказывать вина и закуски. Веселые мелодии, стук сапог, табачный дурман, винный хмель – все слилось воедино. Назарову казалось, что даже потолок начал раскачиваться в такт гармошке.

– Ша! – вдруг оборвал музыку Рубинчик. – Пошли гонорар собирать, пока никто не смылся!

Взяв подносы, они обошли гостей. Сбор был хороший. Беда была в другом: деньги обесценивались с каждым часом. Утром эта сумма могла уже ничего не значить.

Счастливая Бася суежилась возле стойки, едва успевая разливать самогон собственного изготовления.

– Сема, Жора, вы заслужили похавать! – она хлопнула Назарова по спине.

Юрия передернуло от такой фамильярности.

– Шо я не так сказала за вас? – спросила она, заметив это.

– Да не берите в голову, мадам Бася, – подмигнул ей Рубинчик. – Просто маэстро привык, чтобы его называли интеллигентно – Жоржем.

Хозяйка привела их в отдельную комнату. Там уже был накрыт стол: жирная домашняя колбаса, каравай хлеба и бутылка мутного самогона. Рубинчик поровну разделил закуску и разлил по стаканам самогон. Ели молча. Жадно рвали зубами жилистую колбасу и наслаждались свежим хлебом.

Наскоро закусив, артисты вернулись в зал.

– Теперь играем лирику! – скомандовал Рубинчик. – Пусть поплачут.

Скрипка и гармонь зарыдали. Рубинчик затянул еврейскую песню «Город Бейнозой-рес» – горькую исповедь одесской девушки, ставшей жертвой соблазна и опустившейся до торговли своим телом.

Если кто в Одессу возвратится,

*Так скажите матери о том,
Что родная дочь ее томится
В нехорошем доме под замком.*

В зале стало тихо. По лицам текли пьяные слезы. Девушки, сидящие на коленях гостей, тоже присмирели, хоть и не забывали о главном: приносить наполненные самогоном бутылки взамен пустых. Расчувствовавшаяся хозяйка возле стойки целовалась с каким-то барыгой. Двое гостей пьяно «страдали», оплакивая свою загубленную молодость, пока одного из них не вырвало.

Другой посетитель жался к Рубинчику, бормоча сквозь слезы:

– Дорогой ты мой! Ты из меня душу вынул. Спасибо! Бери у меня все, что имею! Все отдам, ничего не пожалею! – он достал из кармана пачку «керенок» и сунул ее Рубинчику за пазуху. – Бери! У меня их вона! Скоро начну купюрами стены обклеивать...

Артисты снова обошли публику с подносом. Давали щедро, карманы обоих музыкантов были набиты кредитками.

– За слезы всегда хорошо платят, – деловито сказал Рубинчик. – Что ж, пусть и дальше рыдают.

Он затянул жалобную «Песню бездетного»:

*О Господи Боже, прости мой упрек,
За все то плохое, что в жизни было.
Мой голос услышь и в назначенный срок
Не дай бездетным сойти мне в могилу.*

Время перевалило за полночь. Деньги на поднос стали сыпаться реже – зал пустел, люди расходились. В стелку пьяных уносили в номера.

– Ну, как тебе? – спросил Рубинчик, когда они возвращались ночью домой.

– Чудесно! – ответил Назаров. – Публика шикарная.

– А мы? Тоже не из подворотни, – смеялся Рубинчик. – Будем сыты, пьяны и с деньгами. Главное, добраться до настоящей Одессы.

Каждый день артисты возвращались домой около трех часов ночи. Жили они в небольшой хибарке, рядом с кормилицей «Одессой». Выручку делили по-братски. Рубинчик ходил на базар, менял керенки на николаевские червонцы и драгоценности, создавая «золотой фонд». Они зашивали золото за подкладку гимнастеров и галифе.

Однажды Рубинчик сказал:

– Пора уносить ноги, не то нас мобилизует Петлюра. Чую запах пороха.

Уйдя из Каменец-Подольска, они продолжали «гастролировать» в кабаках и притонах Проскурова, Жмеринки и прочих местечек, лежавших на пути к морскому порту. Публика везде была одинаковая, жилось вольно и сыто.

Наконец прибыли в Одессу.

– Одесса-мама! – радостно воскликнул Рубинчик, завидев море.

Остановились на окраине, в захудалой еврейской гостинице.

Назарову Одесса не понравилась: всюду вонь, грязь, крысы, на рынке – страшная дороговизна. Жизнь города держалась на трех китах: безработице, бандитизме, спекуляции.

Рубинчик смотрел на свою родину другими глазами:

– Одесса – чудный город, русская Америка! Здесь можно не работать и шикарно жить, надо только шевелить мозгами. Главное – знать, где и что можно дешево купить, а потом выгодно продать. Здесь кругом «наши». Видишь, улица Дерибасовская – какие гостиницы, кафе, магазины! А что за народ: греки, армяне, евреи – все коммерческие люди! Вот на этом

самом месте, – Рубинчик ткнул пальцем в фонарь на перекрестке, – я торговал газетами, когда был мальчишкой. А в том кафе продавал все, что можно продать: золото, папиросы, сахар, муку. Но все же, согласен, не та уже Одесса. Толкнуть триста граммов сахара теперь считается хорошим гешефтом.

– Где ж мы будем работать? – спросил Назаров.

– Ясно, что не на Дерибасовской – туда нас пока не пустят. У нас с вами другая публика, мы ведь «народные» артисты. Да и не больно-то разживешься с пьяных офицеров.

Они спустились к одной из портовых улиц и увидели старый, почерневший от копоти двухэтажный дом с вывеской «Ресторан Парагвай». Хозяева – старик и старуха, оба евреи – встретили их приветливыми улыбками.

– Шолом, ветхозаветные! Имеете музыку для танцев? – спросил Рубинчик.

– Унзер публикум либт лустиге музик⁹, – сказала старуха.

– Зер гут! – подмигнул он Юрию.

В тот же вечер они вышли к публике. Посетителями «Парагвая» были матросы, портовые грузчики, проститутки, мелкие спекулянты, контрабандисты, воры и прочая одесская шпана. Здесь часто случались драки. Публика была грубая, приходили главным образом потанцевать.

Заработки пошли хорошие. Рубинчик по-прежнему крутился среди барыг, добывая золото.

Так прошло несколько месяцев беспечной жизни. С севера доходили тревожные слухи о том, что к городу приближается война. Однажды утром на рейде появились корабли союзников.

Началась высадка французской и греческой пехоты, а также артиллерии и танков.

Рубинчик ликовал:

– Наконец-то! Как видим, Турция и Болгария капитулировали. Стало быть, Константинополь открыт, и надо скорее бежать из мышеловки, пока нас не погнали на север на этих же танках.

Через пару дней он объявил:

– Ночью уходим с контрабандистами. Я уже сторговался с капитаном шхуны. Лишь бы море было спокойным.

– А нас не накроет портовая полиция? – усомнился Назаров.

– Будьте спокойны, Самуил Рубинчик уладил все вопросы. Полиция будет смотреть вот так, – он подмигнул Юрию из-за растопыренной пятерни.

Назаров понимал, что Рубинчик лучше него ориентируется в житейских делах, главное, он энергичен, предприимчив, не склонен к унынию. Юрий во всем полагался на своего боевого товарища, не претендуя на лидерство. В свою очередь, Рубинчик ценил деликатность Назарова и не требовал от него невозможного. Каждому свое.

Поздно ночью на окраине Одессы от берега бесшумно отчалила лодка, в которой, кроме Рубинчика и Назарова, находились две молодые женщины и два контрабандиста. На веслах сидели матросы. Лодка подплыла к двухмачтовой шхуне, стоявшей на якоре. Пассажирам помогли подняться на палубу, а затем велели спрятаться в трюме, набитом какими-то тюками, ящиками, бочками. Они как могли разместились вшестером на грязном брезенте. Затарахтел мотор, шхуна вышла в открытое море.

Был штиль, судно шло легко. Беглецы всю ночь лежали молча, силясь хоть немного поспать. Лишь наутро перезнакомились и весь день провели в оживленной беседе. Душой компании был Рубинчик. Оказалось, что их спутницы завербованы в публичные дома Галаты. Женщины вслух мечтали о богатых иностранцах, за которых надеялись выйти замуж.

⁹ Наша публика любит веселую музыку (*идиши*).

Назаров почти не принимал участия в общей беседе, прислушиваясь к шипению морской пены. Через иллюминатор едва просматривались берега, по всей видимости, Румынии или Болгарии. На душе у него было муторно, как после многодневного пьяного загула. Он не был уверен, что сделал правильный выбор, отправившись в добровольное изгнание.

Самуил не скрывал ликования: вот она, легендарная столица древней Византии – Константинополь-Царьград-Стамбул! Даже Назаров приободрился.

А город встретил пришельцев с презрительным равнодушием. С первых шагов стало ясно: здесь они чужаки, чье присутствие если и не портит ландшафта, то и не прибавляет к нему ничего интересного.

Предприимчивый Рубинчик сразу же отправился на поиски «своих», чтобы обменять остатки «золотого запаса» на деньги. Назаров остался ждать на набережной. Он сидел на берегу Босфора и молча потешался над собой, приплывшим в поисках счастья туда, где даром никому не нужен со своей дешевой гармошкой. Ехал гость к меду, да пить ему воду. Для полноты абсурда впору было развлечься русской рулеткой, но, слава богу, с ним Самуил Рубинчик, а это не хухры-мухры, не фиш на блюде.

Они сняли комнату в дешевой гостинице близ Галатского моста и, чтобы не привлекать внимания полиции, купили себе красные фески.

Юрия поразило, что на берегах Мраморного моря сохранилось столько артефактов, свидетельствующих о былом величии империи. Причем не только живописные руины, но вполне пригодные к использованию сооружения дотурецкой эпохи. С чувством праведного гнева он взирал на собор святой Софии, ныне плененный полумесяцем, и на другие православные храмы, превращенные в мечети. Первые шаги по историческому граду стали назидательной притчей о бренности славы, изменчивости судьбы и порочности гордыни. Кто только не мечтал об этом великом городе, лежащем ныне у ног победивших союзников.

Смесью ароматов, великолепием пейзажей, пестротой, контрастами, разноголосицей Стамбул удивлял, подавлял и очаровывал. Турки носили фески, их женщины прятали лица за полупрозрачной паранджой; тут же мелькали европейские цилиндры и фасонистые шляпки, грузинские сванки, армянские колозы, а также все виды папах и кепок. Среди этого многообразия выделялись черные широкополые шляпы и сутаны представителей католических конгрегаций. Головы мусульманского духовенства покрывали чалмы, а длинноволосые, бородатые греческие священнослужители носили плоские скуфейки и просторные рясы, тоже черные. С надменностью победителей офицеры союзных армий с помощью стеков расчищали себе путь в толпе. Из ресторанов и буфетов, а также от уличных жаровен и лотков исходил пряный аромат восточной кухни. Казалось, это не город, а гигантский базар, где все желают что-нибудь купить или продать. Во внешнем смещении Востока и Запада чувствовалась скрытая непримиримость.

Рубинчик и Назаров пришли в европейскую часть Константинополя. На главной улице Гранд рю де Пера, или просто Пера, располагались магазины, отели, рестораны и кофейни. Здешняя публика разительно отличалась от той, что была на другом берегу залива. Дамы носили элегантные платья, а мужчины – дорогие костюмы и смокинги.

Рубинчик послал воздушный поцелуй вслед сверкающей никелем машине.

– Видел, Назаров, какая мадам в авто? Эх... Мы начнем концерттировать в другом месте. Ни одежды наши, ни репертуар не тянут на внимание этой публики. Думаю, необходимо разучить несколько вальсов и фокстротов. Гопак, трепак и польку-птичку временно сдадим в архив. Уверен, здесь нас ждет удача, мы парни фартовые.

Они зашли в музыкальный магазин и купили ноты. Пообедав в греческом ресторане, вернулись в Галату. Назаров был шокирован увиденным: в открытых окнах нижних этажей стояли полуголые женщины всех возрастов и рас. Совершенно не стесняясь, они зазывали мужчин и

громко торговались с ними. Публичные дома занимали целые кварталы. В барах и дансингах стонал джаз – гуляла матросня. Все знали, что здесь находятся рынки «живого товара»: из Восточной и Центральной Европы контрабандисты везли сюда завербованных женщин, которых потом переправляли в публичные дома Южной Америки. Тут же отирались представители криминала: контрабандисты, воры, грабители, убийцы. В Галате они дома, так как полиция обходит ее стороной. Бок о бок с криминальной Галатой процветала Галата деловая: конторы и склады европейских и местных купцов, преимущественно армян и греков.

Шагая в гостиницу, они увидели на вывеске одного из баров до боли знакомое слово – «Одесса».

– И здесь Одесса-мама! – хлопнул в ладоши Рубинчик.

Войдя, они сразу же очутились перед деревянной стойкой, за которой сидел пожилой еврей.

– И что, вы будете из одесских жидов? – вежливо поинтересовался Рубинчик. – Вы наши или мы ваши?

– Наши – ваши! – кивнул хозяин.

– Мы известные в Одессе музыканты: Жорж и Самуил.

– А меня называйте «дядя Изя».

Рубинчик принялся убеждать дядю Изю в необходимости хорошей музыки для процветания его заведения.

– У нас уже была парочка музыкантов. Одному проломили голову, другому расквасили нос, – предупредил хозяин.

– Кто же это сделал? – возмутился Рубинчик.

– Что за вопрос! Гости, конечно. Все зависит от таланта.

– Дядя Изя, мы не жиганы с Большого Фонтана и не зарабатываем на жизнь дешевыми куплетами типа «Жил на свете Хаим, никем не замечаем». Мы не поем «Майн тохтер Суркеле гуляет с уркеле»...

– У вас есть барабан? – деловито осведомился хозяин.

– Нет, только скрипка и гармошка.

– Мало! Для джаза необходим барабан. Ладно, я одолжу вам свой. Один из гостей расплатился им за ужин.

– Теперь обсудим за гонорар, папаша Изя. Имейте в виду, мы артисты мирового уровня. В родной Одессе мы играли в самых лучших заведениях, – привычно заливал Рубинчик.

– Гонорар известный – все, что гости положат на вашу тарелочку. От себя мы присовокупляем ужин.

– С вином?

– Без вина.

– Не согласны! Каждому по пол-литра салагоса.

– Ладно. Что касается девочек, то вы сами с ними договаривайтесь.

– За девочек пока не время. Надеюсь, они потерпят.

Когда вышли из бара, Рубинчик сказал:

– Пока все идет как надо. А теперь я поведу вас в Стамбул. – он развернул ладони, как делают магометане, когда молятся.

Полюбовавшись заливом Золотой Рог, они прошли по Галатскому мосту и очутились в мусульманской части города. Рубинчик водил Юрия по грязным кривым и узким, как ущелья, улочкам. Назарова удивило, что ни в одном из домов не было наружных окон. Наконец они вышли к площади, которая среди каменного однообразия слепых стен выделялась наличием двух мечетей. Одна из них – бывший православный храм Карие, когда-то считавшийся архитектурным чудом Византии. Он был построен в VI веке и принадлежал греческому монастырю. Осмотрев памятники, потопали назад. Когда шли через Босфор, то обратили внимание, что

дула всех орудий на кораблях союзников направлены в сторону беломраморного дворца султана Мехмеда.

– Не завидую я правителю правоверных, – усмехнулся Рубинчик.

Весь вечер и большую часть ночи приятели разучивали новую музыку. Соседи раздраженно стучали в стену и громко ругались, но они не обращали на это внимания. Спать из-за полчищ клопов все равно было невозможно. К утру они худо-бедно сформировали новый репертуар.

На следующий день к пяти часам пришли в «Одессу». Бар был небольшой. Посетителей обслуживали три хорошенькие официантки – две гречанки и армянка. Девушки были в длинных платьях, а хозяин – в смокинге с засаленными реверсами. Его супруга в старомодном вечернем платье и фальшивых бриллиантах ходила по залу, раздавая указания. За столиками сидели только несколько американских матросов, по-видимому, ухажеры официанток.

Когда Рубинчик и Назаров начали играть, хозяин приказал открыть все окна. Через час зал был полон. Посетители танцевали, пили, громко переговаривались, стараясь перекрыть друг друга. Официантки еле успевали разносить горячительные напитки, преимущественно виски. В течение вечера музыканты несколько раз обошли гостей с тарелочками.

– Вот это барыш – валюта! – радовался Рубинчик, подсчитывая выручку.

Поздно ночью он делился с Назаровым своими планами:

– Через год откроем свое заведение и женимся на еврейках-эспаньолках. Это такие женщины – огонь до самой печенки, не то что польские жидовочки. Наши жены встанут за стойку, а мы будем хилить джаз. Публика станет носить нас на руках. Э-э, а как мы назовем свое заведение?

– «У Семы и Жоржа».

– Ну-у, что это за название! Назовемся как-нибудь по-испански: «Кармен» или «Кармен-сита». Матросы любят такие слова. Наши официантки будут одеты а-ля Кармен. Заманчиво? А еще через несколько лет откроем дансинг «Галла на рю де Пера». Там уже будет играть настоящий оркестр, который мы наймем, а сами в модных смокингах, как настоящие джентльмены, будем прогуливаться меж гостей и курить сигары. Шик?!

– Ну а дансинг как назовем?

– Например, «Амбассадор» – красивое слово. В переводе значит «посол». Публика, в общем-то, будет та же: воры, спекулянты, аферисты, шлюхи, только из высшего общества – элита, которую поддерживает правительство и защищает армия.

Дела в баре шли замечательно. Музыка публике нравилась, и заработки были приличные. Назаров и Рубинчик приоделись, сняли квартиру. Им уже казалось, что они живут в Константинополе годы.

Но период благополучия рухнул в одночасье.

Однажды к столику музыкантов, стоявшему на небольшом возвышении, подсели два latinoамериканца, которых обслуживал сам дядя Изя.

Один из парней спросил:

– Когда я получу моих девочек?

– Когда захочешь, – ответил хозяин.

– Завтра отходит мой пароход.

– А я возражаю?

– Ты уже говорил с ними?

– Э-э, уговаривай сам, я лишь согласился расстаться с ними. Дядя Изя подозвал к столику двух официанток.

– Ну как, красавицы, вы готовы переплыть океан в поисках любви? – обратился к ним один из гостей.

– Нам и здесь хорошо, – бойко ответила одна из девушек.

– Разве хозяин вам ничего не говорил?

– А что он должен нам сказать?

Сутенер покраснел от ярости и пошел на дядю Изю: – Надуть нас решил? Не на тех напал! За обеих уплачено! Его напарник тоже встал и принял угрожающую позу.

– Гони назад деньги, шкуру спустим!

Папаша Изя сделал вид, что струхнул, и заскулил:

– Я при чем! Они сначала хотели, потом передумали. Пусть сами платят!

– Ах, так! Ну, держись, плешивый!

Латиноамериканец вырвал у Рубинчика скрипку и ударил ею дядю Изю по голове. Тот упал.

– Убили! – завизжала хозяйка.

На помощь ей бросились американские матросы.

Публика моментально разделилась на два лагеря, началась драка. В пылу сражения крушили мебель, били посуду. Музыкальные инструменты разнесли в щепки. Рубинчик и Назаров едва успели выпрыгнуть через окно на улицу и бросились наутек. Сзади доносились свистки полицейских и пьяная ругань. Выбившись из сил, они присели на какую-то плиту, как оказалось, могильную – ноги принесли их к заброшенному кладбищу.

– И они называют свой поганый бордель «Одессой»! Дикари. Хорошо еще, нас не убили, а главное – полиция не замела. Без документов нас запросто могли упечь в катажалку. К сожалению, наша музыкальная карьера на этом закончилась.

– Чем же мы теперь будем жить? – без особой тревоги спросил Назаров, уверенный, что в голове неутомимого Самуила полно гениальных идей.

Он был прав: находчивость снова не подвела Рубинчика.

– Будем торговать с лотков на Галатской лестнице, – немного подумав, сказал он. – Очень хорошее место. Начнем с дамских чулок и парфюмерии – файновый товар, ведь для женщин нет ничего важнее этого. Тут у меня есть один знакомый, он поможет нам, даст кое-что в кредит. Не унывайте, Юрь Николаич, через год мы будем иметь свой магазин на Пер. Все американские миллионеры начинали свой гешефт с лотка, и Рокфеллер, и Морган, и другие. А ведь они даже не были одесситами.

На одной из площадок Галатской лестницы, несмотря на дождь, шла оживленная торговля. Рубинчик призывал дам делать покупки.

– Последние парижские новинки! Двадцать процентов скидки! Начинайте беспокоиться сейчас, любезные барышни, чтобы не иметь потом жестоких сожалений!

«Двадцать процентов» производили впечатление. Женщины слетались на этот призыв, как мотыльки на свет. Рубинчик, разыгрывая благодетеля, со вздохом и прибаутками уступал в цене. Лоток быстро пустел, и он шел за следующей партией товара.

Вечером он, смеясь, рассказывал Назарову о своих коммерческих успехах, ведь товар был фуфло, духи он вообще разбавлял спиртом.

У Юрия все обстояло иначе, он почти ничего не продал.

– Рубинчик, я не могу надувать людей, – оправдывался он.

– Надувать? – опешил Рубинчик. – На этом стоит вся торговля! По-вашему, я должен быть разборчивее Бога? Посмотрите, кому Он дает деньги!

– А что если вас завтра побьют?

– Значит, такова селяви. Лишь бы не стать шнорером – нищим, по-нашему. Мы в Константинополе, Назаров, здесь все друг друга надувают.

– А я хочу просто работать.

– Ах, «просто работать», что ж, попробуйте.

На другой день Назаров пошел в Галатский порт. На одном из причалов разгружали греческий пароход. По длинному трапу гуськом бежали турецкие хамалы, согнувшись под тяжестью мешков с мукой. Пожилой капитан лично наблюдал за их работой, покуривая трубку.

Назаров подошел к нему и сказал, что ищет работу.

– Одна лира! – ответил капитан, указав трубкой на хамалов.

Юрий таскал мешки до захода солнца. По окончании работы, потный и усталый, подошел к капитану, чтобы получить свои деньги, но тот дал только семьдесят пять пиастров. На протест Назарова капитан не ответил, просто повернулся к нему спиной.

Жаловаться было некому.

– Вот вам и честный труд! – торжествовал Рубинчик. – Лучше принимайтесь завтра снова за наш гешефт. Хоть пуп не надорвете.

– Попробую найти работу в другом месте. Я слышал, на азиатском берегу можно заняться рыбной ловлей.

Рубинчик смотрел на товарища с искренним сочувствием:

– Будете надрываться целый день за две тощие кефали?

Назаров не ответил.

Утром следующего дня маленький шаркет доставил его в Скутари – небольшой городок, расположенный напротив Константинополя. Здесь воды Мраморного моря сливаются с Босфором.

Дорога заняла около часа. Был прекрасный солнечный день. Над морем носились стаи чаек, то и дело ныряя за добычей, видимо, шли косяки мелкой рыбешки. Стоя на берегу, Назаров любовался открывшейся панорамой Константинополя и курил. Не верилось в реальность происходящего. Бросив окуроч, пошел искать рыбаков. Вскоре встретил двух турок, укладывавших в лодку сети.

– Салам алейкюм! – поздоровался он.

– Алейкюм салам! – ответили ему.

Затем он стал говорить по-французски. Они его понимали.

– Я русский, ищу работу, – объяснил Юрий.

Турки улыбнулись, сверкнув белыми зубами, и одобрительно похлопали его по плечу.

Он помог им погрузить снасти. Потом все трое сели в лодку и поплыли на середину пролива. Закинув сеть, вернулись на берег. Теперь можно было покурить. Турки достали свои трубки и начали неторопливый разговор, мешая французские и турецкие слова. Где не хватало слов, обходились жестами. Назаров понял, что они искали третьего компаньона и теперь считают, что сам аллах привел его к ним. Они пригласили его выпить кофе и повели к бедной хижине, сколоченной из старых досок, фанеры и кусков ржавой жести. Пустырь вокруг жилища был огорожен колючей проволокой. Во дворе стояли шесты для сушки сена. Пригнув головы, через узкую дверь вошли в дом. Посреди комнаты прямо на земляном полу стояла маленькая железная печь. В углу лежали сложенные горкой матрацы, а вдоль стен были разложены циновки.

Один из мужчин настругал щепок и растопил печь. Когда разгорелся огонь, он поставил на него медный кофейник с длинной ручкой. Все уселись на циновки, поджав под себя ноги. Вскоре закипел кофе. Разлив напиток по маленьким чашечкам, они продолжили начатую беседу. Назаров понял, что турки предлагали ему работать с ними, жить в этой хижине и делить все поровну. Они рассказали, что раньше их было трое, но один из компаньонов на днях утонул, у него было слабое сердце. Юрия тронула доверчивость этих людей, но он не торопился с ответом. Примерно через час они снова вышли в море.

Работа была тяжелой. Вымокли с головы до ног, а поймали ведро кефали. Сеть закинули снова, через три часа опять вытянули. Так рыбачили до заката. Результат улова – каждому по ведру рыбы.

Назаров великодушно отказался от своей доли.

– Вся рыба ушла из Босфора в море. Кисмет¹⁰... – виновато сказал рыбак.

– Завтра пойдем в море, да поможет нам аллах! – поддакнул второй.

Голодный и промокший Назаров возвращался ни с чем. Он был зол на себя и на судьбу. Напротив него в шаркете сидел старик в сутане и шляпе, уткнувшись в молитвослов. Спустя какое-то время священник закрыл книгу и обратился к Назарову по-французски:

– Мне кажется, вы – русский?

– Как вы догадались?

– По вашему лицу. До войны я не раз бывал в России, у меня там много друзей. Чем вы занимаетесь в Константинополе?

– Можно сказать, ничем. Сегодня вот рыбу ловил.

– Так начинали апостолы. Сначала ловили рыбу, а потом стали ловцами человеков, – улыбнулся священник. – Если вам понадобится помощь, зайдите ко мне. К сожалению, должен проститься, я уже дома. До свидания.

Он протянул Назарову визитную карточку.

Шаркет причалил к пристани в Изнике. Попутчик сошел на берег.

«Пресвитер Иероним», – прочел Юрий на визитке.

Вернувшись домой, он рассказал Рубинчику о своей неудачной рыбалке и знакомстве с пастором.

– Что касается рыбалки, то я наперед знал, что это ерунда, – сказал Рубинчик, – а вот падре из шаркета – дело серьезное. Вы можете стать попом – очень выгодное занятие.

– Ну какой из меня поп, Рубинчик?

– Такой же, как и все другие. Не все ли равно, как обманывать людей.

– Я никого не собираюсь обманывать.

– Тогда другие обманут вас. Во всяком случае, если вас приглашают, то надо пойти – это хотя бы вежливо.

– Пожалуй...

Шаркет доставил Назарова в маленький городок Изник на берегу Малой Азии. В 325 году здесь собирався Первый Вселенский Собор, осудивший ересь Ария. В то время город назывался Никея. На том месте, где отцы Церкви формулировали вечные христианские догматы, теперь из земли выступали только поросшие травой развалины.

Назаров быстро нашел католический монастырь и позвонил в садовую калитку. Ему открыл молодой монах, который привел его в скромно обставленную приемную и попросил подождать.

– Я доложу отцу настоятелю, – сказал он по-французски.

Вскоре монах вернулся и сообщил, что настоятель приглашает гостя в свой кабинет. Они прошли через узкий коридор. В комнате с атласными гардинами за массивным письменным столом сидел вчерашний попутчик.

– Рад вас видеть, дорогой рыболов, – приветливо сказал отец Иероним, пожимая Назарову руку. – Рыбаки – самый почтенный народ, ведь когда-то они основали Церковь. Присаживайтесь, мой друг.

Юрий сел в жесткое кресло.

– Давайте так: сначала вы расскажете о себе, а потом я расскажу вам о нас.

Назаров поведал о своей жизни в России, а также о том, почему пришлось покинуть родину. Священник слушал его с сочувствием.

Затем сказал:

¹⁰ «Кисмет» в исламе – судьба, участь, предопределенность, рок.

– Да, это трагедия, но она поправима, если вы найдете цель жизни. Без духовной цели жизнь вообще не имеет смысла, ибо все преходяще, вы это знаете. Вы много пережили, юноша, и я хотел бы по-христиански помочь вам. Как я уже говорил, мне приходилось бывать в России: в Петербурге, Москве, Киеве. Я был молод, работал в архивах, имел много друзей среди ученых. В России был даже издан один из моих научных трудов. Наш орден объединяет ученых монахов, мы изучаем историю Византии и всех Восточных церквей. Наша цель – доказать их историческую связь с Римской церковью. Вы же знаете, что до начала XI века была только одна вселенская Церковь, возглавляемая Римом. Интриги византийских императоров и патриархов разрушили это единство, создав схизму. Древняя Киевская Русь до XI века принадлежала лону католической церкви, хотя и не имела с ней постоянной связи. Ее святые: Владимир и Ольга – это и наши святые. Дочь Ярослава Мудрого Анна была замужем за французским королем. На славянском Евангелии, привезенном ею во Францию, присягали короли в Реймском соборе, вступая на трон. Мы на идейном уровне работаем за воссоединение всех восточных церквей с Римом и молимся об этом каждый день. С этой целью нами созданы миссии на Балканах и в Малой Азии. При них открыты начальные и средние школы, в которых учатся христианская молодежь. При нашем монастыре тоже имеется семинария, в которой обучаются славяне, среди них есть несколько ваших соотечественников. Срок обучения – четыре года. Если пожелаете, мы и вас туда зачислим. Семинаристы живут при монастыре, на полном пансионе. Мы готовим будущих пастырей-миссионеров. По окончании семинарии вы будете рукоположены в священный сан восточного обряда. К тому времени, будем надеяться, безбожная власть в России падет, и вы сможете вернуться на родину в качестве апостола единой истинной церкви, чтобы помочь своему народу найти верный путь ко Христу.

– Благодарю вас, отец Иероним, но меня не интересует религия. Пожалуй, я могу назвать себя атеистом. Простите, если огорчаю вас.

– Это беда нашего века. Что ж, не стану вас уговаривать, раз вы не чувствуете призвания к апостольской деятельности. Однако что-то мне подсказывает, что истина откроется вам позже. Мне хочется вам помочь. Зайдите ко мне послезавтра в одиннадцать утра. У меня в гостях будет человек, который, возможно, даст вам временную работу, а там посмотрим.

– Благодарю вас, отец Иероним, я приду, – сказал Назаров, вставая.

Вечером, когда Рубинчик вернулся домой, Юрий рассказал ему о своем разговоре с настоятелем монастыря.

– И вы отказались! – схватился за голову Рубинчик. – Четыре года курортной жизни в монастыре, никаких забот...

– Но я вовсе не собираюсь идти в попы.

– А кто за это говорит? Вот послушайте анекдот. Сидел как-то ночью бородатый еврей над Талмудом и читал при свете свечи. Дошел до места, где сказано: «Бородой богат – умом беден», а рядом пояснение талмудиста Раши к этому месту: «Человек с густой бородой – болван». Поглядел бородач на свою бороду и стал размышлять: «Как быть? Остричь – Тора не позволяет, оставить – правда наружу выходит». Думал-думал и придумал. Поднес к бороде горящую свечу. Пламя вспыхнуло, борода сгорела, но вместе с нею обгорело и лицо. Глянул еврей в раскрытый Талмуд и приписал на полях: «Проверено и доказано». – Рубинчик громко расхохотался. – Ты, Юрь Николаевич, только отрасти бороду, а жечь не придется. Просто сбреешь, когда придет срок.

– Ну не могу я, Самуил, совесть не позволяет лицемерить.

– Святая наивность! Но за наивность я тоже знаю притчу. В дом к учителю Торы пришла перемазанная сажей женщина и спросила: «Раби, что мне приготовить сегодня на обед?» – «Иди домой и свари лапшу», – ответил он. Когда женщина ушла, раби сказал ученикам: «Сдается мне, что эта простодушная женщина – кухарка. Когда она спросила у хозяйки, что гото-

вить на обед, та ответила: “У раби своего спроси!” Вот она и пришла». Юрь Николаич, совесть обременительна. Мало ли чему вас учили в гимназии.

– А у нас говорят: где ум не осилит, там и хитрость не возьмет. Рубинчик понял, что лучше сразу голым задом в крапиву, чем убеждать Назарова, и сменил тему:

– Уже появились беженцы из Одессы и Крыма. Хорошо, что мы вовремя удрали. Я начал скупать у них вещи и драгоценности – это шикарный товар, на нем я поднимусь. Советую и вам, Юрь Николаич, не терять времени. Фарт не любит медлительных.

Назарову надоели уроки Рубинчика. Он признавал за ним изворотливый бойкий ум, знание человеческой психологии, оптимизм, но, в общем-то, они были людьми разной модальности. Он решил, что больше не может пользоваться чужим умом, следовательно, придется самому думать, как жить дальше. Пора было кардинально все изменить.

После ужина уставший за день Самуил быстро заснул, а Юрию не спалось. Из головы не выходили сообщенные Рубинчиком новости о России. Он тревожился о семье. Константинополь ему осточертел, но без денег, документов и визы нечего и думать о Европе. Рубинчик о переезде в Париж уже не помышляет, ему и здесь хорошо.

Назаров явился в монастырь к назначенному часу. Кроме отца Иеронима, в кабинете сидела дама лет двадцати пяти – тридцати в роговых очках, элегантном сером костюме и бордовых туфлях. Женщина без смущения оглядела вошедшего с головы до ног.

Отец Иероним представил Назарова, сообщив, что он русский, из хорошей семьи, образован, умен и может быть ей полезен.

– Меня зовут Лилиан Смит, журналистка из Соединенных Штатов Америки, работаю в журнале «Мир и человек», – сказала незнакомка, протягивая Назарову руку, которую он учтиво поцеловал. – Можете называть меня по имени. И я вас, если не возражаете, буду называть просто Джордж.

– Я к вашим услугам, мисс.

– Мой журнал интересуется русским вопросом. К сожалению, мне не хватает исторических знаний, чтобы разобраться в современной политической обстановке. Людям Запада трудно понять русских, которые веками испытывают мощнейшее тяготение к мистике, но, несмотря на это, отвергли религию. Мне нужен консультант. Вы согласны стать им, мистер Назаров?

Она сняла очки, и Назаров увидел, что у американки серые глаза и крашенные ресницы.

– Я готов попробовать, мисс Лилиан.

– Значит, договорились. Отец Иероним, благодарю вас.

Настоятель слегка поклонился в ответ.

– Буду ждать вас завтра между девятью и десятью часами в кафе гостиницы «Токатлиан» на Пер, – сказала американка Назарову.

На следующее утро, ровно в девять Юрий сидел в «Токатлиане», пил кофе и читал свежую прессу. Вскоре пришла Лилиан.

– Что пишут? – спросила она.

– Везде одно и то же: Кемаль, греки, большевики.

Лакей принес ей завтрак и кофе.

– Здесь говорить удобнее, чем в монастыре, – сказала она, намазывая джемом булочку. – Меня направил туда один французский журналист, узнав, что я интересуюсь Византией. Греки сейчас претендуют на восстановление былой империи и ведут войну в Малой Азии. Отец Иероним любезно разрешил мне пользоваться монастырской библиотекой, но у меня на это нет времени. Я журналист, а не книжный клоп. Вчера заказала монахам несколько статей по истории Византии, они напишут лучше меня. Теперь поговорим о вас.

Лилиан вынула из сумочки портсигар и протянула Назарову. Поблагодарив, он взял сигарету. Она тоже закурила.

– Я уже говорила, меня интересуют русские. К примеру, вы можете сказать, как появились термины «красные» и «белые»?

– Охотно объясню, мисс. В старой России были еще и «черные» – так называемые «черносотенцы». Красные – это революционеры. Черные считались консерваторами, а красных сначала даже за либералов принимали. Во время гражданской войны появились еще и «белые» – это те, кто не принял новую политику и восстал против большевиков. Они назвали себя «белыми», претендуя на нравственную чистоту своих политических риз.

– Понимаю, – сказала Лилиан. – Не думаете ли вы, что если в России укоренится большевизм, то впоследствии весь мир может разделиться на два лагеря – белых и красных?

– Кто знает, может, так и будет.

– Американцев это не радует. У нас своя идеология, цель которой – гуманизм. Даже капитализм у нас особенный, с элементами филантропии. Например, по инициативе Рокфеллера создан благотворительный фонд для помощи бедным. Именно из гуманизма мы сейчас кормим пол-Европы. Разве это не благородно?

– Еще бы, мисс.

– Прочтите биографии миллионеров – все они вышли из низов. Нам революция не нужна! – разошлась американка. – Вскоре наступит новая, глобальная американская эра, и весь мир последует нашему примеру. Нет, красная звезда никого не соблазнит. Что сулят красные? Рабочую казарму! А люди хотят свободы. Вы согласны, Джордж?

– У кого есть деньги, тому нигде не скучно, мисс. Мне, например, довольно тоскливо живется, хотя свободы навалом. Вот если бы иметь хорошую работу, тогда и жизнь не казалась бы неудавшейся...

– Согласна, остаться без родины и без работы ужасно, – перебила его американка. – Но к делу! Мне нужен чичероне, но предупреждаю, это работа временная – пока я здесь. В любой момент журнал может послать меня в другую страну, поэтому я не могу брать на себя обязательств. Мои условия: стол, комната в отеле и сто турецких лир на карманные расходы. Будете жить в «Токатлиане». Работы будет много. Вы должны все время находиться в полном моем распоряжении. Согласны?

– Охотно принимаю ваше предложение, мисс. Мне это интересно.

– Журналистика – действительно живое дело, – Лилиан сняла очки и, глядя Юрию в глаза, сказала: – На всякий случай должна вас предупредить: не думайте, что у меня какие-то планы на вас. Наши отношения будут сугубо деловыми, мистер Джордж.

– Ничего другого я и не предполагал, мисс Лилиан.

– Еще один вопрос, необходимый для нашего сотрудничества: вы умеете танцевать новые американские танцы?

– Не умею, мисс.

– Очень жаль. Без джаза теперь никуда. Знание новых танцев – первый признак светского лоска. Ничего, научитесь. При «Токатлиане» есть школа танцев. Заведует ею одна очень милая дама. Я с ней договорюсь.

– С удовольствием буду учиться, мисс.

– Ответьте прямо, мистер Джордж. Это весь ваш гардероб?

– Есть еще кремовая тройка, мисс.

– Вам необходимо приобрести еще два костюма, смокинг, пальто, плащ, хорошую обувь и прочие необходимые для мужчины вещи. Я помогу вам, так как это понадобится для работы.

– Я не могу принять все это.

– Почему?

– Мужчина должен обладать чувством собственного достоинства. Это важнее платья.

Лилиан рассмешило его заявление.

– Я не собиралась одевать вас за свой счет, мистер Джордж. Вас оденет американский Красный Крест. Смокингом и обувью вас снабдят как бедного артиста-иммигранта, нуждающегося в этих вещах для получения работы. Я лишь составлю вам протекцию.

– В таком случае благодарю вас, мисс.

– Как видите, я практичная женщина. Вам, конечно, нужен аванс. Что ж, получите! – она положила на стол несколько кредиток. – Сворачивайте все свои дела и завтра же переселяйтесь в гостиницу. Ровно в десять утра буду ждать вас в холле.

Разыскав Рубинчика на Галатской лестнице, Назаров сообщил ему о переменах в своей жизни.

– Что ж, Юрий Николаич, действуйте. Из чичероне может выйти солидный человек, как-никак вы в университете учились. Постарайтесь заморочить голову американской крале, если она не уродина.

– Спокойно, Самуил, она предупредила, что наши отношения будут чисто деловыми.

– Я вас умоляю! Все это бабьи ритуальные пляски. Соппротивление – неотъемлемая часть их любовных игр.

– Однако нашей общей жизни конец, я переезжаю в отель.

– Даже Рокфеллер начинал скромнее. Вам уже выдали аванс, а ему первые четыре месяца вообще не платили. Что делать, пришла пора расстаться. Устроим прощальный ужин? С меня две бутылки самоса!

Вечером приятели сидели в своей комнате и пили вино. И без того словоохотливый Рубинчик, выпив, тараторил без пауз.

– Если вам почему-либо не понравится у американки, то Самуил Рубинчик всегда к вашим услугам. Сема одесский может обмануть кого угодно, только не своего боевого товарища! Я не напрасно получил свои Георгиевские кресты, и для меня они тоже святы как память о нашем прошлом.

– Я всегда это знал и ценил вашу дружбу, Самуил. Спасибо за все.

Лилиан помогла Назарову получить в Красном Кресте необходимый гардероб. В элегантном костюме и модных туфлях он входил в гостиничный ресторан об руку со своей патронессой.

Она рассказывала ему об обычаях и нравах своей родины. Юрий вежливо внимал.

– Уверена, что Америка – единственная страна, где можно жить счастливо. Не то что эта дряхлая Европа со своими бесконечными войнами.

– В Америке тоже были войны, – заметил Назаров.

– Война Севера с Югом была войной за нашу независимость. Мексиканская и испанская вообще не войны, так – забавы.

Пообедав, они перешли в кафе. Лакей принес кофе и свежие газеты.

– Теперь о делах, – сказала Лилиан. – В Константинополе прошлые века и век настоящий завязаны в единый узел, который я не могу распутать. Все смешалось: греки, русские, турки, армяне, евреи... Кто там еще? Монахи обещали дать несколько статей по истории Византии, турецкий вопрос освещает местный журналист, а русские проблемы я доверяю вам, Джордж. Будете помогать мне писать статьи. Главное, они должны содержать сенсацию, чтобы увлечь читателя и завладеть его вниманием. Дилетантизм меня не пугает, нас никто не будет контролировать. Завтра же приступим к работе. А сейчас вы в качестве чичероне покажете мне вечерний Константинополь. Погода прекрасная. Только я хочу переодеться. Ждите меня здесь.

Она вернулась через полчаса, одетая в легкий клетчатый костюм, на плече – фотоаппарат в кожаном футляре.

Поехали на такси в азиатскую часть города. Назаров повел ее в Айя-Софию и, как заправский экскурсовод, рассказал о золотом веке Византии. Он много знал о Константинополе из

уроков истории и прочитанной литературы, вдобавок не стеснялся разбавлять свои рассказы романтическими сюжетами собственного сочинения. Ему казалось, что женщинам это нравится. Американка действительно развесила уши.

Потом они осмотрели развалины дворца византийских императоров, ипподром и еще одну мечеть. Лилиан то и дело щелкала фотоаппаратом, а когда устала, они снова сели в такси и велели шоферу медленно ехать вдоль Босфора.

Юрий продолжал блистать эрудицией:

– Возле этих ворот с мечом в руке погиб последний византийский император Константин XI Палеолог, или Константин Драгаш. Он был восьмым из десяти детей Мануила II и Елены Драгаш, дочери сербского князя Константина Драгаша. По византийской традиции, принцам дозволялось принимать фамилию матери, если она знатного рода. Константин предпочел фамилию Драгаш. А на той стене, по преданию, киевский князь Олег прибил свой щит, осаждая город. Во-о-н в той башне томились плененные запорожские казаки и пели свои грустные песни. А сейчас перед вами развалины древнего языческого храма. Его плиты давно поросли травой забвения, как и это турецкое кладбище. Всюду следы дикого язычества, поверженного христианства и неумолимого ислама. Каждая религия претендует на истинность, но ни одна из них не сумела объединить человечество.

– Теперь на это претендует коммунизм, – заметила Лилиан. – Вы не проголодались, мистер Джордж? Лично я очень! Остановимся у ресторана.

Они взяли столик на открытой террасе греческого ресторана с видом на Босфор и Константинополь. Лилиан заказала вино.

– А вы прекрасный гид, мистер Джордж, – сказала она за ужином, – сумели увлечь меня рассказами о христианском прошлом Востока. Ваше знание истории мы обязательно используем.

Юрий молчал, залюбовавшись пейзажем.

Ночь наступила по-южному внезапно. Город озарили тысячи огней. Их растянувшиеся нечеткие отражения качались на черной воде, как причудливый полосатый ковер. По заливу то и дело сновали катера, ломая световые узоры. Мелкие волны с поистине восточным подбострастием лизали «подошвы» стоявших на рейде судов.

«За подбострастием обычно скрывается коварство, в любой момент искательность может обернуться местью. Вся любовь – до первого шторма, – думал Назаров, но тут же отвлекся, вспомнив строчку из своего детского стихотворения: “Этой ночью случайной не пригрезилась ли золотыми свечами по реке корабли?” – Неужели я писал девушкам стихи?»

Гражданская война в России закончилась победой большевиков. Соппротивление белых генералов и их армий было подавлено ценой огромных жертв. Последней пала армия барона Врангеля в Крыму.

Осенним утром 1920 года на рейде Босфора выстроилась его флотилия, а Константинополь заполнили тысячи беженцев – военных и штатских. Люди приехали со своими семьями, жалким скарбом и разбитыми надеждами. Строевые части, казаков и пехоту, решено было на транспортных судах переправить в Галиполи и на остров Лемнос. Около ста тысяч людей, лишенных крова, чинов и средств, превратились в скитальцев Ближнего Востока. Возле русских судов крутились шлюпки «братьев-христиан»: греки и армяне, не смущаясь, предлагали беженцам провиант в обмен на драгоценности. То же самое происходило на Пера и во дворе русского посольства.

Однажды Назаров встретил Рубинчика, крутившегося возле беженцев. Увидев Юрия, он поманил его к себе.

– Юрь Николаич, начался сезон золотых дождей, даже ливней! – радостно сообщил он. – Я уже снял магазин на Пера. Покупаю и беру на комиссию вещи. Смотрите, сколько всего

привезли соотечественники! Если вам надоела ваша мамзель, то могу взять вас к себе. Одно условие: работать надо с холодной головой, отбросив эмоции.

Рубинчик хвастался, что уже скупил несколько икон в серебряных ризах и старинные граюры. Огромный баул был набит золотыми и серебряными табакерками, братинами, сувенирными пасхальными яйцами, бронзовыми статуэтками, малахитовыми чернильницами, пепельницами, прочими ювелирными изделиями. Юрия особенно резанули по сердцу царские ордена и медали, гирляндой нанизанные на грязную ленту.

– Рубинчик, вам не жаль этих страдальцев?

– Если не я, то все скупают армянские и греческие спекулянты. И почему Самуил Рубинчик должен давиться жалостью за господ белогвардейцев? Разве они любили евреев? Кто придумал погромы и черту оседлости? Кто всегда презирал нас? Я лишь помогаю офицерам из штаба Врангеля загонять казенное имущество. Скоро я буду богат, потому что имею мозги.

Рубинчик фанфаронил перед Назаровым, как бы желая показать преимущество живого ума перед образованностью. Комплекс неуча всегда задевал его самолюбие, не зря же он любил повторять: если ты такой умный, то почему такой бедный? Юрий стерпел цинизм Рубинчика, так как не хотел портить отношений с единственным товарищем. Одиночество на чужбине – худшее из всех одиночеств, это он уже понял.

С приходом русской флотилии Константинополь стал еще оживленной. На Пера и всех примыкавших к ней улочках открылись новые магазины и рестораны, где дамы из высшего света работали официантками. Местных и заезжих негоциантов, а также офицеров союзнических армий потчевали борщом со сметаной, пирогами, шаньгами, окрошкой, наливками, водкой, блинами с икрой. Всюду звучала русская музыка. Иностранцев почему-то восхищала песня про Стеньку Разина. Улицы наводнили русские разносчики газет и мелкие офени. Женщины торговали с лотков горячими пончиками, которые пришлись по вкусу здешней публике. Появились русские хамалы, дровосеки, печники, кузнецы, гончары, а с ними нищие и проститутки. Мужчины, потеряв всякую надежду на устройство своей жизни, завербовывались в иностранные легионы для войны в Марокко и Индокитае, некоторые нанимались на плантации в Южную Америку. Сотни бездомных людей всех возрастов, как скот, валялись на полу вместе со своим скарбом. Чтобы они не умерли с голоду, международный Красный Крест как-то подкармливал беженцев. Бывшие офицеры высшего состава продавали казенное имущество и скупали валюту. Многим уже удалось выехать во Францию или Германию. Таким оказался финал исторической трагедии, которую иностранцы обозначили примитивным клише: «красные и белые».

Генерал Врангель жил на яхте «Лукулл». Он продолжал делать публичные заявления, говорил о погибающей родине, которая ждет возвращения своих сынов. Назаров был уверен, что белое движение было обречено с самого начала, ибо у него не было главного – идеи, способной объединить весь народ. Каждый белогвардейский лидер гнул свою линию, мало считаясь с другими генералами, взявшими на себя миссию спасения России. Больше других военачальников он корил Колчака: сначала предал свою семью, потом Государя, а во время исторической кульминации, когда шли решающие бои, никак от любовницы не мог оторваться. Старая песня: «нас на бабу променял». Красные оказались намного организованней, их лозунги нравились крестьянам, которых в стране было большинство. О том, что эти лозунги окажутся пропагандистским капканом, люди узнают слишком поздно, когда уже ничего нельзя будет исправить.

Иногда Юрий встречал кого-то из старых знакомых. Все они влачили жалкое существование и просили о помощи. Но он ничем не мог им помочь, потому что и сам был таким же неприкаянным беженцем.

– Сегодня вечером мы навестим одного турецкого журналиста в доме его матери, – объявила Юрию Лилиан, когда они закончили редактировать статью.

Встретившись в пять часов у «Токатлиана», поехали в Старый город и, петляя среди узких средневековых улочек, отыскивали нужный дом. Калитку открыла пожилая негритянка. На пороге дома их встретил молодой турок, примерно одного возраста с Назаровым.

– Мой секретарь мистер Джордж Назаров, русский дворянин, – представила Лилиан Юрия.

– Очень приятно, Мехмед, – турок пожал протянутую руку.

В обставленной по-европейски гостиной на одном из диванов сидела хозяйка дома. Трудно было определить ее возраст, настолько искусно она была накрашена. Запах духов был по-турецки приторным.

– Рада видеть у себя дорогих гостей. Мое имя Эминэ, – сказала она по-французски, пожимая по очереди руки Лилиан и Юрия.

Их усадили за круглый стол. Служанка принесла кофе в крошечных чашечках из прозрачного фарфора и вазу со сладостями.

После кофе все, включая хозяйку, закурили.

– Вам нравится Стамбул, мисс? – спросила она американку.

– О да, чудный город, Эминэ-ханум! Столько исторических памятников, которые производят сильное впечатление. И какая изысканная кухня! Впрочем, я могу наблюдать здесь только за жизнью европейцев...

– ...которые завладели нашей столицей, – охладила ее пыл хозяйка.

– Турецкий народ скрывает свой быт от чужих глаз, – продолжала Лилиан, пропустив реплику мимо ушей. – Законы Корана...

– Если бы их не было, мы бы погибли как народ, – вставил Мехмед.

– Вы гостите в прогрессивном доме, – увела разговор в сторону его мать. – Я получила европейское образование, мой муж был врачом, учился в Париже. Как вдова, я чувствую себя свободной женщиной, но, выходя на улицу, все же надеваю чадру. Родственники осуждают меня за эту двойственность, но сын вполне понимает.

– Значит, вы одобряете эмансипацию женщин? – обратилась Лилиан к Мехмеду.

– До известного предела и с учетом наших законов. Мы не допустим, чтобы нашими женщинами торговали, как европейками. Вы понимаете?

– Понимаю, – кивнула Лилиан, – в вас говорит национальная гордость. Но чем можно оправдать феномен многоженства?

– А разве ваши мужчины не многоженцы? Разница лишь в том, что мусульманин обязан содержать всех своих жен и детей, а европейцы гуляют тайно, – горячо возразил турок.

– Вы правы. Это, пожалуй, более нравственно, хотя не очень приятно для женщин.

– Гаремы сохранились только у султана и его визирей, – сказала Эминэ. – Это, считай, конченные люди. Молодая Турция там – в Анатолии, у Кемалья. Скоро повстанцы придут сюда, и Кемаль прикажет женщинам снять чадру. Мы охотно это сделаем.

– Как вы думаете, чем отличается турецкая женщина от европейки? Я читала «Азиаде» Пьера Лоти и «Человек, который убил» Клода Фарера.

– Забавные романы, – иронично улыбнулась хозяйка.

– По-вашему, образы турчанок в них неправдивы?

– Сплошной вымысел сторонних людей.

– Почему же вымысел?

– Потому что автор – европеец, он не мог знать ни одной турчанки.

– Разве Азиаде не является художественным слепком с живой женщины? А любовь капитана у Лоти? Неужели ничего такого не могло произойти?

– Мне жаль вас разочаровывать, мисс, но дама, ставшая прототипом героини романа, на самом деле была француженкой, жившей в Стамбуле с детских лет. Она обманула влюбившегося в нее Лоти. Я ее хорошо знала. Бедняга Лоти умер, так и не узнав правду. Близость

с европейцем для турчанки невозможна, так как, по закону Корана, за это ей грозит смерть. Продолжайте писать романы, оперы и даже ставить балеты о нашей жизни, мы будем их читать, слушать, смотреть и умиляться сентиментальными сюжетами, но мы не узнаем в них себя, так как это не мы, а ваши фантазии о нас.

Лилиан казалась озадаченной, но не хотела сдаваться:

– Вы тоже любите и страдаете, разве не так?

– Конечно, но по-своему.

– Как жаль, что я не мужчина! Я попыталась бы разгадать тайну турецкой женщины.

– Вы ее не разгадаете, пока на женщинах чадра.

– А вдруг, когда вы ее снимете, исчезнет вся прелесть женщины Востока?

Эминэ холодно ответила:

– Для европейцев чадра – экзотика, а для женщин Востока – проклятие и символ зависимости от мужчины.

– Вы, вероятно, русский офицер? – обратился Мехмед к Назарову.

– Да, я служил в русской армии.

– Я тоже бывший турецкий офицер. Вы не находите, что мы оба являемся жертвами истории?

– В истории всегда так: одни выигрывают, другие проигрывают, – сказал Юрий. – Но вы пока не проиграли, так как верите, что вот-вот наступит турецкий ренессанс.

– Вы правы, скоро мы начнем строить совершенно другую страну – национальное государство турецкого народа. Греки, арабы и славяне здесь больше не нужны. Ислам не будет препятствовать нашему развитию, наоборот, он поможет нам. С русским народом, сочувствующим нашей борьбе, мы будем жить в дружбе. Так говорит Кемаль. Наша первоочередная задача – разбить и изгнать греков. Они надеются возродить Византию, это спустя четыреста лет. Совершенно безумная идея.

– Вам видней, – уклончиво ответил Назаров.

Дальше этого греческую тему развивать не стали, переключившись на политику США и Европы.

Наконец пришла пора прощаться. Лилиан поблагодарила хозяев за радушный прием.

По дороге в отель она сказала Назарову:

– Было интересно, но это совсем не то, что мне нужно.

– Что именно вы хотели узнать, мисс?

– Я хотела бы проникнуть в тайну турецкой жизни, например, заглянуть в настоящий гарем.

– Не думаю, что султан или его визири пригласят вас на экскурсию.

– Об этом нет и речи. Пусть будет скромный, обывательский гарем. Подумайте над этим, мистер Джордж. Я не остановлюсь перед затратами. Журнал хорошо нам заплатит за сенсацию.

– Подумаю, мисс, но это очень трудное дело.

– Так докажите, что вы умеете преодолевать трудности!

«Ишь ты! Уж не хочет быть она черною крестьянкой, хочет быть столбовою дворянкой, – хмыкнул про себя Юрий. – Что ж, сгоняю к синему морю, кликну золотую рыбку: “Самуил, а Самуил, отведи ты в гарем неугомонную американку, дай мне, русскому мужику, отдохнуть от бабьей дури!” Самуил, конечно, может многое, но ведь не все. Хотя...»

Утром следующего дня Назаров пришел в магазин Рубинчика. Было видно, что приятель преуспевал. Все прилавки забиты товарами: подержанная одежда, обувь, меха, белье, военные бинокли, шашки, револьверы, фотоаппараты, посуда, ковры, иконы, церковная утварь и прочая. Отдельно под стеклом выставлены ювелирные изделия: кольца, серьги, браслеты, портсигары, нательные и даже наперсные кресты и панагии. За прилавком – хозяин сокровищ.

– Полюбуйтесь, сколько всего дал Бог бедному еврею за его труды и лишения, – он воздел руки к небу.

Из боковой двери вышла молодая черноокая женщина. Рубинчик не без гордости указал на нее бровями как на одно из приобретений:

– Эспаньолка! Как я и хотел. Взял ее с испытательным сроком. Не выдержит экзамен – прогоню и возьму другую. Для мужчин законы Турции – блаженство. А как ваши дела, Юрь Николаич?

– Все бы ничего, но американка требует от меня невозможного.

– Что значит «невозможного»? Разве для нас существуют преграды?

– Она хочет, чтобы я показал ей гарем.

– Покажите. Делов-то.

– Рубинчик, где я возьму гарем?

– Их у нас тоже имеется, к примеру, мой гарем подойдет?

– Вы завели гарем? – купился Назаров.

– Почему бы и нет? Можно завести, если друг просит.

– Каким образом?

– Очень просто. Одна жена у меня есть, найдем еще двух. Подруги моей жены, уверен, согласятся на эту роль, но, конечно, не бесплатно. Их можно понять. А сыграют свои роли так, что прима одесского театра утопится от зависти. Я сам сыграю турка, так и быть даром, просто из любви к боевому товарищу. В душе я артист...

– Когда это можно будет устроить? – Назаров заразился авантюризмом друга.

– Да хоть завтра. Приводите свою цыпочку в восемь вечера.

Думаю, успеем подготовиться.

– Куда привести?

– В мою квартиру в Стамбуле. Я буду ждать вас у Галатского моста.

– Отлично! Возьмите пока тридцать лир на расходы, позже получите еще.

– Все будет как в Одессе! Публика опухнет от рыданий.

– Да уж постарайтесь, пожалуйста, Самуил. Главное, американка ничего не должна заподозрить.

– Юрь Николаич, скоро вы убедитесь, что я не только хороший актер, но и режиссер гениальный.

– Спасибо, Рубинчик! Вы – настоящий друг, всегда меня выручаете.

– А как же иначе! Разве мы не одесситы? – подмигнул Рубинчик.

Ровно в пять Назаров пришел в ресторан. Лилиан уже ждала его. Оркестр играл джаз. Юрий пригласил ее на фокстрот. Потом танцевали английский вальс и танго.

– Вы отлично танцуете, мистер Джордж, – похвалила она.

– Я готов исполнить и другую вашу просьбу, мисс.

– Какую?

– Вы просили меня показать вам гарем?

– Неужели!

– Я познакомлю вас с турком, который согласен показать свой гарем, правда, небольшой: всего три жены.

– Пусть небольшой – неважно! Лишь бы это был настоящий гарем.

– Он состоятельный человек, но очень скупой.

– Мы заплатим!

– Разумеется, придется заплатить. Только из-за денег он и согласился открыть дверь своего дома перед американской подданной.

– А это не опасно для жизни, мистер Джордж?

– Конечно, риск есть, турки – народ коварный.

- А, плевать! Я люблю риск! Возьму с собой револьвер на всякий случай. Итак, когда?
- Завтра вечером. В восемь часов нас будут ждать.
- Я довольна вами, мистер Джордж!

Следующее утро они провели в поисках сенсаций. Лилиан собирала сплетни по консульствам и среди офицеров союзных армий. У нее была репутация пронырливой и не очень честной журналистки, но привлекательная внешность делала свое: мужчины искали ее внимания и старались услужить.

Вечером они отправились в Галату. У моста их встретил Рубинчик, переодетый в турецкий народный костюм: вышитую куртку, шаровары, традиционную феску. За широким поясом торчал кривой ятаган.

Юрий был шокирован: «Ятаган-то зачем нацепил, босяк ряженный! Теперь я точно лишусь работы. Да и за балаган придется ответить...»

– Салям алейкюм! – поздоровался Назаров.

– Алейкюм салям! – услужливо ответил Рубинчик, слегка коснувшись ладонью, по турецкому обычаю, лба, уст и сердца.

Коротким жестом он пригласил европейцев следовать за ним и привел гостей в узкий переулок первой за мостом улицы, затем свернул во двор.

Дом был двухэтажный с наружной галереей. Своим ключом Рубинчик открыл дверь и любезно поклонился, приглашая Лилиан войти в квартиру, а Назарову показал запретительный знак. Юрий попытался отодвинуть «турка», но тот не поддался и несколько раз ткнул пальцем в небо: «Коран! Коран!...»

Пришлось Назарову остаться во дворе.

Лилиан и Рубинчик вошли в большую комнату, устланную выцветшими коврами. Вдоль стен – низкие лежанки с множеством подушек. Перед самой широкой тахтой – резной столик. Три молодые черноволосые женщины приветствовали Лилиан на ломаном французском языке. Жена Рубинчика играла роль переводчицы.

Он предложил гостье сесть и сел сам.

– Это ваши жены? – спросила Лилиан.

– Мой гарем, – ответил Рубинчик. – Сейчас только три, а было пять, – он показывал еще и на пальцах.

– Куда же они делись?

– Секим башка! – хладнокровно ответил Рубинчик, проведя ребром ладони по горлу. – Закон... Коран...

– Неужели зарезали! – ужаснулась Лилиан. – За что?

– Изменяли, – ответил он просто, как сказал бы «болтали».

– С кем можно изменять в гареме?

– С евнухом.

– Но как же это возможно, не понимаю...

– Вы не понимаете, а он понимал! Когда я его нанимал, он сказал, что евнух. Я не проверил, думал, он честный человек. Что я, доктор?!

– А где вы спите?

– Здесь, все вместе, но я веду список посещения жен, чтобы никому не было обидно. Закон!

– А гулять они ходят?

– Конечно. Каждый день гуляют во дворе, когда чистят ковры.

– Но это же тюрьма! – не сдержалась Лилиан.

– Это – гарем, ханум.

– Как вы думаете, ваши жены счастливы?

Рубинчик обратился к женам:

– Ханум спросила, довольны ли вы?

Они разом закивали головами:

– Да!

– Да!

– Очень!

– Чем вы их кормите, эфенди?

– Даю им то, что положено в гареме: кофе, рахат-лукум, инжир, кишмиш, халву. Сам пророк Мухаммед, да будет свято в веках его имя, не кормил своих жен лучше.

– Вы дарите им подарки?

– Что за вопрос, ханум! Женщин надо баловать. Каждый год они получают по новому платью и по чадре, – самодовольно ответил Рубинчик и опять стал бормотать: «Гарем, Коран...»

– И дети у вас есть?

– Нет, ханум, детей аллах не дает.

– Три жены и нет детей? Как же так?

– Воля аллаха. Кисмет! – вздохнул «эфенди».

Он трижды ударил в ладоши. Одна из женщин вышла и вскоре вернулась с подносом, на котором принесла угощение. Поставив на стол кофейник, миниатюрные чашечки и вазочки со сладостями, она скромно отошла в сторону.

Рубинчик налил себе и Лилиан кофе, придвинул чашку к госте.

– Разве ваши жены не хотят кофе?

– Сейчас нет. Им нельзя сидеть в моем присутствии. Они будут танцевать.

Допив свой кофе, Рубинчик взял бубен и начал ритмично ударять в него. Две женщины закружились в восточном танце, а жена Рубинчика прихлопывала в ладоши.

– Какая из них вам больше нравится? – спросил Рубинчик.

– Вот эта, – указала Лилиан на самую молодую. – Она такая гибкая.

– Ее зовут Фатьма. Я вам ее дарю.

– Как можно! – растерялась Лилиан.

– Почему бы и нет? – удивился «муж». – Ведь она – моя собственность. Захочу – подарю, захочу – зарежу. Закон!

– Но ведь вы, наверное, дали за нее выкуп, потратились...

– Для такой прекрасной гостьи я готов проявить щедрость.

– Да, вы очень щедры, эфенди. Я тронута вашим гостеприимством, но что я буду с ней делать?

– Что хотите, ханум. Она будет развлекать вас, выполнять ваши приказания, – он повернулся к «жене»: – Расскажи, Фатьма, что ты умеешь делать?

– Танцевать, петь, любить... – начала перечислять Фатьма.

– Я вас заверяю, ханум, она умеет абсолютно все, что необходимо уметь женщине. Собирайся, Фатьма!

– Я готова, мой повелитель, – покорно сказала женщина.

– А где ее вещи? – спросила Лилиан, решив, что теперь ей будет о чем поведать миру.

– Какие вещи? – удивился «турок». – Только то, что на ней.

– Хорошо, – согласилась Лилиан, – я куплю ей все, что нужно.

– Не печалься, Фатьма. На твое место я возьму другую жену, не хуже тебя, – «утешал» женщину Рубинчик.

– Большое спасибо за подарок, эфенди. Я увидела нравы турецкого гарема. Мой чичероне передаст вам конверт.

– Гарем – лучшее место для женщины, ханум, – расплылся он в улыбке.

– Благодарю вас, милые женщины, за угощение и танцы, – обратилась Лилиан к «женам».

Они заплакали, прощаясь с Фатьмой, подавая ей чадру и бубен. Горше всех рыдала жена Рубинчика.

– Пойдемте со мной, дорогая, – Лилиан обняла «турчанку» за плечи.

Назаров встретил их у ограды.

– Отдайте ему деньги, – прошипела Лилиан сквозь зубы.

Назаров передал Рубинчику конверт с гонораром и сказал, что навестит его, когда освободится.

Он догнал Лилиан и Фатьму, спросил, в чем дело.

Американка объяснила:

– В подарок от хозяина гарема я получила одну из его жен. Ее зовут Фатьма. Этот турок – мерзкий рабовладелец с замашками уголовного. Двух своих наложниц он прирезал, как ягнят.

Назаров молчал, сбитый с толку проделками Рубинчика. «Вот шут гороховый!» – мысленно ругал он своего шкодливого приятеля.

Возле моста сели в такси. В предчувствии сенсации Лилиан сияла. Ее ждал триумф и репутация знатока Востока, закрытого для европейцев.

Фатьма молчала, забившись в угол машины.

Приехав в гостиницу, они поднялись в номер Лилиан и заказали ужин. Она рассказала Назарову обо всем, что произошло в гареме.

– Огромное спасибо, мистер Джордж, вы превзошли самого себя. Благодаря вам у меня появилось столько новых впечатлений. Думаю, моя сенсация потрясет цивилизованный мир.

– К вашим услугам, мисс.

Юрий не представлял, как они выпутаются из авантюры, затеянной Рубинчиком, по-прежнему боясь, что Лилиан узнает о розыгрыше.

Он еще не лег, когда в дверь постучали. Не дождавшись отзыва, вошла все еще возбужденная Лилиан.

– Вы не спите, Джордж? Что мы будем делать с Фатьмой?

– Не знаю, мисс Лилиан. Получили подарок – пользуйтесь.

– Зачем мне этот подарок, я женщина. А хотите, я отдам ее вам?

– Благодарю вас, мисс, мне она не нужна.

– Вы не желаете осчастливить хорошенькую женщину?

– В обязанности секретаря это не входит.

Юрий впервые показал американке, что раздражен, но она не обиделась, находясь в состоянии эйфории.

– Понимаю, у вас есть возлюбленная? Где она? В России осталась?

– Слишком много вопросов, мисс.

– Когда у вас будет настроение, вы расскажете мне о своей девушке, мистер Джордж. Быть может, я смогу вам чем-либо помочь.

Лилиан покинула его номер, не понимая, почему он был не в духе. Впрочем, мрачность чичероне не испортила ей праздника.

Утром Назаров застал американку одну.

– Где Фатьма?

– О, мистер Джордж! Тут такое произошло!

– Сбежала?

– Если бы! Очень рано, когда мы еще спали, пришел какой-то турок, назвался агентом тайной полиции и потребовал выдать Фатьму. Я протестовала, но он пригрозил, что обратится за помощью к султану. Что было делать? Бежать к нашему послу?

– Что вы! Мог получиться международный скандал.

– Знаю. Агент надел на Фатьму наручники и увел. Она так плакала.

– Теперь она погибла, мисс Лилиан! Разве можно принимать такие подарки, вы же цивилизованная женщина!

– Но я сочла это восточной причудой. Мне казалось, что я помогу Фатьме стать свободной.

– Теперь ее обвинят в бегстве из гарема. По законам шариата ей грозит смерть. – Назаров не без удовольствия подливал масла в огонь. – Кто поверит, что вам ее подарили? Турок, вероятно, опомнился, пожалел о своей расточительности и заявил в полицию, мол, от него жена сбежала.

– Что я наделала! – сокрушалась журналистка.

– Да уж... Теперь ее зашьют в мешок и бросят в море. – Назаров явно перегибал, наказывая взбалмошную американку за самоуверенность.

– Боже, как я виновата! Умоляю, спасите ее во что бы то ни стало!

– Трудно что-либо обещать. Не хватало самому вляпаться в криминал.

– Дайте взятку, скупиться не надо, деньги я дам.

– Попробую уладить это дело, посмотрим, что получится.

– Мы с ней подружались, – оправдывалась Лилиан. – Фатьма рассказала мне печальную историю своей жизни. Отец продал девочку, когда ей было всего семь лет. Представляете, какие здесь нравы! Муж оказался настоящим тираном и развратником. Бил ее каждый день и приказывал другим женам бить. Когда она мне это рассказывала, я сама готова была задушить этого турка. Конечно, тут же, чтобы не забыть, я записывала ее рассказы. Получился великолепный материал, правда, пока без финала. Хорошо, что мне хоть немного удалось помочь бедняжке: я подарила ей два платья, кое-что из белья, дала денег. Теперь идите, мистер Джордж, и постарайтесь ее найти.

Назаров пошел в магазин, где застал весь «гарем» в сборе и прекрасном расположении духа. Рубинчик все еще был в ударе и разыграл Юрию в лицах, как вчера все происходило. Жена Рубинчика была под стать разбитному мужу.

– Вы убедились в моем лицедейском таланте? – спросил Рубинчик.

– Вы были великолепны. Однако своим подарком сильно запутали дело.

– Я же его и распутал.

– Тайным агентом тоже были вы?

– Кто ж еще! Я загримивался, и мадам меня не узнала. К тому же вчера в комнате был полумрак, вряд ли она меня разглядела. Видели бы вы, как ваша мамзель испугалась утром. Кстати, Фатьма осталась довольна ее гостеприимством и подарками.

– Что мне сказать американке?

– Скажите, что Фатьму бросили в Босфор. Впрочем, не годится, она потребует доказательств, еще заявит в полицию. А если сказать, что ее вернули в гарем? Хотя почему вернули, если уже подарили? Глупо... Вот что! – Рубинчик хлопнул себя по лбу. – В нее влюбился арестовавший ее агент полиции, ну и взял в свой гарем.

– Но как мы сообщим об этом Лилиан?

– Моя жена напишет ей письмо как бы от лица Фатьмы. Турчанка, конечно, неграмотна, что ж, за нее напишет полицейский.

С ошибками, по-английски нацарапает, что теперь у Фатьмы новый муж и что гарема у него нет. Слава аллаху за все милости, ну и вам спасибо за все, дорогая мисс.

Рубинчик продиктовал жене текст письма.

– Отправьте его по почте, – сказал Рубинчик, передавая Юрию исписанный лист, – завтра мадам получит утешение. Пусть еще сутки помучается. Будет ей наука.

– Вы гений, Рубинчик!

– Знаю.

Они выпили вина за успех дела, и Назаров вернулся в отель.

Лилиан ждала его и сразу же накинулась с вопросами:

– Ну как? Что вы узнали? Плохие новости?

– Пока ничего утешительного, мисс Лилиан. Никаких следов. Остается только молиться за душу несчастной девушки.

– Это ужасно! Что я наделала! – причитала она. – Вы правы, мистер Джордж, давайте помолимся за нее.

Несколько минут прошло в молчании. Лилиан сидела, закрыв глаза, губы ее шевелились. В эти минуты она показалась Назарову премиленькой. Ее лицо говорило о раскаянии и вере в доброту Бога, которому она молилась. И она действительно повеселела:

– Идемте обедать, мистер Джордж, я ужасно проголодалась.

Вечером она беспечно танцевала с Назаровым в европейском баре. Но во время танца все же сказала:

– Образ Фатьмы преследует меня, а больше всего терзает неизвестность.

– Может, это только любопытство, мисс Лилиан?

– Это больше, чем любопытство, мистер Джордж! Мне не безразлична судьба бедной девушки.

«Странная эта Лилиан, – думал Назаров, – трудно понять, добрая она или злая, умная или глупая. Одно очевидно: самоуверенная и наглая».

Утром Лилиан влетела в его номер без стука:

– Господь услышал мои молитвы и сжалился надо мной. Я получила письмо от Фатьмы. Она жива и, представьте, счастлива. Вот, посмотрите, – она сунула Назарову письмо.

Он прочел то, что уже слышал от Рубинчика.

– Не правда ли, какая чудесная и трогательная история? – сказала Лилиан, пряча письмо в ящик стола. – Теперь моя совесть спокойна.

«Неужели она действительно настолько наивна, – удивлялся Назаров, – ведь эта мелодрама так примитивно разыграна. Стоит лишь чуточку напрячь мозги, становятся видны все швы и узлы. Что это – глупость, тщеславие, погоня за сенсацией?..»

– Я иду дописывать рассказ, – сказала ему Лилиан. – Думаю, что правдоподобней будет утопить Фатьму в Босфоре. Если я напишу, что в нее влюбился полисмен, меня упрекнут в плагиате, скажут, что я украла сюжет у Мериме.

– Как пожелаете, мисс, можете утопить, еще эффектней сбросить ее с лодки. Или нет, пусть лучше она вырвется от деспота-мужа, побежит вверх по скале, поскользнется, упадет в море, и ее поглотит пучина.

– А что, пожалуй. Чем банальней, тем правдоподобней. Вечером Лилиан прочитала Назарову новеллу «Фатьма».

Как он ни силился, все же не смог сдержать улыбку, и они едва не поссорились. Юрий оправдывался, мол, слишком уж все по-восточному «цвятасто».

– Зато правдиво! – отрезала она.

Журналистика пришлась Назарову по плечу. Лилиан почти не вмешивалась в его тексты, считая их вполне профессиональными. Только английская грамматика у него хромала. Иногда американка просила писать на французском или немецком, ему это было проще. Он со всеми заданиями справлялся, и капризной работодательнице не в чем было его упрекнуть.

В один из июльских дней она сообщила:

– Завтра мы идем на прием к генералу Врангелю. Я достала два пропуска.

– Вы желаете взять у него интервью? – у Юрия забило сердце, как-никак легендарный Врангель, к тому же свой – русский.

– Я хочу изложить ему кое-какие соображения и узнать мнение генерала. Думаю, мой проект его заинтересует.

Утром катер доставил Лилиан и Юрия на яхту «Лукулл».

Матрос помог им подняться на палубу. Подошел очень красивый офицер, которому Лилиан вручила пропуск и визитную карточку. Офицер попросил их следовать за ним и привел в небольшой, со вкусом обставленный кабинет.

Генерал сидел за письменным столом в светлой черкеске, на груди – Георгиевский крест. Он привстал при появлении гостей, жестом пригласил их сесть.

– Мой журнал, – начала Лилиан по-французски, – поручил мне задать вам один вопрос. В некоторых кругах США бытует мнение, что после отказа союзных держав поддерживать вашу борьбу с большевиками американскому правительству следует взять на себя заботу о сохранении российских вооруженных сил, для того чтобы при удобном случае вы смогли возобновить борьбу. Но пока вам следует принять участие в войне греков против Кемаль-паши за восстановление Византии. После захвата Константинополя вы бы могли получить обеспечение для дальнейшей патриотической борьбы. Соединенные Штаты, в свою очередь, предоставили бы вам необходимую технику, вооружение и продовольствие.

Назаров слушал, с каким апломбом излагала Лилиан свои политические бредни, выдавая их за «общественное мнение американских кругов», и кипел от ярости. Такого нахальства он не ожидал даже от нее. Ему было неловко присутствовать при этом.

Врангель выслушал журналистку с невозмутимостью скалы. Он уже привык к глупости и наглости политических дилетантов.

– Благодарю вас за информацию, мисс, она, несомненно, интересна, но я не занимаюсь вопросами международной политики. Мои сухопутные и морские силы находятся в распоряжении наших союзников. Это все, что я могу сказать по данному вопросу. Честь имею.

Врангель встал, давая понять, что прием окончен. По его звонку явился тот же красавец-офицер и проводил их до трапа.

Лилиан была оскорблена и не скрывала этого, ругаясь вслух:

– Сноб, нахал, дикарь!

Зато Назаров аплодировал генералу.

В такси он сказал:

– Меня потряс ваш авантюризм, мисс Лилиан. Мало кто решился бы выдавать свои политические фантазии за общественное мнение большой державы. Вы сейчас сильно рисковали своей репутацией...

Лилиан резко оборвала его:

– Кажется, вы читаете мне мораль, мистер Назаров? Я – корреспондент известного политического журнала. У меня приличный стаж работы, и я нахожусь в Константинополе не для того, чтобы танцевать фокстроты. Мнение журналиста всегда является выражением мнения читателей. У нас массовый журнал, следовательно, мы сознательно прибегаем к эмоциональной аргументации, чтобы соответствовать уровню развития широких масс. Чтобы ошеломить и развлечь читателя, нужны скандальные известия, и ничего страшного, если ради сенсации мы иногда немного искажаем факты или произвольно их интерпретируем. Мы должны уметь делать политику. И деньги! Если босс требует сенсаций, а таковых нет, значит, мы их сфабрикуем. Журналистика – это бизнес, но вы в этих делах пока что большой бэби, мистер Джордж. Мы – американцы, деловой народ, если угодно, прагматики.

«А никто и не обольщается на ваш счет, пастухи коровьи! Здорово тебя Врангель отшил, самодовольная пигалица! Мнишь себя деловой, а на деле просто дура, набитая штампами и чужими цитатами», – мысленно торжествовал Назаров.

Последствия размолвки могли быть для него плачевны. Вполне логично, если американка уволит его за грубость. Только не все в этом мире подчиняется логике. Солнце было уже в зените, замутив полуденным жаром прозрачность летнего дня. Воздух выгорел добела и подра-

гивал, как парус на мелкой волне. От наступившего зноя даже логика плавилась, превращаясь в бесформенную субстанцию. Лилиан попросила принести ей лимонад со льдом.

Большая терраса фешенебельного отеля на берегу Босфора была украшена зелеными гирляндами, цветами, разноцветными фонариками, французскими и турецкими флажками. Общество франко-турецкой дружбы чествовало французского писателя Клода Фаррера.

Когда пришли Лилиан и Назаров, вечер был в разгаре, террасу заполнила нарядная публика. Преобладали европейцы, преимущественно офицеры союзных армий, журналисты, представители духовенства, предприниматели. Турок было мало. Инициатива торжества принадлежала европейцам.

Клод Фаррер сидел за столом для избранных гостей в окружении элегантных женщин. Он много выпил и теперь то и дело острил, осыпал комплиментами дам и клялся в любви к турецкому народу. Едва ли он был знаком с этим народом, разве что наблюдал за экзотикой турецкой жизни из окна отеля, но, выполняя патриотическую миссию, как мог, старался укрепить пошатнувшийся в глазах Турции престиж Франции.

Лилиан и Назаров с трудом нашли свободный столик на краю террасы и заказали ужин. По водной глади залива скользили украшенные разноцветными фонариками лодки, добавляя празднику помпезности.

– Это напоминает мне Венецию, ее каналы и песни гондольеров, – сказала Лилиан, потягивая вино. – Хотелось бы и по Босфору покататься на лодке, мистер Джордж.

Назаров накинул на голые плечи своей спутницы меховую горжетку. Спустившись к воде, они наняли шлюпку.

Лодочник медленно греб вдоль залива. Гудели плывущие мимо пароходы, из отеля доносилась музыка. Очевидно, выпитое вино ударило Юрию в голову, потому что отражения электрических фонарей на воде смешались с мокрыми звездами неба, и улыбка полумесяца была игрива, как у наложницы.

– Сядьте ближе, мне холодно, – приказала Лилиан.

Назаров придвинулся, и она облокотилась на его плечо.

– Вы умеете любить по-рыцарски красиво? – спросила Лилиан.

– Когда-то умел.

– А теперь?

– Теперь воздерживаюсь.

– Почему?

– Помню ваше условие, когда вы нанимали меня на работу.

– Какое условие?

– Наши отношения должны быть сугубо деловыми.

– А ведь женщинам не нравится, когда соблюдают их условия. Назаров промолчал. Лилиан сама его поцеловала.

Лодка причалила к террасе. Они снова поднялись к своему столику. Лакей принес коктейль.

– Теперь будем танцевать! – Лилиан встала. Назаров тоже встал и предложил ей руку.

Домой они вернулись под утро.

– Жаль, что восточная ночь закончилась, – сказал Юрий в вестибюле отеля, целуя ей руку.

– Вовсе не кончилась, Джордж, я жду вас у себя...

Утром, открывая окно, она сказала еще дремавшему Юрию:

– Только не думайте, что отныне я потеряла свою свободу.

– Я и не думал, мисс, но зачем вы все испортили? – тусклым голосом отозвался он.

Лилиан поняла, что совершила бестактность, но не извиняться же.

Танцы, рестораны, экскурсии, политические сводки, интервью, статьи, доклады – смесь работы и развлечений продолжала заполнять жизнь Назарова. Между тем к турецкой столице почти вплотную приблизились повстанцы Мустафы Кемаля. Султан вместе с гаремом бежал в Египет на французском корабле. Вслед за ним кто куда, как крысы с обреченного корабля, стали разбегаться пришельцы, прибывшие в Турцию за материальной или политической наживой. Местные армяне и греки быстрее других подались в бега, поскольку им угрожали погромами. Поспешно укладывали чемоданы и разъезжались по своим отечествам западные «просветители Востока». В Константинополе замерла торговля, потому что предприниматели не желали рисковать бизнесом. Город походил на больного перед приступом эпилепсии, когда уже началась лихорадка, участился пульс и в любую минуту можно ожидать припадка. В прежнем режиме продолжали функционировать только кабаки и притоны. Запад и Восток готовились схлестнуться в решительной схватке.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.